

В.А.Чернышев

ХИНДИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ИНДИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

В.А.Чернышев

ХИНДИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

МОСКВА

Издательская фирма

«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

1998

ББК 81.2
Ч49

Ответственный редактор
И.Д.Серебряков

Редактор издательства
М.И.Карпова

Чернышев В.А.

Ч49   Хинди в современной Индии. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 264 с.
ISBN 5-02-018008-4

Монография В.А.Чернышева — фундаментальное исследование ключевых социолингвистических проблем языка хинди, законодательно провозглашенного официальным языком Республики Индия. В книге рассмотрены формы существования языка, языковая политика по отношению к хинди, функционирование хинди в различных социальных сферах: в системе образования, в средствах массовой информации, в официальном делопроизводстве и др.

Научное издание

Чернышев Владимир Александрович

Хинди в современной Индии

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Художник *Э.Л.Эрман*. Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректоры *Н.Ч.Годунова, Е.В.Карюкина*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

ЛР № 020910 от 02.09.94

Сдано в набор 09.02.98. Подписано к печати 20.08.98

Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1

Печать офсетная. Усл. п. л. 16,5. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 17,0

Тираж 500 экз. Изд. № 7771. Заказ № 161

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

000 «Пандора-1»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ББК 81.2

© В.А.Чернышев, 1998
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН,
1998

ISBN 5-02-018008-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие языковедческой науки последних десятилетий XX в. отмечено резким повышением интереса к проблемам функционирования языка в обществе. Изучение языковой ситуации и языковой политики, общественного статуса и сфер социального функционирования языка, проблемы литературных языков и их нормирования, проблемы языка межэтнического общения и билингвизма — все это встало в один ряд с исследованием структуры, лексики, этимологии того или иного языка и в этом заслуга многих ученых — как отечественных, так и зарубежных. В этой связи уместно, видимо, напомнить, что начало изучению социальных проблем языка было положено в бывшем Советском Союзе, да и сам термин «социальная лингвистика» (который позже трансформировался в более компактный — «социолингвистика») впервые употребил выдающийся советский языковед Е.Д.Поливанов (1891—1938) еще в начале 30-х годов.

Повышение интереса к проблемам социолингвистики обусловлено в первую очередь теми социально-политическими изменениями, которые произошли в мире после второй мировой войны. Крушение колониальной системы привело к тому, что на развалинах прежних колониальных империй в Азии и Африке возник ряд новых независимых государств, которые в отечественной научной литературе обычно именуют «развивающимися». С первых же шагов своего независимого существования эти государства столкнулись со многими трудностями, которые достались им в наследство от колониального прошлого. Среди этих трудностей языковой вопрос занимал далеко не последнее место.

Одной из развивающихся стран Азии — кстати, наиболее крупных — является Индия, за годы независимости превратившаяся в державу, во многом определяющую политический климат как в Азии, так и во всем мире.

Завоевав долгожданную независимость в августе 1947 г., Индия от эпохи колониализма получила тяжелое наследие. Наряду с центральными вопросами социального развития, такими, как преодоление экономической отсталости, создание независимой, высокоразвитой экономики, ликвидация массовой безработицы, повышение жизненного уровня народа и т.п., перед страной с первых же дней ее существования встали многочисленные и сложные языковые проблемы. Возникнув задолго до завоевания страной независимости, в условиях освободившейся Индии некоторые из них приобрели особую актуальность. Значение языка необычайно возрастает в эпоху научно-технической революции. Решение таких первоочередных задач, как создание современной промышленности, развитие науки и внедрение ее достижений в различные сферы экономической и социальной жизни общества, приобщение широких масс к культуре и активному участию в общественно-политической жизни страны, наталкивается на многочисленные препятствия и осуществляется гораздо медленнее, когда языковые вопросы остаются нерешенными или решаются односторонне. В таких условиях языковой вопрос нередко перерастает в политическую проблему.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что проблема языка привлекает пристальное внимание как в самой Индии, так и далеко за ее пределами.

Языковые проблемы — это не только (и, пожалуй, не столько) собственно лингвистические или функциональные аспекты языка, ибо в них находит отражение целый комплекс вопросов: социально-экономических, политических и иных.

Центральное место среди языковых проблем современной Индии занимает проблема официального языка. С того дня, как хинди был предоставлен столь высокий статус, прошло уже свыше 40 лет, однако страсти вокруг этой проблемы продолжают бушевать, хотя пыл их значительно поутих: проблема официального языка служит неисчерпаемой темой для бойких репортеров, о ней говорят и пишут общественные деятели и политики, ей посвящены многочисленные исследования социологов и лингвистов как в самой Индии, так и в других странах.

Если бы собрать все, что за эти годы было написано или сказано в связи с проблемой официального языка в стране, то получилась бы, вероятно, солидная библиотека, которая по своим фондам могла бы поспорить со многими книгохранилищами средней руки как в Индии, так и за ее пределами.

Такие дискуссии, какой бы пылкий характер они ни принимали, не могут быть плодотворными, если в их основе лежат лишь эмоции, а не объективный анализ фактов языковой действительности. Жизнь показала и народу, и его лидерам, что язы-

ковую проблему одним волевым актом, от кого бы ни исходил этот акт, или даже серией таких актов решить невозможно. Какими бы благими намерениями ни руководствовались поборники (или, наоборот, противники) того или иного языка, их усилия не способны привести к позитивным результатам, если в основе их лежат лишь эмоции. Это ведет только к возрастанию социальной напряженности в обществе, подчас выливающейся в конфликты, нередко кровопролитные, не способствуя решению проблемы либо же — в худшем случае — загоняя ее в тупик. Эмоции, тем более всплеск страстей, — плохие советчики в решении социальных проблем, в том числе, естественно, и проблем языковых.

Единственной надежной основой для решения языковых проблем может служить лишь изучение реальных фактов функционирования языка, взятых в их взаимном сцеплении, с одной стороны, и в неразрывной связи с развитием общества и его социальных институтов — с другой.

Интерес к хинди поэтому вполне закономерен, ибо, являясь официальным языком государства и языком общения для значительной части населения страны, хинди имеет широкое распространение по всей Индии, с конца позднего средневековья осуществляя функции языка межэтнического общения.

Социолингвистические аспекты проблемы хинди давно уже изучаются в России. Начало этому было положено работами А.П.Баранникова и В.М.Бескровного, увидевшими свет еще в предвоенный период (см. список литературы).

В своем подходе к проблеме хинди отечественные исследователи исходят из того, что в многонациональной и многоязычной стране один из ее языков самым ходом общественного развития неизбежно выдвигается на роль языка-посредника (макропосредника): это язык, могущий эффективно обслуживать основные сферы общения, понятный широким массам населения и к тому же добровольно принятый ими.

В Индии на роль такого языка выдвинулся хинди. В силу специфики исторического развития проблема языка-посредника здесь с конца 40-х годов XX в. оказалась тесно связанной с проблемой официального языка страны.

Внимание отечественных социолингвистов сосредоточено в основном на некоторых важных проблемах, связанных с хинди, — таких, как роль хинди как официального языка, процесс формирования литературного хинди, литературный язык и его взаимодействие с территориальными диалектами, хинди как язык-посредник и т.п. Изучение всех этих вопросов имеет как теоретическое, так и практическое значение для понимания тех сложных социолингвистических (а нередко и социально-полити-

ческих) процессов, которые протекают в современной Индии, вызывая «сдвиги» в языковой ситуации — ускоряя или, наоборот, замедляя ее динамику. И здесь уместно, видимо, коснуться вопроса о том, что же это такое — «языковая ситуация», поскольку ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд.

В отечественной социолингвистике последних лет языковая ситуация понимается как совокупность функционально стратифицированных языковых образований (языков, территориальных диалектов, местных говоров), обслуживающих потребности коммуникации в данном обществе. В таком понимании термина «языковая ситуация» ее изучение сводится лишь к изучению функционального аспекта языковых образований, когда вне сферы исследования остается территориально-лингвистический аспект, т.е. распространение данного языкового образования на определенной территории как средства коммуникации данного этноса, — то, что обычно именуют как «этнолингвистическая ситуация». В подобном понимании «языковая ситуация» отличается одномерностью, оказываясь подчас абсолютным синонимом понятия «функциональная парадигма». Думается, однако, что подобное понимание языковой ситуации страдает односторонностью и является чрезмерно упрощенным.

Языковая ситуация — понятие гораздо более сложное: его отличает многомерность и многоаспектность и то, что обычно квалифицируется как «языковая ситуация», это, на наш взгляд, не более как функционально-лингвистический ее аспект («функционально-лингвистическая ситуация»); другим ее аспектом является этнолингвистический аспект («этнолингвистическая ситуация»). Оба эти аспекта взаимосвязаны и взаимообусловлены, составляя в совокупности содержание единого целого — «языковой ситуации» как понятия, имеющего по меньшей мере два измерения — по горизонтали («этнолингвистическая ситуация») и по вертикали («функционально-лингвистическая ситуация»). Поэтому отрыв и тем более противопоставление одного другому вряд ли возможно признать конструктивным как в теоретическом, так и в практическом плане.

Релевантное применительно даже к одноязычному государству, это положение приобретает особую значимость для многоязычной страны, какой является Индия, где одним из основных «векторов» языковой ситуации на протяжении последних пятидесяти лет является проблема хинди — языка, который в результате сложных социолингвистических процессов выдвинулся на роль официального языка страны, сохранив и расширив при этом функции языка-посредника. Детерминированная действием этих факторов проблема хинди в независимой Индии поэтому

имеет три аспекта: региональный, общеиндийский и международный.

Региональный аспект проблемы хинди связан с функционированием хинди и его взаимодействием с другими языковыми образованиями в пределах так называемого хиндиязыкового ареала (или хиндиязычного пояса), охватывающего ряд штатов Северной Индии, где, являясь одним из основных языков общественной жизни, хинди возведен в ранг официального языка. В соответствии с этим официальная языковая политика здесь направлена на всемерное поощрение и содействие делу распространения и утверждения хинди в качестве единственного языка коммуникации в данном ареале, а в сознание населения интенсивно внедряется концепция «единого и неделимого хинди», т.е. тезис о том, что все генетически родственные языковые образования, распространенные в данном ареале, — не более как «диалекты хинди».

Не менее существенным является и общеиндийский аспект проблемы хинди. Этот аспект связан с функционированием хинди в качестве языка-посредника, а также официального языка страны, и его взаимодействием с другими (родственными и неродственными) языковыми образованиями в качестве второго компонента билингвизма — как в хиндиязычном ареале, так и особенно за его пределами.

Хинди уже на заре нового времени, начиная с XIII в., использовался в качестве языка-посредника по всей Северной Индии, обслуживая потребности общения ее разноразличного населения. Позднее этот язык проник и на юг страны. В новое и новейшее время его значение как общеиндийского языка-посредника еще более возрастает. Начиная с 20-х годов хинди широко используется в качестве средства подъема широких народных масс на борьбу против колониального господства. В 1925 г. «хинди прачар» («пропаганда хинди») включается в программу партии Индийский национальный конгресс (ИНК), возглавлявшей в те годы национально-освободительную борьбу индийского народа.

Создание «Южноиндийского общества по пропаганде хинди» («Дакшин бхарат хинди прачар сабха»), основанного в 1918 г. в Мадрасе, положило начало целенаправленному распространению хинди в иноязычных областях.

Иноязычное население Индии, как на севере, так и на юге страны, охотно изучает и использует хинди, видя в нем реальное средство межэтнического (межпровинциального и межнационального) общения, без всякого принуждения принимая его как общедоступный язык-посредник. Как результат регулярных контактов между носителями хинди и иноязычным населением Индии, здесь довольно широкие масштабы принял билингвизм: по

мнению выдающегося индийского филолога С.К.Чаттерджи, хинди с упрощенной грамматикой и ограниченным лексическим составом понимает не менее половины населения Индии. Учитывая это стихийное стремление иноязычного населения к овладению хинди, по всей Индии, в каждом ее штате, созданы и активно функционируют организации (общества, советы, ассоциации, союзы и т.п.) по пропаганде и распространению хинди.

Положение, однако, кардинально изменилось после того, как хинди получил статус официального языка страны: прежде бесправный среди бесправных, теперь он обрел высокий статус, который давал ему значительные привилегии. Возведение хинди в ранг официального языка, произведенное Учредительным собранием в 1949 г., и последующие события, а главное — неумное желание сторонников и протагонистов хинди насадить его по всей стране, не считаясь с чувствами и культурными традициями иноязычного населения, — все это до конца 60-х годов поддерживало недовольство, которое не раз выливалось в массовые выступления, особенно на юге страны.

За прошедшие пятьдесят лет Индия достигла впечатляющих успехов во всех сферах: национальный доход возрос более чем в четыре раза; промышленное производство увеличилось в пять раз, и теперь страна, в недавнем прошлом знавшая лишь деревянную соху, по объему промышленного производства уверенно входит в первую десятку государств мира. Проведены аграрные реформы, ликвидировано помещичье землевладение, сельскохозяйственное производство увеличилось в три раза, и теперь страна, прежде ввозившая зерно, добилась полного самообеспечения. Значительных успехов достигла Индия во многих областях науки. Все это сопровождается серьезными социальными и культурными сдвигами внутри общества, что наряду с массовой неграмотностью населения делает еще более актуальной проблему языка.

За прошедшие годы Индия накопила немалый опыт в том, что обычно именуется «языковым планированием». За эти годы она многое осмыслила и многому научилась, в частности более реальному, более гибкому и сбалансированному подходу к решению языковых проблем, «стержень» которых составляет проблема официального языка. В этом, несомненно, залог того, что они найдут свое позитивное решение, конечно, при том неприменимом условии, что будет принят демократический принцип равенства и уважения всех языков — больших и малых, что будет проявлен политический такт, выдержка, гибкость и всесторонний учет мирового опыта в решении языковых проблем.

Кроме того, следует иметь в виду, что уже задолго до введения Конституции вопрос о хинди приобрел также и междуна-

родный аспект, что было связано прежде всего с массовой миграцией из Индии в заморские владения Британской империи в Азии, Африке, Латинской Америке, и ныне роль хинди в общественной жизни ряда стран этих континентов является весьма значительной.

В самой Индии предпринимаются шаги в целях еще большей популяризации хинди в других странах. В этой связи заслуживают упоминания такие факты, как ряд проведенных за последние полтора десятилетия «Вишва хинди саммелан» («Всемирные конференции хинди»), создание журнала «Вишва хинди даршан» («Всемирное обозрение хинди»), выходящего на хинди и рассчитанного на зарубежного читателя, и учреждение «Вишва хинди пураскар» — международной премии, присуждаемой индийским и зарубежным ученым за деятельность по изучению и популяризации хинди.

Все бóльшую поддержку получает требование признать хинди «мировым языком», т.е. рабочим языком ООН.

Не касаясь международного аспекта хинди (это тема отдельного исследования), свою задачу автор видит в том, чтобы возможно полнее и обстоятельнее проанализировать внутрииндийские его аспекты: установить объем и очертить контуры понятия «хинди», описать его разновидности, выяснить специфику и разработать периодизацию становления его нормы, определить место хинди среди других генетически родственных языковых образований, бытующих в его ареале, и на основе этого построить его функциональную парадигму, показать объем осуществляемых им социальных функций и, суммировав все это, установить его подлинную роль в жизни современной Индии, что, естественно, позволит сформулировать и некоторые соображения прогностического плана.

При этом особо следует отметить, что объем функций, осуществляемых хинди, не остается постоянной величиной: он изменяется — медленно, но неуклонно, в зависимости от многих факторов. И задача, которая стоит перед исследователем, — выявить, какими темпами эволюционирует функционирование хинди и какими факторами этот процесс обусловлен.

Как любой другой язык, хинди обладает потенциальными возможностями функционировать во всех сферах общественной жизни, однако его употребление в той или иной социальной сфере жестко детерминировано многими факторами — социально-экономическими, историческими, географическими и собственно лингвистическими. В силу всех этих причин присущая ему потенция реализуется далеко не полностью.

В процессе исследования были использованы различные материалы, содержащие сведения по указанной проблематике:

здесь и официальные материалы — законодательные акты, данные переписей населения, доклады различных комиссий, создававшихся парламентом и правительством страны, — статьи и монографии отечественных, индийских и зарубежных ученых, информация индийской прессы, а также отчасти факты, почерпнутые со страниц современной индийской литературы.

Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения проблемы, автор, однако, хотел бы надеяться, что его скромный труд позволит глубже понять специфику языковой ситуации в современной Индии, а также некоторые характерные черты проводимой ею языковой политики.

Глава I

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ: ИНДИЯ И ХИНДИЯЗЫЧНЫЙ АРЕАЛ

Этнолингвистическая ситуация и административно-политическое деление Индии

На этнолингвистические процессы, протекающие в Индии, воздействует целый комплекс факторов, часть из которых является факторами объективными, часть можно квалифицировать как факторы субъективные [67, с. 21—31; 114].

Среди факторов объективных, т.е. факторов, существующих и действующих вне зависимости от сознания и воли как отдельно-го человека, так и общества в целом, не последнюю роль играют такие, как географический и демографический. Чтобы хотя бы в общих чертах представить воздействие этих двух факторов, достаточно сказать, что общая площадь страны, занимающей основную часть полуострова Индостан, составляет 3 287 782 кв. км, из стран Азии по территории уступая лишь Китаю, а численность населения, по переписи 1991 г., равнялась 843 930 861 человеку со средней плотностью 261 человек на один кв. км.

К сказанному следует, видимо, добавить, что к концу 80-х годов численность населения Индии уже достигла 810 млн. человек (хотя, по расчетам ученых, к этому времени она не должна была превышать 800 млн.), а к исходу XX в., как считают демографы, она перевалит миллиардную отметку и плотность населения превысит 300 человек на один кв. км.

В первую же очередь на этнолингвистические процессы в Индии, естественно, воздействуют факторы собственно лингвистические (языковой состав населения, степень генетических и типологических различий между различными языковыми образованиями и т.п.).

В этнолингвистическом плане современная Индия — это страна, населенная многочисленными народами, народностями и племенами, которые относятся к различным этническим группам, говорят на разных языках и стоят на различных ступенях куль-

турного и общественного развития. «Linguistic Survey of India» («Лингвистическое обследование Индии») — фундаментальный труд, выполненный под руководством Дж.Гирсона с 1902 по 1928 г. и поныне считающийся наиболее авторитетным изданием, зафиксировал в Индии 179 языков и 544 диалекта [359].

В основном мы оперируем цифрами переписи 1991 г. Что же касается языкового состава Индии, то здесь по необходимости приходится прибегать к данным, зафиксированным переписью 1981 г., привлекая, когда возникает потребность, также показатели переписей 1961 и 1971 гг.

Перепись 1971 г. зафиксировала на территории Индии свыше трех тысяч языков.

Называется несколько причин появления столь необычного даже для Индии количества языков, зафиксированных переписью 1971 г. Среди них причины не только объективного плана, т.е. наличие множества языков как генетически родственных, так и относящихся к различным языковым семьям, но и — главным образом — причины субъективного плана: здесь и ошибки переписчиков, и то, что информанты в ответ на вопрос о родном языке нередко называли его по месту своего рождения или жительства, по касте, профессиональному занятию, исповедуемой религии, племенной принадлежности и т.п. [307, с. 1].

После корректировки и тщательно проведенного подсчета выяснилось, что количество языков с численностью говорящих на них более 10 тыс. человек не превышает 105. Из них 18 перечислены в Приложении VIII к Конституции Индии, т.е. законодательно признаны в качестве основных языков Индийского Союза (по алфавиту это: ассамита, бенгали, гуджарати, каннада, кашмири, конкани, малаялам, манипури, маратхи, непали, ория, панджаби, санскрит, синдхи, тамили, телугу, урду и хинди). На этих 18 языках, однако, говорит подавляющая масса — свыше 95,37% населения Индии (см. табл. 1; там указаны только 15 основных языков, так как три языка — конкани, манипури и непали — были включены в Приложение VIII Конституции лишь в 1992 г.).

На остальные 87 языков приходится лишь очень незначительная часть — 4,63% населения страны [307, с. 2].

За два десятилетия между переписями 1961 и 1981 гг. численность говорящих на всех языках Индии существенно возросла, хотя их доля в общем населении Индии заметно варьировалась. Так, к примеру, если с 1961 по 1971 г. доля носителей панджаби возросла с 2,49 до 3,0% (т.е. отмечался рост на 0,51%), то с 1971 по 1981 г. она сократилась до 2,81% (т.е. уменьшилась на 0,19%); если с 1961 по 1971 г. доля бенгальцев увеличилась с 7,72 до 8,17% (т.е. отмечен рост на 0,45%), то с 1971 по 1981 г., наоборот, сократилась с 8,17 до 7,79% (т.е. на 0,39%).

В ряде случаев, однако, наблюдалась прямо противоположная картина — уменьшение доли в общеиндийском населении за первое десятилетие (с 1961 по 1971 г.), зато увеличение их доли во второе десятилетие (с 1971 по 1981 г.). Так, например, доля говорящих на каннада и кашмири в общем населении Индии с 1961 по 1971 г. уменьшилась на 0,01%, зато увеличилась между 1971 и 1981 гг.: носителей каннада — на 0,12%, кашмирцев — на 0,04%.

Стабильный рост доли носителей в общей численности населения Индии остался только у гуджаратов: на 0,1% — в первое десятилетие и на 0,3% — во второе десятилетие (см. табл. 1).

Каждый из языков Индии, как основных, так и неосновных, распространен на территории определенного, более или менее значительного географического и культурно-лингвистического ареала. Исключение составляют лишь три языка, относящиеся к разряду основных: это синдхи (основная часть его носителей проживает в Пакистане), урду (носители которого живут дисперсно во многих штатах страны, нигде, однако, не составляя большинства населения) и классический язык древности санскрит.

Языки народов Индии относятся в основном к четырем языковым семьям: *индоевропейской*, *дравидийской*, *аустроазиатской* и *китайско-тибетской*.

Индоевропейская семья представлена в Индии языками, относящимися к индоарийской ее ветви. По числу говорящих *индоарийские* языки занимают первое место среди современных индийских языков. Их носители населяют всю Северную Индию и западную часть Южной. Данные переписи населения 1981 г. свидетельствуют, что число носителей этих языков составляет свыше 490 млн. человек, или 74,24% всего населения Индии.

Наиболее значительным по количеству носителей является хинди: на хинди и тех формах речи, которые обычно включают в состав хинди, говорит около 40% населения страны.

Важнейшую семью индийских языков составляют *дравидийские* языки. К этой семье относятся несколько десятков языков и диалектов с общим числом носителей около 158 млн. человек, или 23,86% населения Индии. Основными языками дравидийской семьи являются, однако, лишь четыре: тамильский, телугу, малаялам и каннада. На этих языках говорят до 95% общего числа дравидоязычного населения.

Значительный процент населения Индии составляют носители 14 языков, входящих в группы мунда и мон-кхмер, входящие в *аустроазиатскую* семью языков. Общее число говорящих на этих языках превышает 7,7 млн. человек, составляя 1,16% населения Индии. Наибольшей по численности является группа *мунда*.

Таблица 1

Численность носителей основных языков Индии,
1961—1981 гг.

Носители Языки	1961*		1971*			1981*		
	численность	%	численность	%	рост/ уменьшение, %	численность	%	рост/ уменьшение, %
Хинди	133 435 360	30,37	162 577 612	29,67	—0,7	264 189 057	39,94	+10,27
Ассамский	6 803 465	1,55	8 958 977	1,63	+0,08	11 158 977**	1,33**	—0,3**
Бенгальский	33 888 939	7,72	44 792 722	8,17	+0,45	50 503 085	7,79	—0,38
Гуджарати	20 304 464	4,63	25 875 252	4,72	+0,1	33 189 039	5,02	+0,3
Каннада	17 415 827	3,97	21 707 918	3,96	—0,01	26 887 837	4,06	+0,12
Кашмири	1 956 115	0,45	2 438 360	0,44	—0,01	3 174 684	0,48	+0,04
Малаялам	17 015 782	3,87	21 938 231	4,00	+0,13	25 952 966	3,92	—0,08
Маратхи	33 286 771	7,56	42 251 207	7,71	+0,13	49 624 847	7,50	—0,21
Ория	15 719 398	3,58	19 855 450	3,62	+0,04	22 881 053	3,46	—0,16
Панджаби	10 950 826	2,49	16 449 573	3,00	+0,51	18 558 400	2,81	—0,19
Санскрит	2 544	—	2 212	—	—	2 946	—	—
Синдхи	1 371 932	0,31	1 676 728	0,31	0,0	1 946 278	0,29	—0,02
Тамили	30 562 706	6,96	37 690 020	6,88	—0,08	44 730 389	6,76	—0,12
Телугу	37 668 132	8,58	44 752 926	8,17	—0,41	54 226 227	8,20	+0,03
Урду	23 323 518	5,31	28 607 874	5,22	—0,09	35 323 282	5,34	+0,08
Другие языки	55 528 992	12,64	68 374 747	12,50	—0,14	78 830 625	11,50	—1,0
Всего	439 234 771		547 949 809			685 184 692		

* Данные таблицы за 1961 и 1971 гг. даются по [336, с. 77]; данные за 1981 г. — по [311, с. 3—4].

** Оценочные данные.

Среди языков группы мунда самое значительное число носителей приходится на сантальский язык (свыше 4,2 млн. человек).

Из группы мон-кхмер на территории Индии распространен лишь язык кхаси. Число носителей кхаси составляет свыше 630 тыс. человек.

Самая значительная по числу входящих в нее языков (53 языка) — тибето-бирманская группа, которая рассматривается как одна из ветвей китайско-тибетской семьи языков. Численность говорящих на этих языках — около 4,1 млн. человек, или 0,62% населения страны. Наиболее крупным по числу носителей языком этой группы является манипури (мейтхеи) — около 900 тыс. человек.

С точки зрения лингвогеографии Индия представляет собой два огромных лингвистических ареала [466, с. 109—110]:

1) Северная Индия, населенная народами, говорящими на индоарийских языках, или «индоарийский Север» (бенгальский, маратхский, панджабский и др.), — область, из которой, в соответствии с языковым составом населения и — главное — целями исследования, особое внимание будет уделено хиндиязычному ареалу;

2) Южная Индия, где живут народы, которые говорят на языках дравидийской семьи, или «дравидийский Юг» (тамильский, телугу, малаялам и др.).

Вдоль северо-восточных рубежей индоарийского ареала располагаются многочисленные языки и диалекты тибето-бирманской группы.

Поэтому, принимая во внимание лингвистический состав населения, есть основания выделить и северо-восточный лингвоареал (или «тибето-бирманский Северо-Восток»).

Эти ареалы имеют длительную историю взаимных связей и контактов, наложивших заметный отпечаток на языки и культуру населяющих их народов.

Индоарийский лингвистический ареал имеет многочисленные языковые вкрапления — некоторые дравидийские языки и языки, относящиеся к группе мунда. Их носители, наиболее отставая в социально-экономическом плане часть населения Индии, живут небольшими компактными группами, окруженные населением, говорящим на индоарийских языках. Основная область подобных лингвистических вкраплений — восточная часть индоарийского ареала: штаты Бихар, Орисса, восток Мадхья Прадеш, отчасти — Западная Бенгалия.

Такие же, хотя и менее значительные, языковые вкрапления имеются и на дравидийском Юге.

Если свести все эти данные воедино, то языковая панорама современной Индии будет выглядеть следующим образом (см. табл. 2).

Численность говорящих на языках, относящихся
к различным языковым семьям,
1981 г., см. [311, с. 4]

Языковая семья	Количество языков	Численность говорящих, тыс.	% населения
Индоевропейская (индоарийская ветвь)	20	491 086,1	74,24
Дравидийская	17	157 836,7	23,86
Аустроазиатская	14	7 705,0	1,16
Китайско-тибетская	53	4 071,7	0,62

Среди образованной части населения Индии весьма употребителен также английский язык. По переписи 1961 г., более 220 тыс. жителей Индии назвали английский в качестве родного языка. По данным на 1971 г., их численность упала до 190 тыс. человек; однако перепись 1981 г. зафиксировала уже свыше 230 тыс. человек, для которых английский является родным языком.

Значение английского определяется не тем, сколько человек назвали его в качестве родного, а тем, сколько человек используют его как второй язык (до 3% населения страны).

Кроме того, статусом конституционно признанного языка пользуется также санскрит. Согласно переписи 1961 г., санскрит назвали родным языком более 2,5 тыс. человек, а вторым языком — около 200 тыс.

Процесс складывания народов Индии в нации и, следовательно, формирования национальных языков, по мнению отечественных исследователей, «можно считать в известной степени завершившимся только в прибрежных районах страны», где «такие народы, как бенгальцы, телугу, тамилы, малаяльцы, каннарцы, маратхи и гуджаратцы, сложились как нации уже в конце XIX — начале XX в.» [30, с. 14].

Для этих, а также ряда народов, проживающих во внутренних областях страны: ассамцев, панджабцев, орисцев, кашмирцев, завоевание Индией независимости явилось мощным фактором, ускорившим процесс их формирования как наций, что, естественно, не могло не сказаться на государственном устройстве страны. Согласно Конституции Индии, введенной в действие с 26 января 1950 г., Индия представляет собой федеративную республику, состоящую из штатов и союзных территорий — административно-политических единиц, которые различаются как юридическим статусом, так и вытекающим из него объемом предоставленных им прав.

Административная реформа 1956 г., определенным образом модифицированная в 1960 г., затем в 1966 г. и последующие годы, привела к созданию штатов, границы которых охватывают территории расселения народов—носителей языков Индии, как основных, так — зачастую — и неосновных. Всего, по состоянию на январь 1991 г., в Индии насчитывалось 25 штатов¹ (Андрха Прадеш, Аруначал Прадеш, Ассам, Бихар, Гоа, Гуджарат, Джамму и Кашмир, Западная Бенгалия, Карнатака, Керала, Мадхья Прадеш, Манипур, Махараштра, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд, Орисса, Панджаб, Раджастан, Сикким, Тамилнад, Трипура, Уттар Прадеш, Харьяна, Химачал Прадеш) и 7 союзных территорий (Андаманские и Никобарские о-ва; Дадра и Нагар-хавели; Даман и Диу; Дели; Лакшадвип; Пондишери и Чанди-гарх).

Самым крупным по числу жителей штатом Индии является Уттар Прадеш: в этом штате проживает почти 140 млн. человек, что составляет более 16% населения Индии.

За ним следуют Бихар (86,3 млн. человек, или 10,23% населения Индии) и Махараштра (78,7 млн. человек, или 9,33% населения страны).

Четвертое место занимает Западная Бенгалия (67,9 млн. человек, т.е. свыше 8% населения страны).

Наименьшей административной единицей Индии является союзная территория Лакшадвип, на долю которой приходится чуть более 50 тыс. человек (см. табл. 3).

Реформы 50—60-х годов были направлены на административно-политическое размежевание и оформление территорий, населенных теми, чьи языки перечислены в Приложении VIII к Конституции, т.е. носителями основных языков. Это в равной степени относится к штатам и «индоарийского Севера» и «дравидийского Юга».

Если взглянуть с этой точки зрения на административное деление «индоарийского Севера», то без труда обнаружится, что границы современных его штатов в основном охватывают территории той или иной нации и, следовательно, распространения того или иного национального языка.

Так, в штате Западная Бенгалия проживает та часть бенгальской нации, которая после раздела 1947 г. отошла к Индии; ассамцы сосредоточены в штате Ассам; орисцы — в штате Орисса; маратхи — в штате Махараштра; гуджаратцы — в штате Гуджа-

---

¹ Ко времени проведения последней переписи (1991 г.) ряд прежних союзных территорий (Аруначал Прадеш, Мизорам, Гоа) уже получили статус штата.

Численность населения штатов
и союзных территорий Индии, 1991 г.

Место по численности населения	Штаты/союзные территории	Численность населения	Доля в населении страны (%)
1.	Уттар Прадеш	138 760 417	16,44
2.	Бихар	86 338 853	10,23
3.	Махараштра	78 706 719	9,33
4.	Западная Бенгалия	67 982 732	8,06
5.	Андхра Прадеш	66 304 854	7,86
6.	Мадхья Прадеш	66 135 862	7,84
7.	Тамилнад	55 638 328	6,59
8.	Карнатака	44 827 398	5,31
9.	Раджастан	43 880 640	5,2
10.	Гуджарат	41 174 060	4,88
11.	Орисса	31 512 070	3,73
12.	Керала	29 011 237	3,44
13.	Ассам	22 294 562	2,64
14.	Панджаб	20 190 795	2,39
15.	Харьяна	16 317 715	1,93
16.	Дели	9 370 475	1,11
17.	Джамму и Кашмир	7 718 700	0,91
18.	Химачал Прадеш	5 111 079	0,61
19.	Трипура	2 744 827	0,32
20.	Манипур	1 826 714	0,22
21.	Мегхалая	1 760 626	0,21
22.	Нагаленд	1 215 573	0,14
23.	Гоа	1 168 622	0,14
24.	Аруначал Прадеш	858 392	0,10
25.	Пондишери	789 416	0,09
26.	Мизорам	686 217	0,08
27.	Чандигарх	640 725	0,08
28.	Сикким	403 612	0,05
29.	Андаманские и Никобарские о-ва	277 989	0,03
30.	Дадра и Нагархавели	138 542	0,01
31.	Даман и Диу	101 439	0,01
32.	Лакшадвип	51 681	0,01
Итого		685 184 692	100,00

рат; штат Панджаб создан с учетом национальных и языковых границ расселения панджабцев; основную часть населения штата Джамму и Кашмир составляют кашмирцы; штат Манипур, где в основном сосредоточены манипурцы — носители языка манипури...

Политико-административные границы штатов «Дравидийского Юга» тоже проведены с учетом расселения народов и распространения их языков. Так, штат Андхра Прадеш в основном охватывает территорию расселения носителей телугу; штат Тамилнад — территорию населения тамилы; штат Карнатака — каннарцев; штат Керала — малаяльцев.

Дальнейшее развитие событий в сфере национально-языковой повело к созданию ряда штатов (прежде всего и по преимуществу это касается северо-востока страны), охватывающих территории расселения народов и, естественно, распространения их языков, для которых не нашлось места в Приложении VIII к Конституции страны. Так, возник штат Нагаленд, охвативший территории расселения племен нага и распространения различных, нередко взаимонепонятных диалектов нага; штат Мегхалая, который территориально объединил носителей языка кхаси, и другие штаты Юго-Восточной Индии (Мизорам, Трипура, Аруначал Прадеш).

Так сформировалось административно-политическое деление Индии, в соответствии с которым в большинстве штатов распространены те языки, которые перечислены в Приложении VIII к Конституции и поэтому относятся к числу основных, а ряд штатов создан с учетом расселения народов и распространения их языков, которые не упомянуты в Приложении VIII (см. табл. 4).

Конечно, за десятилетие, прошедшее между переписями 1981 и 1991 гг., население каждого из входящих в состав Республики Индия штатов существенно возросло: так, в 1991 г. население штата Андхра Прадеш составляло 66,3 млн. человек, Бихара — 86,3 млн., Гуджарата — немногим более 41 млн. человек и т.д., однако соотношение численности носителей языков, включаемых в одну из двух названных выше категорий («перечисленные в Приложении VIII к Конституции» и «не названные в Приложении VIII к Конституции»), практически осталось неизменным либо изменилось в очень незначительной степени. Так, в Андхра Прадеше в 1981 г. это соотношение выражалось как 99,21 и 0,79%, в Бихаре — 93,97 и 6,03%, в Гуджарате — 98,35 и 1,65% и т.д. [311, с. 1—3].

Вполне естественно поэтому, что свое имя многие штаты современной Индии получили по названию тех народностей или наций, которые составляют в них преобладающее большинство.

Распределение носителей языков
по штатам и союзным территориям,
1981 г., см. [311, с. 1—3]

Население и язык Штаты/ союзные территории	Общая численность	Из них носителей языков,	
		перечисленных в Приложении VIII Конституции	не названных в Приложении VIII Конституции
1	2	3	4
Штаты			
Андхра Прадеш	53 175 277 (100,0)	52 754 352 (99,21)	420 925 (0,79)
Ассам	19 902 826 (100,00)	17 048 739 (85,66)*	2 854 087 (14,34)*
Бихар	69 638 725 (100,00)	65 440 524 (93,97)	4 198 201 (6,03)
Гуджарат	33 919 882 (100,00)	33 361 388 (98,35)	558 494 (1,65)
Харьяна	12 873 434 (100,00)	12 861 460 (99,91)	11 974 (0,09)
Химачал Прадеш	4 257 575 (100,00)	4 084 570 (95,94)	173 005 (4,06)
Джамму и Кашмир	5 947 299 (100,00)	4 325 961 (72,74)	1 621 338 (27,26)
Карнатака	36 839 222 (100,00)	34 801 429 (94,47)	2 037 793 (5,53)
Керала	25 244 369 (100,00)	25 024 913 (99,13)	219 456 (0,87)
Мадхья Прадеш	52 000 069 (100,00)	47 884 931 (92,09)	4 115 138 (7,91)
Махараштра	62 230 282 (100,00)	59 153 116 (95,06)	3 077 166 (4,94)
Манипур	1 409 239 (100,00)	32 570 (2,31)	1 376 699 (97,69)
Мегхалая	1 326 748 (100,00)	181 113 (13,65)	1 145 635 (86,35)
Нагалеңд	747 071 (100,00)	69 726 (9,33)	677 345 (90,67)
Орисса	26 171 262 (100,00)	23 535 237 (89,93)	2 636 025 (10,07)
Панджаб	16 723 153 (100,00)	16 689 494 (99,80)	33 659 (0,20)
Раджастан	34 135 701 (100,00)	32 518 743 (95,26)	1 616 958
Сикким	308 262 (100,00)	19 570 (6,35)	288 692 (93,65)

Население и язык Штаты/ союзные территории	Общая численность	Из них носителей языков,	
		перечисленных в Приложении VIII Конституции	не названных в Приложении VIII Конституции
1	2	3	4
Тамилнад	48 089 281 (100,00)	48 041 159 (99,90)	48 122 (0,10)
Трипура	2 034 242 (100,00)	1 459 299 (71,74)	574 943 (28,26)
Уттар Прадеш	110 549 826 (100,00)	110 506 761 (99,96)	43 065 (0,04)
Западная Бенгалия	54 207 652 (100,00)	51 570 921 (95,14)	2 636 731 (4,86)
Союзные территории			
Андаманские и Никобарские о-ва	178 885 (100,00)	143 748 (80,36)	35 137 (19,64)
Аруначал Прадеш	597 862 (100,00)	103,037 (17,23)	494 825 (82,77)
Чандигарх	440 837 (100,00)	437 301 (99,20)	3 536 (0,80)
Дадра и Нагархавели	101 818 (100,00)	31 213 (30,66)	70 605 (69,34)
Дели	6 174 632 (100,00)	6 136 683 (99,39)	37 949 (0,61)
Гоа, Даман и Диу	1 059 012 (100,00)	446 406 (42,15)	612 606 (57,85)
Лакшадвип	39 709 (100,00)	33 687 (84,83)	6 022 (15,17)
Мизорам	476 439 (100,00)	43 523 (9,14)	432 916 (90,86)
Пондишери	599 384 (100,00)	597 780 (99,73)	1 604 (0,27)

* О соотношении носителей тех и других языков см. [307, с. 1].

Каждая такая народность или нация сосредоточена, как правило, в пределах одного штата. Так, тамилы сосредоточены главным образом в штате Тамилнад (букв. «страна тамиллов»), маратхи — в штате Махараштра, наги — в штате Нагаленд и т.д.

Определенное исключение из этого правила составляют штаты, где распространен хинди.

Прежде всего отличие заключается в том, что слово «хинди» не входит в название ни одного из штатов Индии. Все они носят либо нейтрально-географические названия: Уттар Прадеш (букв. «северный штат»), Мадхья Прадеш (букв. «срединный штат»), Химачал Прадеш («гималайский штат», точнее — «штат снежных гор»), либо названия традиционно региональные, ведущие

свое начало от зафиксированного традицией наименования той или иной местности, например Харьяна.

Второе отличие заключается в том, что в сферу распространения хинди входит не *один* какой-то штат, как, например, в случае с бенгали, тамили и рядом других языков, а несколько административно-политических единиц: штатов и союзных территорий, которые в совокупности и составляют область распространения хинди, или «хиндиязычный ареал» (нередко его называют также «хиндиязычный пояс»).

Об интерпретациях понятия «язык хинди»

Для того чтобы сделать исследование более строгим, необходимо с самого начала точно определить его объект, в данном случае — язык хинди, ответив на вопрос, что же такое хинди — как он понимается и из каких компонентов складывается. Ответ на этот вопрос, при всей кажущейся своей простоте и тривиальности, далеко не так прост, ибо существует уже довольно длительная научная традиция употребления «хинди», не сводимого, однако, к одному его значению.

В процессе изучения того ареала, который ныне именуется «хиндиязычным», научная мысль из языкового континуума, отмечаемого здесь, постепенно вычленила отдельные языковые образования: диалекты, говоры, группы диалектов, отдельные языки, входящие в орбиту распространения хинди, генетически родственные ему, однако никак не сводимые к сумме его диалектов.

Углубленное изучение языковой ситуации в данном ареале по существу началось лишь в XX в., хотя повышенный интерес к ней, продиктованный практически политическими соображениями, стал проявляться уже с первых десятилетий XIX в. Поскольку вплоть до середины XX в. Индия являлась британской колонией, то и первыми исследователями языковой ситуации здесь, вполне естественно, были англичане — миссионеры, чиновники колониальной администрации, отдельные частные лица.

К началу XIX в. относится создание и развертывание деятельности одной из крупнейших и влиятельных миссий — Серампурской (Шрирампурской). Миссионеры того периода все формы речи, бытующие в данном ареале, рассматривали как диалекты единого языка — хинди. Критерий, которым они пользовались, был собственно лингвистический: основанием для выводов служило генетическое родство изучаемых форм речи — близость парадигм имени и глагола и общность основного сло-

варного фонда. На этом этапе развития языковедческой науки такой подход был явлением вполне естественным и закономерным. Однако, знакомясь ближе с языковыми фактами и с реальной языковой ситуацией, отдельные миссионеры-исследователи приходили к совершенно иным выводам, как, в частности, случилось с одним из самых известных представителей Серампорской миссии Вильямом Кэри, который уже в конце 1815 г. писал: «Те формы, которые мы до сих пор рассматривали просто как разговорные варианты, или диалекты, хинди, — в действительности представляют собой *отдельные языки*, восходящие, правда, к единому источнику» (курсив наш. — В.Ч.) [378, с. 43].

Однако мнение, согласно которому все языковые образования, распространенные в данном ареале, рассматривались как «варианты, или диалекты», единого языка — хинди, продолжало господствовать в миссионерских кругах и позже, в конце XIX и в XX в., что нашло наиболее рельефное выражение в увидевшей свет еще в 1875 г. известной «Грамматике хинди» С.Х.Келлога, который в число «локальных диалектов хинди» включает «все формы речи данного региона — от предгорий Гималаев на севере до реки Нармады и гор Виндхья — на юге; от Панджаба, Синда и Гуджарата — на западе до Бенгалии и Чхота-Нагпура — на востоке и юго-востоке» [412, с. 65].

Разработанная миссионерами концепция «единого и неделимого хинди» была взята на вооружение индийскими националистическими кругами. Свое окончательное оформление эта концепция получила под влиянием идей «индусского ренессанса» и начала внедряться в общественное сознание начиная с последней четверти XIX в. Свое наиболее полное выражение она получила в 20—30-е годы — в период подъема национально-освободительного движения в стране, когда хинди стал рассматриваться как символ единства народов Индии в борьбе против чужеземного ига.

Ныне на этой концепции воспитывается все подрастающее поколение страны: усваиваясь с малых лет, концепция «единого и неделимого хинди» постепенно становится чертой этнолингвистического сознания и социальной психологии населения; она положена в основу официального подхода к языковой ситуации в данном ареале.

Однако наряду с концепцией «единого и неделимого хинди» в индологическом языкознании постепенно складывалось и другое направление, у истоков которого стояли такие фигуры, как В.Кэри и Р.Хернле. Опираясь на языковые факты, они стремились доказать, что целый ряд используемых в данном ареале форм речи (идиом) являются самостоятельными языками. Виднейшим представителем этого направления был Дж.Гривсон (1850—1940).

На основе изучения и обобщения огромного фактического материала Дж.Грирсон приходил к выводу, что в данном ареале наряду с литературными хинди и урду представлены по меньшей мере *пять отдельных языков*, существующих в форме совокупности локальных диалектов: западный хинди, восточный хинди, бихари, раджастхани и пахари.

Дальнейшее развитие взгляды, высказанные Дж.Грирсоном, получили в трудах ряда индийских ученых.

Первым среди них следует назвать выдающегося индийского филолога Сунити Кумара Чаттерджи (1890—1977). Кроме раджастхани, в качестве самостоятельных языков, бытующих в данном ареале, С.К.Чаттерджи называет также авадхи и чхаттисгархи (из группы восточного хинди), бходжпури, магахи и майтхили (из группы бихари), которые у Грирсона еще квалифицируются как диалекты — соответственно восточного хинди (пурби) и бихари. Более того, С.К.Чаттерджи не ограничивается простой констатацией того, что перечисленные формы речи «лингвистически представляют собой *не диалекты*, а *отдельные языки*» (курсив С.К.Чаттерджи. — В.Ч.) [320, с. 281], а требует конституционного признания в качестве языков майтхили и раджастхани, а «впоследствии, может быть, также бходжпури, магахи и чхаттисгархи» [320, с. 312].

Даже такое, по необходимости краткое изложение взглядов на объем значений, вкладываемых в понятие «хинди», свидетельствует о том, что на этот вопрос крупнейшие ученые отвечают по-разному. Отсюда нетрудно сделать вывод, что понятие «язык хинди», как и «литература хинди», далеко не однозначное. Если «литература хинди» охватывает не менее девяти литератур, см. [332, с. 50], то понятие «язык хинди» имеет по меньшей мере пять значений, см. [109, с. 188].

В первом (I), широком своем значении понятие «хинди» распространяется также на все генетически родственные языковые образования, бытующие в данном ареале, в том числе и на все группы региональных языков, входящих в орбиту распространения хинди, а именно: раджастхани — на западе данного ареала, пахари — на северо-западе, пачханха (т.е. западный хинди) и пурби — в центре, бихари — на востоке. Такое широкое, недифференцированное толкование понятия «хинди» можно назвать традиционным, поскольку оно предшествовало всем остальным. Кроме миссионеров (В.Кэри, С.Х.Келлога и др.) традиционного подхода к хинди, особенно применительно к литературному творчеству в данном ареале, придерживаются многие индийские ученые. Наиболее крупным представителем традиционного взгляда на хинди являлся известный ученый-литературовед Рамчандра Шукла (1884—1940).

В специфических условиях колониальной Индии начала XX в. именно литературоведение стало той наукой, которая оказала огромное влияние на умы образованной части общества. Капитальный труд Р.Шуклы «Хинди сахитья ка итихас» («История литературы хинди»), увидевший свет в конце 20-х годов, на много лет определил объем такого понятия, как «литература хинди».

В это понятие Р.Шукла включил все, что создавалось в средневековый период на различных языках этого огромного ареала от Митхилы на востоке до Раджастхана на западе: на майтхили и раджастхани, авадхи и брадже, которые последовательно рассматривались им как «диалекты хинди». Тем самым Р.Шукла стремился обосновать древность и богатство литературы, создававшейся на хинди — языке, который в период подъема национально-освободительного движения воспринимался как символ сплочения народов Индии в борьбе против колониального господства.

С «традиционалистами» полностью солидаризируется известный общественный деятель и литературовед Рамвилас Шарма (род. в 1912 г.), который утверждает, что «в настоящее время бходжпури, майтхили и другие — всего лишь диалекты хинди» [214, с. 400]. Исключение автор делает лишь для раджастхани и панджаби, которые, по его мнению, «следует считать языками, независимыми от хинди» [214, с. 410]. Однако здесь же он делает оговорку, что «в действительности раджастхани и панджаби в современном положении — это ни диалекты, ни языки, а нечто среднее между ними» [214, с. 411] (хотя, заметим кстати, панджаби даже по Конституции признан в качестве самостоятельного языка).

Из отечественных исследователей хинди концепцию «традиционалистов» воспринял и стремится обосновать П.А.Баранников (род. в 1925 г.), см. [9].

Второе (II) значение понятия «хинди» охватывает лишь те языковые образования — диалекты и региональные языки, что входят в группу пачханха и пурби. Это понятие гораздо уже, чем первое, ибо в него не включаются региональные языки, объединяемые в группы раджастхани, пахари и бихари. Так определяется хинди в переписях населения, проводившихся в независимой Индии (1951, 1961 и отчасти 1971 гг.).

Аналогичной интерпретации хинди придерживается Б.И.Клюев (род. в 1927 г.), который, как он сам признает, «вслед за выводами индийских ученых, обрабатывавших материалы переписи 1961 г.» [48, с. 73], включает в понятие «хинди» названные выше две группы. Заслуга Б.И.Клюева здесь в том, что «язык хинди» он рассматривает как систему и на основе этого в качестве составного ее элемента включает также и урду.

Третье (III) значение понятия «хинди» еще уже, чем второе, ибо оно включает лишь урду, хинди, кхари боли и их опорный диалект — каурави. Подобной трактовки «хинди», восходящей еще к Дж.Грирсону, придерживались и многие деятели национально-освободительного движения, в том числе и М.К.Ганди. Так интерпретируется хинди большинством индийских языковедов. Подобной же точки зрения на хинди придерживался академик А.П.Баранников (1890—1952).

Четвертое (IV) значение понятия «хинди», по существу, включает те же элементы, что и третье, за исключением одного — каурави. Иными словами, в этом значении хинди понимался как язык города — будь то литературная форма или просторечие, — в отличие от тех языковых образований, которые бытуют в деревне. Именно в такой трактовке понятие «хинди» используется практически во всех работах, в которых хинди и урду квалифицируются как некое единство — независимо от того, какие положения выдвигаются в качестве исходных.

И наконец, пятое (V) значение понятия «хинди» является самым узким из всех перечисленных выше. В этом значении «хинди» трактуется как самостоятельный литературный язык, противостоящий и сознательно противопоставляемый урду. Специфику хинди составляет графическая система деванагари, или нагари, и широкое использование санскритской лексики, ибо в качестве основного источника пополнения его словаря рассматривается санскрит. Для урду характерна арабская графика и использование арабско-персидской лексики.

Именно в этом значении «хинди» законодательно, согласно Конституции Индии, провозглашен официальным языком страны. Именно так понимается хинди и в официальных документах, в докладах различных комиссий, создававшихся по решению парламента, президента или правительства Индии для изучения языкового вопроса и смежных проблем, а также в выступлениях участников различных конференций, посвященных проблемам языка, и т.п.

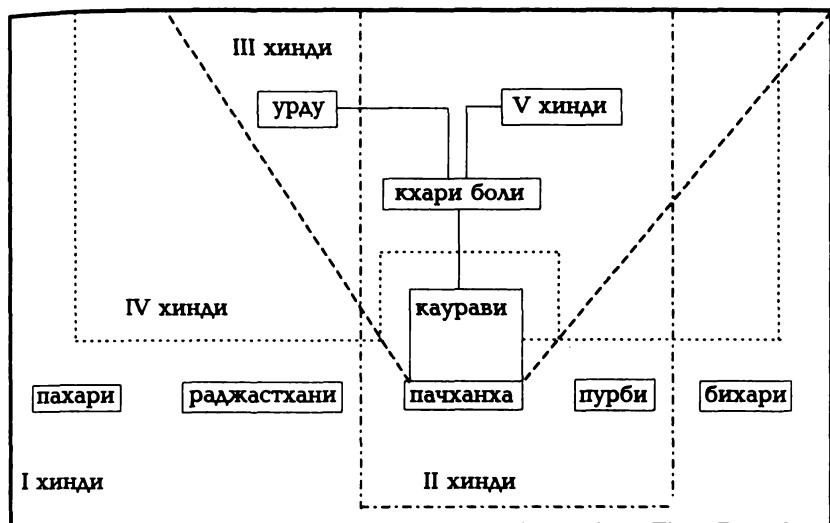
Если различные интерпретации понятия «язык хинди» (и, следовательно, различный объем значений, вкладываемых в него) свести воедино и изобразить графически, то получится довольно сложная схема, на которой различные толкования понятия «хинди» приобретут наглядный характер (см. схему 1).

При этом особо следует подчеркнуть, что, хотя нерасчлененное, широкое понятие «хинди», со временем дифференцируясь, все более сужается, это вовсе не означает, что с появлением нового, более дифференцированного подхода к понятию «хинди», прежнее его понимание отходит в область прошлого и становится лишь достоянием истории. Наоборот, оно продолжает

существовать наряду с новым, что, естественно, не может не порождать трудности в восприятии и интерпретации того, что тот или иной автор вкладывает в понятие «хинди».

Схема 1

Объем значений понятия «язык хинди»

Границы ареала хинди, понимаемого в более узком (II, III и V) его значении как разговорно-бытовая и литературная форма кхари боли, в общих чертах совпадают с ареалом хинди, понимаемого в широком, первом (I), его значении.

В зависимости от того, какое именно содержание вкладывается в термин «хинди», меняются данные и о численности населения, для которого хинди является родным языком. Если на «хинди» в широком смысле, согласно переписи 1951 г., говорило не менее 42% населения страны [502, с. 37], то «хинди» в узком значении, т.е. как литературный язык, сложившийся на базе кхари боли и обычно использующий санскритскую лексику, был доступен, как считают некоторые, не более чем для 1% населения страны [486, с. 56—57].

Из всех перечисленных выше значений понятия «хинди» нам в наибольшей степени импонирует третье (III) его значение. И дело здесь не в субъективных оценках или пристрастиях, а в объективных фактах, касающихся истории и современного состояния языка, с одной стороны, и в необходимости возмож-

но более строгого определения, что такое «язык хинди», — с другой.

Под «хинди» в данной работе мы понимаем такое языковое образование, которое, имея две литературные формы, или стиля, — литературный хинди и литературный урду — развилось на основе единого разговорного языка — городского просторечия «кхари боли» (или «хиндустани»), сложившегося на базе диалекта, распространенного в области Дели—Мератха.

Следовательно, под «хинди» мы понимаем систему языка, которая охватывает все формы его существования, как разговорно-просторечные, так и книжно-литературные, которые сложились на базе диалекта, распространенного в области Дели—Мератха. В соответствии с этим «хиндиязычный ареал» (или «пояс») понимается как область Северной Индии, в пределах которой, используя в совокупности всех своих форм, хинди к тому же провозглашен официальным языком всех входящих в данный ареал штатов.

О формах существования хинди

Для того чтобы составить достаточно полное (и, естественно, вполне адекватное) представление о формах существования современного хинди, следует, видимо, начать с того, что, составляя ярко выраженную специфику языковой ситуации в данном ареале, невольно обращает на себя внимание — а именно с того факта, что здесь сосуществуют две литературные формы: литературный урду и литературный хинди, сложившиеся на базе единого народно-разговорного языка.

Народно-разговорный язык, как пишет Х.Бахри, «вполне подходит для устной беседы, однако в литературе, не прибегая к помощи санскрита либо арабского и персидского, использовать его невозможно, потому что его лексический состав крайне ограничен» [251, с. 223].

Поэтому всякий раз, когда возникает необходимость выразить абстрактные понятия, его носители прибегают к лексическим заимствованиям либо из санскрита, либо из арабского и персидского языков, что наряду с учетом используемой графической системы позволяет идентифицировать текст как относящийся к хинди либо — наоборот — к урду.

В зависимости от подхода (или, точнее, ракурса рассмотрения) урду и хинди квалифицируют то как литературные формы, то как функциональные стили, то даже как отдельные языки, и

каждое из этих определений имеет под собой вполне реальные основания.

Представляя собой в лингвистическом плане всего лишь два различных функциональных, по преимуществу книжно-литературных стиля единого разговорного языка, урду и хинди в плане социальном все более выступают как два самостоятельных языка, на которых говорят различные, весьма значительные группы главным образом городского населения Хиндустана.

Урду и хинди в современной Индии имеют различный статус: если хинди провозглашен официальным языком Индийского Союза, то урду наряду с другими 13 (ныне — 14) языками отнесен к разряду основных языков Индии, перечисленных в Приложении VIII к Конституции.

В Пакистане, где практически отсутствует противопоставление «урду—хинди», урду уже нельзя квалифицировать как стиль или литературную форму: урду в Пакистане, без сомнения, является самостоятельным языком, занимающим самую высокую ступеньку в социально-лингвистической иерархии пакистанского общества.

Итак, первый вывод, который можно сделать применительно к вопросу о формах существования хинди, заключается в том, что наиболее яркой его специфической чертой является наличие двух литературных форм единого народно-разговорного языка — феномен, аналогов которому не так много в лингвистической истории земного шара.

Возникновение, утверждение и сохранение этого феномена обусловлено особенностями исторического развития данного ареала, прежде всего таким чрезвычайно важным фактором, как мусульманское завоевание Северной Индии.

Известно, что оно началось в X в. и что столицей Газневидов в XI—XII вв., т.е. в течение почти двух столетий с начала их завоевательных походов в Индию, был город Лахор — географический, политический и культурный центр складывающейся панджабской народности. Лахор оставался резиденцией завоевателей вплоть до первого десятилетия XIII в., когда с приходом к власти династии Гулямов столица султаната была перенесена в Дели, завоеванный еще в 1193 г. [75, с. 140—146, 148]. Именно с этого времени, с первых десятилетий XIII в., начинается возвышение этого прежде небольшого захолустного городка, что в лингвистическом плане означало перемещение диалектной базы складывающегося языка в район того безымянного диалекта, который много столетий спустя получил название «каурави». Начав складываться на базе одного из панджабских диалектов — диалекта Лахора и его окрестностей, этот язык окончательно

сформировался уже на иной диалектной основе, а именно на базе каурави — диалекта Дели—Мератха (точнее, его делийского говора)².

На базе именно этого, делийского, говора каурави и сложился кхари боли (букв. «устойчивая, стандартная речь») — городское просторечие, единый разговорный язык, получивший распространение среди городского населения как в данном ареале, так — в определенной степени — и за его пределами.

Литературные формы кхари боли формировались в различные эпохи, разделенные значительными — в несколько столетий — отрезками времени.

Специфика исторического развития Северной Индии в средние века обусловила то, что в литературное употребление кхари боли вошел в арабской графике и с обильным использованием арабско-персидской лексики. Иными словами, хронологически первой сложилась та литературная форма кхари боли, которая много позже стала называться «забан-е-урду-е-муалла» («язык делийского войскового базара»), или просто урду.

Становление урду исследователи обычно относят к периоду конца XVI — начала XVII в., связывая его с расцветом литературы на деканской его разновидности, или дакхини [93, с. 30—47; 21, с. 16—39].

В Северной Индии кхари боли вошел в литературное употребление лишь в первой трети XVIII в. Как и дакхини, вошел он на базе арабской графики, вобрав значительное количество арабско-персидской лексики и приобретя таким образом черты своеобразного персианизированного литературного стиля — урду [36, с. 309].

В исключительно короткий срок (25—30 лет) урду получает на севере широчайшее распространение как язык поэзии. Основными центрами развития урду здесь стали Дели и несколько позднее (с середины XVIII в.) — Лакхнау.

Формирование прозы на урду начинается с первых десятилетий XIX в.

---

² Правда, мы не располагаем данными, которые могли бы в деталях раскрыть этот процесс, однако ученые отмечают ряд сходных черт в морфологии хинди, с одной стороны, и панджаби — с другой, подтверждающих, что такое смещение могло иметь место в истории языков. Одной из таких черт, как считают, является то, что хинди относится к числу «акающих» языков, т.е. тех, что в исходе изменяемых языковых форм (существительных, прилагательных, причастий) имеют -ā (долгое), хотя все западные диалекты данного ареала относятся к числу «окающих». Эта черта, совершенно чуждая западным диалектам данного ареала, чрезвычайно характерна для панджаби, отсюда она, как считают исследователи, и была занесена в каурави и в его делийский говор переселенцами из Лахора в начале XIII в.

Литературный хинди сложился значительно позже.

Рубеж XVIII и XIX вв. знаменует собой окончание средневековья и начало нового времени в лингвистической истории Хиндустана. Новое время в лингвистической истории данного ареала охватывает XIX и XX вв. Специфика нового времени в социально-лингвистическом плане состоит в том, что рядом с урду возникает, утверждается, интенсивно развивается и достигает функционального преимущества литературный хинди как стиль, противостоящий (и сознательно противопоставляемый) урду.

В отличие от урду формирование хинди началось с прозы. Прозаический хинди начинает формироваться одновременно с прозаическим урду — с первого десятилетия XIX в. Складывание прозы на хинди относится к последней четверти XIX в.

Поэзия на хинди утверждается позже — лишь к 20-м годам XX в.

Развиваемый в атмосфере конфронтации с урду, хинди со временем все более приобретал черты конфессионально маркированного, высоко санскритизованного стиля — черты, которые, по мысли его протагонистов, наилучшим образом сохраняли его своеобразие [331, с. 134].

Таким образом, если все формы существования хинди свести воедино, построив с этой целью функциональную парадигму (которая, как принято, изображается в виде пирамиды), то верхняя ее часть («вершина») предстанет не как гомогенное образование — единый литературный язык, а как совокупность двух сосуществующих литературных форм — хинди и урду (см. схему 2).

Однако соотношение между урду и хинди в плане охвата различных функциональных сфер не является стабильным, наоборот, оно отличается подвижностью и динамизмом, выступая как соперничество между урду, с одной стороны, и хинди — с другой. Соперничество между ними началось с того самого времени, как произошло их размежевание; оно отмечалось в XIX в., достигло особого накала в первой половине XX в. и продолжается в настоящее время; и преимущество в нем явно не на стороне урду. Процесс локализации урду продолжается, ибо хинди последовательно ограничивал в прошлом и ограничивает теперь территориальные и функциональные рамки употребления урду [99, с. 23—26].

Как литературный стиль, отличающийся высокой степенью насыщения санскритской лексикой, хинди обслуживает прежде всего потребности книжно-письменной коммуникации и существует поэтому главным образом в письменной (точнее было бы сказать, «фиксированно-графической») форме, в подавляющей массе своей представленной ныне печатными текстами различ-

ного назначения (газеты, журналы, книги, брошюры, плакаты и т.п.). Однако использование хинди как высоко санскритизованного литературного стиля не ограничивается лишь книжно-письменной коммуникацией. Литературный хинди имеет и устную форму, которая представляет собой по существу не что иное, как озвученную (т.е. произнесенную вслух) его письменную форму. Санскритизованный хинди звучит в торжественных речах, докладах, в лекциях перед студенческой аудиторией гуманитарных факультетов, в выступлениях участников различных симпозиумов, конференций, съездов, конгрессов, посвященных проблеме хинди; наконец, санскритизованный хинди звучит в передачах Всеиндийского радио.

То же самое — только, может быть, в несколько меньшей степени — относится и к литературному урду, который в отличие от хинди характеризуется максимальным использованием арабско-персидской лексики, оборотов и конструкций. «Некоторые произведения на урду, — отмечал в свое время академик А.П.Баранников, — настолько насыщены персидскими и арабскими элементами, что [подчас] только наличие индийского вспомогательного глагола отличает литературный урду от персидского языка» [7, с. 3].

Такой в высокой степени персианизированный урду доступен лишь узкому кругу посвященных в его тайны ценителей, и употребление его устной формы, как и устной формы хинди, ограничено некоторыми особо торжественными ситуациями (праздники, особенно мусульманские, юбилеи, чествования и т.п.) либо специфическим составом аудитории: студентами отделений языка и литературы урду в университетах и колледжах либо «урдуданами» (знатоками и ценителями урду), собравшимися на конференцию или симпозиум, и т.п.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, следует, видимо, уточнить строение вершины функциональной парадигмы хинди, отразив в ней меняющееся соотношение объема социальных функций, осуществляемых урду и хинди, с одной стороны, и наличие у них устной формы — с другой (см. схему 2; вопрос о составе и строении компонентов, расположенных под «вершиной», пока, естественно, остается открытым).

Так в общих чертах складывается верхний ярус функциональной парадигмы.

Переходя к другим формам существования хинди, т.е. к тем ярусам функциональной парадигмы, которые располагаются под «вершиной», в чисто методических целях начнем с самого нижнего, для чего придется сделать еще один краткий экскурс в историю.

Строение верхнего яруса
функциональной парадигмы хинди
(литературный язык)

Вплоть до последнего времени общим местом в индологической лингвистике, а позднее и в социолингвистике, было утверждение о том, что опорным диалектом хинди (как и урду) является диалект, распространенный в области Дели—Мератха. Различные ученые называют этот диалект по-разному: Дж.Грирсон называл его «территориальным хиндустани», индийский ученый К.Ваджпейи именует его «мератхи», «мератхский», «диалект Мератха» [181, с. 1—12], Р.Санкритьян для обозначения этого диалекта использует слово «каурави», придавая ему терминологическое значение [233]: «каурави» обозначает «распространенный в области Куру» (или Курукшетра), поле битвы Кауравов и Пандавов — легендарных героев великого индийского эпоса «Махабхарата». Данный термин, по нашему мнению, представляется наиболее удачным, так как он не только указывает на территорию распространения диалекта, но и, вызывая ассоциации с легендарным полем брани в «Махабхарате», подчеркивает его особое место среди диалектов данного ареала.

Хотя литературная традиция на хинди сформировалась относительно поздно, употребление в литературе той формы речи, которая сложилась на базе диалекта каурави, наблюдается очень давно, фактически с того времени, как стали формироваться современные языки и диалекты Западного Хиндустана.

У индийских ученых нет единого мнения по вопросу о периоде зарождения хинди. Так, если Шитикантх Мишра утверждает, что элементы диалекта, легшего в основу хинди, прослеживаются уже в XI в. в поэтических произведениях безымянных бродя-

чих аскетов-проповедников, представлявших различные секты индуизма [270, с. 30—34], то Хардэв Бахри начало формирования хинди относит к еще более раннему периоду: начало этого процесса, по его мнению, относится к VIII в., когда «...в языке сиддхов VIII века отчетливо виден хинди, рождающийся из апабхрамша. Хотя до XIV столетия безраздельно господствовала литература на апабхрамша, однако в литературном языке [того времени] уже встречаются образцы [различных] диалектов хинди, а некоторые строки будто целиком взяты из современного разговорного хинди» [251, с. 235].

Если иметь в виду только лингвистический аспект, то отнесение хронологии возникновения хинди к VIII в., возможно, имеет под собой определенную основу, однако если пользоваться критерием функционально-лингвистическим, соотнося его с фактами истории, то с таким выводом вряд ли возможно согласиться.

Если заглянуть в историю, то в утверждение о диалектной базе хинди следует внести одно существенное уточнение: хинди и урду, видимо, сложились не на базе диалекта как такового, а на базе лишь одного его говора, а именно «дехлави» — говора столицы, города Дели. Причем и здесь далеко не все так просто, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в процессе формирования языка произошло то, что мы обычно называем «смещением диалектной базы».

Как свидетельствуют факты, этот язык начал складываться на совершенно иной диалектной основе: становление того языка, который позже стал средством межобластного общения, начиналось на базе одного из диалектов Панджаба [318; 291, с. 391; 192].

Второе обстоятельство несколько иного плана.

Как показал анализ результатов полевой работы, проводившейся американскими социолингвистами в 1954—1955 гг. в Кхалалпуре — одной из деревень неподалеку от Сахаранпура (в 80 милях к северу от Дели), говор даже одной этой деревни не представляет собой гомогенного образования [370, с. 137—153].

В местном диалекте они обнаружили две социально дифференцированные разновидности: «моти боли» («грубая речь») и «саф боли» («чистая речь»). Подобная дифференциация обусловлена наличием такого традиционно индийского института, как каста, которая, как известно, накладывает отпечаток на все стороны жизни индийской деревни, в том числе и на «речевой этикет» ее населения.

Первая разновидность («моти боли») используется по преимуществу низшими кастами: их знание литературного хинди ограничивается лишь несколькими стереотипными фразами.

Вторая разновидность («саф боли») — достояние высших каст деревни, «речевой репертуар» которых является значительно более широким.

По существу, обнаруженные разновидности деревенской речи — это не что иное, как социальные, кастовые диалекты, характерные, как выяснилось, не только для Кхалапура, но и для индийской деревни вообще, где бы она ни располагалась — на севере или на юге страны [301; 441; 465; 473; 483; 417].

В настоящее время каурави следует, видимо, квалифицировать как территориально-социальный диалект периода формирования национального языка, который все более нивелирует диалекты, входящие в орбиту его распространения, в том числе, естественно, и тот диалект, что послужил базой его формирования.

И наконец, еще одно, крайне важное обстоятельство. Специфика складывания урду и хинди заключается в том, что с самого начала каждый из них находился в различных отношениях к опорному диалекту: если урду формировался, сохраняя *непосредственную связь* с опорным диалектом вообще и делийским говором в частности, то литературный хинди был связан с опорным диалектом только *опосредованно*, ибо его складывание и развитие в основном происходило в городских центрах, расположенных за пределами территории распространения каурави, в инодиалектных областях [99, с. 22].

Уже с 50-х годов XIX в. городские говоры Бенареса и Аллахабада, а также — правда, в меньшей степени — и других городов на востоке хиндиязычного ареала стали играть определяющую роль в развитии и формировании особого книжно-литературного стиля, выдвигаемого в качестве противовеса урду.

Следовательно, литературный хинди складывался в отрыве от опорного диалекта на базе городских говоров восточных зон хиндиязычного ареала, на формирование которых (говоров) значительное влияние оказали восточные диалекты.

Зародившись на востоке — в Бенаресе и Аллахабаде, хинди постепенно продвигается на запад, в область опорного диалекта, где монопольное положение принадлежало урду.

В качестве иллюстрации данного положения можно привести хотя бы такой факт: периодические издания на хинди появились в Дели только в 1918 г., т.е. уже после окончания первой мировой войны, а регулярная пресса на хинди (имеется в виду ежедневная газета) стала выходить в столице еще позднее — с 1923 г. [296, с. 434, 437]. К тому же делийские газеты на хинди в тот период как числом, так и особенно влиянием значительно уступали ежедневной прессе, которая издавалась на востоке: в Бенаресе и Аллахабаде, тем более что ряд из них представляли

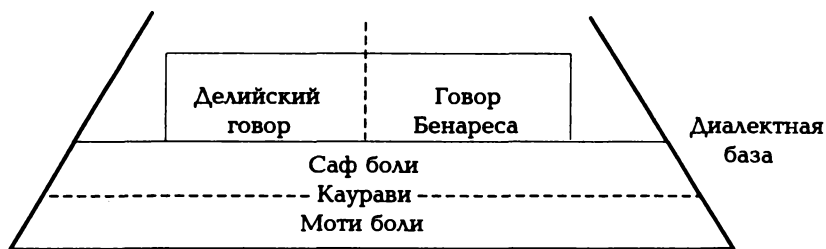
собой не что иное, как перевод на хинди английского оригинала.

Таким образом, в результате безраздельного господства урду в западных областях Хиндустана центры, расположенные на территории опорного диалекта, внесли в развитие хинди лепту более чем скромную. Центрами развития литературного хинди на протяжении всего периода его формирования и стабилизации оставались города на востоке данного ареала: Бенарес, Аллахабад и — несколько позже — Патна и Лакхнау. Являясь центрами литературной жизни хиндиязычного ареала, где концентрировались основные писательские силы и функционировали ведущие организации по пропаганде хинди, эти города вместе с тем оставались и ведущими центрами книгопечатания на хинди.

Таким образом, суммируя все изложенное, мы можем заполнить основание пирамиды, раскрыв тем самым специфику нижнего яруса функциональной парадигмы хинди (см. схему 3).

Схема 3

Строение нижнего яруса
функциональной парадигмы хинди
(диалектная база)

Между верхним ярусом парадигмы («литературный язык») и нижним ее ярусом («диалектная база») образуется, как видим, огромный разрыв. Такой отрыв литературного языка (в двух его формах) от опорного диалекта и его автономное развитие в иноязычном окружении стали возможны благодаря тому, что между опорным диалектом и литературным языком располагается некое наддиалектное образование, в котором сублимируются определенные, наиболее характерные черты опорного диалекта и которое, функционируя в иноязычном окружении, открыто иноязычным влияниям, вбирая лексические и грамматические элементы из контактирующих языковых систем.

Такой наддиалектной формой применительно к данному ареалу является кхари боли (букв. «устойчивая, стандартная речь»)³.

Завоевание Северной Индии мусульманами (XII в.) означало коренной поворот не только в политической, но и в лингвистической истории данного ареала. Завоеватели исповедовали ислам, были носителями иных языков (а именно тюркских и иранских), имели собственные культурные традиции, существенно отличающиеся от индийских. Придя в Индию, все это они принесли с собой — и ислам, и исламскую культуру, и свои языки.

По этой причине складывавшийся в тот период язык общения завоевателей с местным населением с самого начала имел ярко выраженный мусульманский колорит. Регулярные контакты завоевателей: тюрков, афганцев, иранцев — с местным населением оказали значительное влияние на фонетико-фонологическую и особенно лексическую системы складывавшегося языка. Из языков завоевателей в него вошли новые фонемы и целые пласты арабско-персидской лексики.

Язык, складывавшийся здесь, долгое время называли «хиндави». В дальнейшем торговцы, чиновники, бродячие проповедники разнесли хиндави по всей Северной Индии [180, с. 47].

Таким образом, в результате действия факторов экстралингвистических, прежде всего того, что столицей многих сменявших друг друга династий мусульманских султанов на протяжении веков был город Дели, в Северной Индии широкое распространение получила форма речи, сложившаяся на базе столичного говора. С укреплением власти делийских султанов и расширением их империи эта форма постепенно распространилась по всей Северной Индии и даже проникла в Южную, превратившись, таким образом, в язык межобластного общения. Основными форпостами кхари боли за пределами столичного района стали крупные и мелкие города — административные центры империи делийских султанов.

Конец 50-х — начало 60-х годов XVIII в., как уже было отмечено, знаменовали начало нового периода в истории языка, сложившегося на базе делийского говора: кхари боли получает рас-

---

³ Во избежание недоразумений следует сразу же оговориться, что по традиции эту форму обычно называют «хиндустани». Название кхари боли, однако, гораздо больше, чем хиндустани, подходит для названного наддиалектного образования, которое издавна используется как «лингва франка» Северной Индии: этимологически не связанное с каким-либо населенным пунктом или территорией, это название в общих чертах довольно точно выражает функцию и специфические черты той формы речи, которая, функционируя как средство межобластного и межатнического общения, всюду сохраняет относительно устойчивый характер.

пространение по всей необъятной Индии — от Кашмира на севере до мыса Канья Кумари (Коморин) на юге и от полуострова Катхиавар на западе до Бенгальского залива на востоке. Эта новая страница «биографии» кхари боли связана с новым, трагическим периодом в истории Индии — периодом ее колониального порабощения.

После смерти Аурангзеба (1658—1707) империя Великих Моголов развалилась на крупные и мелкие феодальные княжества, охваченные смутой, постоянно враждовавшие друг с другом и окончательно разоренные бесконечными войнами и нашествиями Надир-шаха (1738—1739) и афганцев (с 1748 по 1765 г.). Величественное здание некогда грозной империи превратилось в груду обломков, грубо попираемых ногой завоевателя. Обескровленная Северная Индия стала легкой добычей англичан: после битвы при Плесси в 1757 г. они подчиняют Бенгалию, в 1764 г. их вассалом становится Ауд, 1803 год знаменует конец существования Могольской империи как государства и, наконец, в 1849 г. рушится последняя цитадель независимости — государство сикхов.

Это был мрачный для индийских народов период их истории, однако именно в эти годы кхари боли получает все большее распространение и признание, выходя далеко за пределы собственно Хиндустана в районы, которые населены народами, говорящими на родственных, индоарийских языках, таких, как гуджарати, маратхи, синдхи — на западе, бенгали и ория — на востоке [270, с. 42—48], и во многих местах он приобретал характер пиджинизированного образования.

Становление пиджинизированных образований неразрывно связано с процессом распространения кхари боли: пиджин-хинди следовал за кхари боли, а нередко и опережал его.

Функционируя в иноязычной среде за пределами хиндиязычного ареала, кхари боли испытывал массивное воздействие со стороны местных языков, существенно меняя при этом свои грамматические формы, впитывая значительную часть местной лексики и подвергаясь процессу упрощения — превращаясь, таким образом, в своеобразное пиджинизированное языковое образование типа бомбейского [106, с. 121—141] или калькуттского хиндустани [316, с. 108—123], где некоторые общестроевые (к тому же чрезвычайно упрощенные) элементы кхари боли сочетаются с лексикой местных языков (в данном случае маратхского и бенгальского — соответственно).

Таким же пиджинизированным образованием предстает кхари боли и в Кашмире, где автору этих строк пришлось слышать его во время поездки в Индию в 1956—1957 гг., и в Северо-Восточной Индии, например в Шиллонге — административном

центре (столице) штата Сикким, где, как, впрочем, и в других местах Индии, пиджин-хинди широко используется как привычное средство межэтнического общения [527, с. 43].

Следует сказать, что именно с таких образований и начинается традиция лингвистического описания различных форм кхари боли, что обусловлено спецификой исторического развития Индии в позднее средневековье, а именно эпохой ее колониального порабощения, которое начиналось, как известно, с прибрежных районов [42, с. 546—557].

Здесь, в портах западного или восточного побережья Северной Индии, постоянно был высок процент пришлого населения из соседних областей: Доаба, Панджаба, Раджастан — для портовых городов на побережье Аравийского моря, из Бихара и восточных областей Соединенных провинций — для Калькутты. Основным средством коммуникации пришельцев с местным населением служила одна из разновидностей той формы речи, которая, сложившись на базе говора Дели, уже с конца XVI в. широко использовалась в иноязычных областях как средство межэтнического общения, принимая характер своеобразного пиджина с крайне упрощенной грамматикой и ограниченным словарем.

Таким образом, пиджинизированные образования, бытующие за пределами хиндиязычного ареала, представляют собой как бы побочные ответвления той формы речи, которая в самом хиндиязычном ареале обрела черты наддиалектной разговорно-просторечной формы — кхари боли, сохранявшей относительную стабильность во всех концах хиндиязычного ареала — в противоположность меняющимся в пространстве диалектам.

Говор Бенареса — города, сыгравшего столь значительную роль в развитии и становлении литературного хинди, формируясь под непосредственным воздействием локальных диалектов таких региональных языков, как бходжпури и авадхи, унаследовал некоторые характерные черты их грамматики. Являясь наиболее крупным и самым почитаемым в Индии «тиртва-стхан» (букв. «место паломничества»), Бенарес ежегодно привлекал сотни тысяч паломников и тем самым способствовал распространению некоторых лингвистических черт, присущих его говору, и в других городах на востоке данного ареала.

Ныне положение меняется, и Дели, концентрируя основные писательские силы литературы хинди, приобретает все большее значение в жизни этого региона. Вместе с тем нельзя, однако, не отметить, что большинство писателей, проживающих в Дели, связаны с инодиалектными зонами: переехав в Дели, они привезли с собой особенности городского просторечия тех диалект-

ных зон, с которыми была связана их жизнь в недавнем прошлом.

Когда заходит речь об истории языка, исследователи обычно ограничиваются тем, что особо отмечают роль Бенареса в становлении хинди как литературной формы, и на этом ставят точку, хотя естественным результатом подобной констатации является вопрос о том, каковы же лингвистические последствия того факта, что литературный хинди сформировался на базе бенаресского говора кхари боли, испытавшего существенное влияние со стороны восточных диалектов, прежде всего диалектов языка бходжпури, в зоне которого расположен древний Каши (Бенарес).

Дело в том, что западные и восточные диалекты данного ареала существенно различаются между собой на всех уровнях: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом; различия эти в результате процесса интерференции проникают и закрепляются в хинди как в устно-разговорной, так и в книжно-письменной его форме.

Наиболее рельефно, однако, различие между западными и восточными диалектами данного ареала проявляются на уровне синтаксиса и морфологии [99, с. 56—90].

Так, специфику западных (пачханха) диалектов (в том числе, естественно, и каурави, и его делийского говора) составляет изменяемость имени в морфологии и наличие эргативной конструкции (ЭК) в синтаксисе.

Наоборот, самая существенная черта, которая свойственна грамматике восточных диалектов в отличие от грамматики кхари боли (и западных диалектов), — это неизменяемость имени в морфологии и отсутствие ЭК в синтаксисе⁴.

Отмеченные черты грамматики диалекта характерны и для городских говоров соответствующих географических зон, в данном случае — делийского и бенаресского. Нет поэтому ничего странного в том, что отмеченные грамматические черты диалекта встречаются в речи весьма регулярно, из чего можно заключить, что использование грамматических диалектизмов в устном общении соответствующей зоны хиндиязычного ареала не считается нарушением «лингвистического этикета». Следует лишь отметить, что употребление той или иной формы слова лишь в отдельных случаях носит собственно морфологический характер, — в большинстве же случаев, так или иначе влияя на грамматические связи внутри словосочетания, диалектные формы

---

⁴ Эти характерные особенности грамматического строя диалектов пурби в отличие от пачханха были отмечены еще в конце XIX в. [377, с. 10—11].

выступают как морфолого-синтаксические варианты соответствующих явлений литературного языка.

Синтаксические варианты в современном хинди, возникшие под влиянием диалектов, можно свести воедино и представить в виде таблицы (см. табл. 5), позволяющей определять локальную отнесенность текста [110, с. 100].

Таблица 5

Синтаксические маркеры
локальной отнесенности текста хинди

Показатели	Локальная отнесенность	
	Западная зона	Восточная зона
Морфолого-синтаксические		
неразличение форм прямого и косвенного падежей существительных на -ā:	– (+)	+
неизменяемость прилагательных на -ā:	– (+)	+
нивелировка рода существительных	–	+
Синтаксические		
номинативный аналог ЭК	–	+
избыточное употребление ЭК	+	–
согласование предикативного определения с именем объекта, оформленным через ко	+	–
согласование инфинитива с именем объекта	+	–

Выступая как комплексный «синтаксический индикатор», позволяющий с высокой степенью надежности определять локальную отнесенность того или иного (преимущественно художественного) текста хинди, эта таблица является своеобразной «инвентарной ведомостью» наиболее характерных синтаксических особенностей текста/речи той или иной локальной отнесенности.

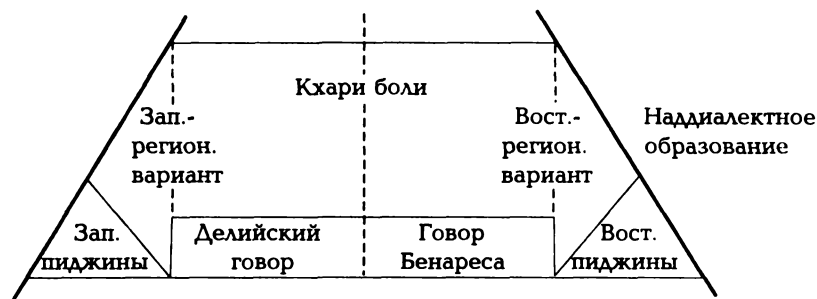
Анализ текстов хинди в свете перечисленных выше факторов позволяет сделать вывод о наличии в нем *двух региональных разновидностей, или вариантов*, кхари боли и хинди как его литературной формы, а именно западнорегионального и восточнорегионального.

Таким образом, выявив роль отдельных городских говоров в формировании хинди и вскрыв наличие у хинди региональных вариантов и пиджинизированных образований, мы можем гра-

фически представить строение кхари боли, который, являясь наддиалектным образованием, составляет средний ярус функциональной парадигмы хинди (см. схему 4).

Схема 4

Строение среднего яруса
функциональной парадигмы хинди
(наддиалектное образование)

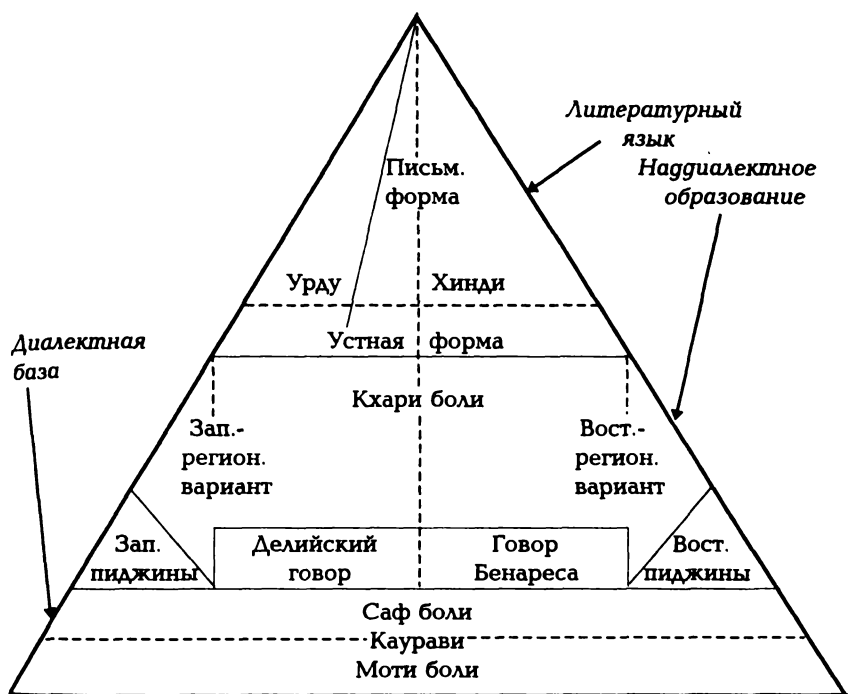

Описав формы существования хинди каждую отдельно, мы получаем, таким образом, возможность свести их воедино и построить полную функциональную парадигму современного хинди, которая позволяет показать не только компонентный состав кхари боли, но и специфику их формирования и функционирования. Современный хинди предстает как многоярусное образование, состоящее из многих компонентов, связи между которыми — как в синхронии, так и в диахронии — отличаются значительным своеобразием.

Каждый из ярусов и компонентов хинди — в целях удобства научного описания — может быть рассмотрен изолированно от других (что и было продемонстрировано выше), однако хинди как таковой не может быть сведен ни к одному из них, ибо он представляет собой совокупность всех этих компонентов, объединенных в ярусы по функциональным и в некоторой степени территориальным признакам и связанных между собой в качестве элементов единой системы [115, с. 24—41].

На основе всего изложенного мы можем построить полную функциональную парадигму хинди (см. схему 5).

Полная функциональная парадигма
современного хинди

**Этнолингвистическая ситуация
в хиндиязычном ареале**

**Хиндиязычный ареал
в административно-политическом плане**

Как уже было сказано выше, хинди в отличие от других языков Индии распространен не в каком-либо одном штате, а на территории нескольких административно-политических единиц, компактной массой расположенных в Северной и Центральной Индии.

В административно-политическом плане хиндиязычный ареал — это штаты Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар, Раджастан, Харьяна, Химачал Прадеш и союзная территория Дели.

В лингвистической литературе эту область называют «хинди бхаши прадеш» (на хинди) либо Hindi speaking regions (на английском).

Площадь данного ареала — около 1360 тыс. кв. км, население, согласно переписи 1991 г., — свыше 360 млн. человек, т.е. около 42% всего населения Индии (см. табл. 6).

Однако место хинди в лингвистической панораме Индии определяется не только тем, что это язык тех штатов, которые с их огромным населением составляют ядро страны.

Значение хинди и, естественно, его место в лингвистической панораме Индии определяется также тем, что он находит довольно широкое применение и как язык межэтнического общения — проблема, которая приобретает особый вес и значимость в столь многонациональной и многоязычной стране, какой является Индия.

Таблица 6

Общие сведения о хиндиязычном
ареале Индии, 1991 г.

Штаты/союзная территория	Площадь (тыс. кв. км)*	Население (тыс. человек)**	Плотность населения**	Адм. центр (столица)
Уттар Прадеш	294,4	138 760,4	471	Лакхнау
Бихар	173,9	86 338,8	497	Патна
Мадхья Прадеш	443,4	66 135,8	149	Бхопал
Харьяна	44,2	16 317,7	369	Чандigarх
Раджастан	342,2	43 880,6	128	Джайпур
Химачал Прадеш	55,5	5 111,0	92	Симла
Дели	1,5	9 370,4	6 319	Дели
	1 355,1	366 114,7		

* Данные приводятся по [310, с. 120—123].

** Данные — по [385а, с. 10—12].

В специфических условиях, сложившихся после завоевания страной независимости (1947 г.) и провозглашения республики (1950 г.), проблема хинди как языка межэтнического общения оказалась неразрывно связанной с проблемой официального языка, ибо по Конституции хинди получил статус официального (общегосударственного) языка Республики Индии (наряду с английским языком).

Однако прежде всего и главным образом это язык тех областей, которые в совокупности образуют хиндиязычный ареал.

Обслуживая потребности общения основной массы городского населения, литературная форма хинди находит применение во многих важнейших сферах общественной жизни (школа, пресса, официальное делопроизводство, средства массовой информации).

В силу этих причин, а также благодаря усилиям официальной пропаганды в глазах населения, говорящего на иных языках и проживающего в других штатах Индии, данный ареал предстает как лингвистически гомогенный, т.е. населенный теми, для кого хинди является родным языком. Имея под собой определенную, вполне реальную основу, такое обыденное представление, однако, затушевывает истинную картину языковой ситуации. В действительности для хиндиязычного ареала характерна лингвистическая *гетерогенность* и, следовательно, *многокомпонентность*, ибо наряду с хинди здесь распространен целый ряд иных языковых образований.

Хинди и урду как компоненты этнолингвистической ситуации в ареале хинди

Как уже было сказано, важнейшими компонентами этнолингвистической ситуации в данном ареале являются урду и хинди — две литературные формы единого разговорного языка кхари боли, или хиндустани.

Имея единый грамматический строй и основной словарный фонд, урду и хинди различаются по лексике, выходящей за пределы обыденно-бытовых понятий, и, следовательно, по источникам пополнения словаря, а при письменной фиксации текста — и по графике: если в урду используется модифицированная арабская графика, а для речи и текста свойственно широкое использование арабско-персидской лексики, то для хинди характерны графика нагари (или деванагари) и обильное насыщение речи и текста санскритизмами.

Проблему урду точно так же как и проблему хинди — языковых образований, выступающих в качестве компонентов этнолингвистической ситуации в данном ареале, вряд ли возможно уяснить с достаточной полнотой и четкостью, если рассматривать их изолированно друг от друга. Эти проблемы можно понять, лишь рассматривая их во взаимосвязи, ибо их связывает не только единство грамматической структуры и основного словарного фонда, но и значительная общность исторических судеб и процессов взаимного притяжения-отталкивания на различных этапах истории индийского общества.

Те, кто своим родным языком считает урду, составляют весьма существенную часть населения в штатах хиндиязычного ареала. Причем переписи последних десятилетий, проводившиеся в условиях независимой Индии (с 1951 по 1981 г.), зафиксировали значительное увеличение численности населения, назвавшего урду родным языком, — в масштабах как всей Индии, так и хиндиязычного ареала. Так, если, по данным переписи 1951 г. (т.е. непосредственно после завоевания страной независимости и провозглашения республики), число лиц, назвавших урду родным языком, равнялось 13,4 млн. человек, то к 1961 г. оно возросло почти вдвое, достигнув 23,3 млн., в 1971 г. поднялось до 28,6 млн. [307, с. 13], а по переписи 1981 г. составляло уже цифру в 35,3 млн. человек [311, с. 42].

Гораздо более мощным является контингент тех, кто в качестве родного языка назвал хинди (либо был причислен к ним). Так, если, по переписи 1951 г., в Индии таковых насчитывалось немногим более 110 млн. человек, а в 1961 г. — 133,4 млн., то, по данным переписи 1971 г., их численность поднялась до 208,5 млн. [307, с. 9], а к 1981 г. возросла уже до 264,1 млн. человек [311, с. 20].

Основная масса тех, кто либо сам назвал хинди как родной язык, либо был причислен к его носителям по соображениям лингвистического или иного плана, проживала, естественно, в пределах хиндиязычного ареала.

Контингент тех, кто проживал в данном ареале, в 1961 г., например, составлял почти $\frac{1}{3}$ населения Индии — более 190 млн. человек, из которых носителей хинди насчитывалось свыше 128,6 млн.

Согласно тем же данным, во всех штатах данного ареала, за исключением столичного округа (союзной территории) Дели, основная масса носителей хинди — до $\frac{9}{10}$ общего их числа — проживала в деревне; на долю городского населения приходилась лишь $\frac{1}{10}$ численности тех, кто назвал хинди в качестве родного языка. Обратное соотношение отмечалось лишь в Дели, где свыше $\frac{4}{5}$ носителей хинди являлись городскими жителями и лишь $\frac{1}{5}$ их общей численности проживала в деревне. Тот факт, что подавляющая масса носителей хинди — деревенские жители, имеет принципиальное значение, ибо в деревне, как известно, безраздельно господствуют диалектные формы региональных языков, генетически близких хинди, однако не сводимых к нему. Поэтому в подлинном смысле носителями хинди (да и то не без оговорок) можно назвать лишь тех, кто проживает в городе.

Об этом же, в частности, свидетельствует и фиксируемая переписями динамика хиндиязычного населения в штатах данного

ареала. Так, если в Бихаре с 1911 по 1951 г. отмечался непрерывный рост носителей хинди (с 23,7 млн. в 1911 г. до 31,4 млн. человек в 1951 г., что означало увеличение на 29,72%), то, согласно данным переписи 1961 г., их численность резко упала — с 31,4 млн. до 20,6 млн. человек, что означало сокращение их числа более чем на $\frac{1}{3}$ (на 34,52%) [304, с. XXXVIII].

Дальнейшее уменьшение их численности отмечено и переписью 1971 г., когда хинди в качестве родного языка назвали уже 19,78 млн. человек. Объяснение заключается в том, что в качестве родного языка многие назвали свой родной, региональный язык — бходжпури, магахи или майтхили [The Times of India. 31.10.1973].

И то, что в обобщающей таблице переписи 1971 г. число носителей хинди в Бихаре составляет 44 953 тыс. человек (что означает рост численности носителей по сравнению с предшествующим десятилетием более чем вдвое, или, если быть более точными, — на 118,6%), объясняется тем, что наряду с теми, кто действительно назвал хинди родным языком, к этой категории причислены также носители всех генетически родственных языковых образований, в первую очередь бходжпури, магахи и майтхили, представленные соответственно — 14 340 тыс., 6638 тыс. и 7121 тыс. человек [305, с. 333].

Точно так же трудно поверить, что численность носителей хинди в Раджастанхоне с 6,7 млн. человек за одно лишь десятилетие (1961—1971) могла подскочить до 23,4 млн., т.е. практически в 3,5 раза! Ни естественный прирост населения, ни самая интенсивная миграция (которой, кстати, здесь не отмечалось), ни даже оба эти фактора вместе взятые объяснить подобного феноменального роста не могут. Единственное, на наш взгляд, разумное объяснение подобного феномена заключается в том, что носители различных раджастанских диалектов (багри, дхундхари, хараути, джайпури, марвари, мевари, мевати и др.) были причислены к «лику хинди», т.е. путем нетрудной операции сложения были объединены общим титулом «носителей хинди» (что, кстати, не скрывается и в «Переписи» [307, с. 6—7]).

То же самое — только в еще большей степени — относится к показателям о росте численности носителей хинди в штате Химачал Прадеш: как и в случае с раджастанскими диалектами, все западнопахарские диалекты, распространенные здесь (кангри, мандеали, чамбеали, сирмаури и др.), были включены в состав «хинди», в результате чего за одно лишь десятилетие (1961—1971) отмечен фантастический рост — численность носителей хинди здесь возросла за этот срок более чем в 20 (!) раз — со 135 тыс. человек до 3 млн. человек.

Штаты/ союзные территории	1951 г.		1961 г.	
	общая численность населения	число носителей хинди	общая численность населения	число носителей хинди
Штаты				
Уттар Прадеш	63 216	50 456	73 746	62 974
Бихар	38 782	31 428	46 456	20 560
Мадхья Прадеш	26 072	20 858	32 372	25 271
Панджаб*	н.д.	н.д.	20 306	11 297
Раджастан	15 971	3 298	20 156	6 714
Харьяна	—	—	—	—
Химачал Прадеш	н.д.	н.д.	1 351	135
Союзные территории				
Дели		1 646	2 658	2 057
Чандигарх	—	—	—	—

* До реорганизации штата на лингвистической основе в 1966 г. и создания

В результате в одном лишь хиндиязычном ареале численность носителей хинди, согласно данным переписи 1971 г., составила 196,5 млн. человек, см. табл. 7 (хотя в изданной пятью годами раньше монографии Р.Ч.Нигама утверждалось, что по всей Индии количество тех, кто назвал хинди в качестве родного языка, составляло только 153,7 млн. [305, с. 333]).

Что касается носителей урду, то основная их масса, как и в примере с хинди, проживает в пределах хиндиязычного ареала. Так, если в 1951 г. численность урдуязычного населения здесь равнялась 7,4 млн. человек и к 1961 г. возросла до 13,6 млн., то в 1971 г. она увеличилась до 16,3 млн. человек [304, с. XVI—XVIII; 307, с. 20—63], а в 1981 г. уже составляла 20,4 млн. человек [311, с. 42]. Причем в отличие от хинди значительная часть (до половины) урдуязычного населения — это горожане.

Наибольшее число тех, кто назвал урду родным языком, в 1981 г., как и прежде, проживало в двух штатах данного ареала: в Уттар Прадеше (10,7 млн.) и Бихаре (6,9 млн.).

Весьма высокой является концентрация урдуязычного населения в отдельных местностях этих штатов. Так, в ряде дистриктов штата Уттар Прадеш численность тех, кто в качестве родного языка назвал урду, в 1961 г. превышала 30% населения: в

носителей хинди
ареала (в тыс. человек)
с. XVI—XXIV; 307, с. 20—63]

Динамика		1971 г.		Динамика	
% прироста	% всего населения	общая численность населения	число носителей хинди	% прироста	% всего населения
+24,81	85,39	110 862	78 214	+24,2	75,5
—34,52	44,3	69,917	44 953	+118,6	64,3
+21,16	78,07	52 178	34 698	+37,3	66,4
н.д.	56,1	—	—	—	—
+103,58	33,32	34 261	23 480	+249,7	68,8
—	—	12 922	8 975	—	70,1
н.д.	10,00	4 280	3 005	+2,125	70,0
	77,38	6 220	3 088	+50	49,6
—	—	451	143	—	31
			196 553		

двух штатов: Панджаб и Харьяна.

дистрикте Биджнор — 32,62%, в дистрикте Морадабад — 33,2%, в дистрикте Рампур — 43,35% [304, с. X].

Высок был процент урдуязычного населения и в ряде городских центров этого штата. Так, в Аллахабаде контингент говорящих на урду составляет 20% населения города, в Бенаресе — 21%, в Этаве — 23, Сахаранпуре — 25, Мератхе — 26, в Лакхнау — 27, Пилибхите — 29, Джаунпуре и Фирозабаде — 30, Алигархе — 34, Барейли — 37, Будауне — 40% [304, с. CXXXVIII].

Остальные штаты данного ареала по численности двуязычного населения и концентрации его в отдельных местностях существенно уступали Уттар Прадешу и Бихару.

Причем особо следует отметить, что при абсолютном росте числа носителей урду их доля в общей численности населения штатов за десятилетие (с 1961 по 1971 г.) неуклонно сокращалась, а в последующем (с 1971 по 1981 г.) проявила тенденцию к возрастанию. Так, если в штате Уттар Прадеш число носителей УРАУ за десятилетие (с 1961 до 1971 г.) возросло с 7,8 млн. до 9,2 млн. человек, а в 1981 г. — даже до 10,7 млн., то их доля в общей численности населения штата упала с 10,66% в 1961 г. до 8,3% в 1971 г., однако несколько (до 9,7%) возросла в 1981 г.

Таблица 8

Динамика численности говорящих на урау
в хиндиязычном ареале (в тыс. человек), 1951—1981 гг.

Штаты/ союзные территории	1951 г.		1961 г.		Динамика	
	общая численность населения	число говорящих на УРАУ	общая численность населения	число говорящих на УРАУ	% прироста	% населения
Штаты						
Уттар Прадеш	63 216	4 300	73 746	7 892	+ 83,51	10,7
Бихар	38 784	2 646	46 456	4 149	+ 55,79	11,5
Мадхья Прадеш	26 072	368	32 372	740	+ 100,99	2,3
Раджастхан	15 971	156	20 156	510	+ 266,37	2,5
Панджаб*	16 135	—	20 306	255	—	1,3
Химачал Прадеш	—	—	—	—	—	—
Харьяна	—	—	—	—	—	—
Союзная территория						
Дели	1 744	—	2 658	153	—	5,7
		7 470	13 697			

Штаты/ союзные территории	1971 г.		Динамика		1981 г.		Динамика	
	общая численность населения	число говорящих на урду	% при- роста	% насе- ле- ния	общая численность населения	число говорящих на урду	% при- роста	% насе- ле- ния
Штаты								
Уттар Прадеш	88 341	9 273	+ 17,5	10,5	110 862	10 767,1	+ 18,0	9,7
Бихар	56 353	4 993	+ 13,1	8,8	69 914	6 955,8	+ 39,7	9,8
Мадхья Прадеш	41 654	1 001	+ 35,0	2,37	52 178	1 131,2	+ 13,0	2,1
Раджастан	25 765	650	+ 27,4	2,6	34 261	725,4	+ 11,6	2,1
Панджаб*	—	—	—	—	—	—	—	—
Химачал Прадеш	3 460	10	—	0,29	4 280	13,2	+ 32,0	0,3
Харьяна	10 036	195	—	1,9	12 922	227,2	+ 16,5	1,7
Союзная территория								
Дели	4 065	231	+ 50,9	0,57	6 220	362,9	+ 57,0	5,6
	16 343,0					20 482,0		

* До реорганизации штата на лингвистической основе в 1966 г. и создания Харьяны.

В Бихаре при росте числа носителей урду за десятилетие (1961—1971) с 4,1 млн. до 4,9 млн. человек, а в 1981 г. — до 6,9 млн. их доля в общей численности населения сократилась с 11,5% в 1961 г. до 7,1% в 1971 г., однако возросла до 9,8% в 1981 г.

Точно таким же образом колебалась за указанное десятилетие доля носителей урду и в других штатах данного ареала: соответственно — с 2,3 до 1,9% и 2,1% общей численности населения — в Раджастхане, с 2,5 до 1,8% и 2,1% — в штате Мадхья Прадеш, хотя абсолютное их число возросло: соответственно — на 27,4 и на 35% — в 1971 г. и на 13,0 и на 11,6% — в 1981 г. (см. табл. 8).

Однако распространение как хинди, так и урду не ограничивается хиндиязычным ареалом. Значительные контингенты носителей этих языков проживают и за пределами данного ареала, в иноязычных штатах страны — практически по всей Индии. Если исходить из данных переписи 1971 г., за пределами хиндиязычного ареала проживало до 12 млн. носителей хинди и свыше 12 млн. тех, кто в качестве родного языка назвал урду (в 1961 г., к слову сказать, в иноязычных штатах Индии проживало лишь около 15 млн. тех, кто в качестве родного языка назвал хинди или урду: около 5 млн. носителей хинди и вдвое больше — свыше 10 млн. говорящих на урду).

К 1981 г. численность тех, кто, относя себя к числу носителей хинди или урду, проживал за пределами хиндиязычного ареала, уже превышала 34 млн. человек, из которых свыше 19 млн. в качестве родного языка называли хинди и более 15 млн. человек — урду.

Английский как компонент этнолингвистической ситуации в ареале хинди

Как уже было сказано, одним из компонентов языковой ситуации в данном ареале является английский.

Конечно, число тех, для кого английский является родным языком, составляло, по данным переписи 1961 г., весьма скромную цифру — всего около 224 тыс., причем основная их масса проживала за пределами хиндиязычного ареала, главным образом в Мадрасе (ныне штат Тамилнад), Майсуре (ныне Карнатака), в штатах Махараштра и Западная Бенгалия [304, с. 106].

В хиндиязычном ареале число носителей английского было невелико: оно составляло всего лишь около 44 тыс. человек (см. табл. 9).

**Английский как родной язык
в ареале хинди, 1961—1981 гг.**

Носители, тыс.			
Штаты/ союзная территория	1961 г.	1971 г.	1981 г.
Уттар Прадеш	23,2	6,8	5,0
Бихар	8,3	4,4	2,5
Мадхья Прадеш	5,9	4,4	4,3
Панджаб*	1,4	0,5	0,3
Раджастхан	1,2	2,2	1,9
Харьяна	—	—	—
Химачал Прадеш	0,02	0,2	0,3
Дели	4,1	4,6	6,7
Итого	43,92	23,1	21,0

* Данные по Панджабу до выделения из него Харьяны в 1966 г.

Через десятилетие численность тех, для кого английский являлся родным языком, значительно сократилась: по данным переписи 1971 г., в Индии насчитывалось лишь 191,5 тыс. человек, назвавших английский в качестве родного языка [305, с. 334]. Подавляющая часть англоязычного населения страны проживала главным образом в городских центрах, концентрируясь, как и прежде, по преимуществу в юго-западных, южных и восточных штатах страны: Махараштре (69,2 тыс.), Тамилнаде (30,1 тыс.), Западной Бенгалии (27,2 тыс.) и Майсуре (Карнатака) — 16,9 тыс. В каждом из остальных штатов их численность составляла по несколько тысяч (а в ряде случаев — даже несколько сотен) человек. В ряде же штатов (Манипур, Нагаленд, Сикким, Трипура) и союзных территорий (Аруначал Прадеш, Лакшадвип, Дадра и Нагархавели, Андаманские и Никобарские о-ва) количество тех, кто в качестве родного языка назвал английский, практически приближалось к нулю.

На весь хиндиязычный ареал — на все штаты и союзные территории, входящие в него, — приходилось незначительное число тех, кто показал английский как свой родной язык. При этом следует иметь в виду, что за десятилетие, прошедшее после переписи 1961 г., численность англоязычного населения в ареале хинди к 1971 г. сократилась почти наполовину, причем самое значительное сокращение было отмечено в основных штатах: в Уттар Прадеш (с 23,2 тыс. до 6,8 тыс. человек), в Бихаре (с 8,3 тыс. до 4,4 тыс.) и Мадхья Прадеш (с 5,9 тыс. до 4,5 тыс. человек) — при сохранении стабильности в численности данной категории населения в Дели (соответственно — 4,1 тыс. и

4,6 тыс. человек) и некотором увеличении в Раджастане (с 1,2 тыс. до 2,2 тыс.). В общем в пределах хиндиязычного ареала проживало лишь 23,3 тыс. человек, назвавших английский в качестве родного языка, — мизерное по масштабам Индии число, которое само по себе вряд ли способно хоть в какой-то степени влиять на этнолингвистическую ситуацию.

И хотя перепись 1981 г. зарегистрировала значительное увеличение численности тех, кто в качестве родного языка назвал английский, — таких насчитывалось в стране уже 232 875 человек, — однако в хиндиязычном ареале их численность практически осталась стабильной (ок. 22 тыс.) с тенденцией к дальнейшему сокращению (см. табл. 9).

Однако значение английского для хиндиязычного ареала (как, впрочем, и для всей Индии в целом) определяется не только и не столько численностью тех, кто считает его своим родным языком.

Для хиндиязычного ареала значение английского определяется главным образом тем обстоятельством, что он используется как второй язык значительными массами населения данного ареала. Так, по переписи 1961 г., из 6,2 млн. билингвов, для которых хинди являлся родным языком, больше половины, а именно 3,3 млн. человек, в качестве второго языка называли английский. Значительная часть носителей хинди, владеющих английским, проживала в штатах данного ареала, причем количество билингвов-мужчин в несколько раз (по разным штатам это соотношение существенно колебалось) превышало численность билингвов-женщин (см. табл. 10).

Таблица 10

Носители хинди, владеющие английским,
в хиндиязычном ареале, 1961 г.

Англоязычные билингвы Штаты/союзная территория	Общее число, тыс.	Из них	
		мужчин	женщин
Уттар Прадеш	1 553 889	1 372 315	181 574
Бихар	449 184	410 945	38 239
Мадхья Прадеш	264 695	225 408	39 287
Панджаб*	478 761	382 714	96 047
Раджастан	9 233	8 437	796
Химачал Прадеш	10 132	8 068	2 064
Дели	303 259	224 601	78 658
Итого	3 069 153	2 632 488	436 665

* Данные по Панджабу до выделения из него Харьяны в 1966 г.

Однако число людей, назвавших английский в качестве своего второго языка, на 1961 г. составляло в данном ареале гораздо более внушительную цифру в связи с тем, что английский язык является здесь наряду с хинди привычным средством коммуникации для носителей других индийских языков, проживающих, как правило, в крупных городских центрах. Значительную часть таких билингвов здесь составляют те, для кого родным языком является один из основных (перечисленных в Приложении VIII к Конституции) языков Индии. Численность таких билингвов в данном ареале превышает 800 тыс. человек.

Наиболее высокий процент владеющих английским отмечается среди носителей дравидийских языков, проживающих в данном ареале: английским как вторым языком в штате Уттар Прадеш, например, владели 61,9% общего числа билингвов—носителей малаялам, 61,8% — билингвов—носителей тамили, 50,8% — билингвов—носителей телугу. Еще более высокий процент владения английским отмечается среди носителей дравидийских языков в столичном округе Дели: 72,0%, 61,6 и 65,8% — соответственно⁵.

Немногоим уступают им данные относительно владеющих английским среди билингвов—носителей бенгали: по штату Уттар Прадеш они составляют 54,9% общего числа билингвов-бенгальцев, в округе Дели — 62,8%.

К этому следует добавить данные, касающиеся билингвизма среди носителей еще двух конституционно признанных языков: урду и синдхи.

Процент владеющих английским среди носителей урду в данном ареале, согласно переписи 1961 г., составлял 10,7% общего числа их билингвов (446,8 тыс. человек из 4152,1 тыс. билингвов-урду по всей Индии) и 21,9% общей численности билингвов—носителей синдхи (86,7 тыс. человек из 351 тыс. билингвов-синдхи по всей Индии; для сравнения отметим, что владеющих хинди среди них насчитывается 218,8 тыс. человек, что составляет 62,3% общего числа билингвов—носителей синдхи).

К этому следует добавить, что в штатах хиндиязычного ареала функционируют многочисленные школы, преподавание в которых ведется на английском языке. Первое место по числу школ с преподаванием на английском языке среди штатов данного ареала прочно занимает Бихар, где число таких школ превышает 700.

Следом за Бихаром следует округ Дели, где действует около 350 английских школ.

В остальных штатах данного ареала английские школы весьма немногочисленны: в штате Мадхья Прадеш их около 100, в Уттар

---

⁵ Подсчеты наши, см. [35, с. 99—101].

Прадеш — 66, в Химачал Прадеш — 50, в Харьяне — лишь 19 [285, с. 63—66].

К тому же в обычных школах английский преподается как второй язык (об этом подробнее — в главе III).

**Региональные языки
как компоненты этнолингвистической ситуации
в ареале хинди**

Важными компонентами этнолингвистической ситуации в данном ареале являются региональные языки, которые, не имея четко выраженных границ, составляют лингвистический континуум.

Рассматривая языковую ситуацию в ареале хинди, всякий беспристрастный наблюдатель не может не отметить это обстоятельство. Так, даже комиссия по официальному языку в своем докладе президенту отмечала наличие многих языков в данном ареале, хотя и делала при этом оговорку, что эти языки «не следует включать в список современных развитых или литературных языков. Например, раджастхани... пахари, косали, майтхили, бходжпури, марвари и т.п., хотя они и функционируют как формы устной речи и часть из них когда-то широко использовалась в литературе, не должны считаться отдельными литературными языками, так как носители этих языков в общем *смотрят на хинди как на язык литературного выражения*» (курсив наш. — В.Ч.) [502, с. 27].

«Те, кто использует хинди, участвуют в сложном сплетении речевых контактов, — пишет в этой связи А.Петржик. — В данной географической области, нередко — даже в речи отдельного говорящего, формы хинди могут использоваться одновременно с одной или несколькими речевыми формами, фонетические, грамматические и лексические отклонения которых от принятых норм хинди могут варьироваться от почти полного сходства до разительного различия» [472, с. 250].

Население хиндиязычных областей говорит на многих диалектах, которые сохраняют черты общности даже на значительном удалении друг от друга. По мере увеличения расстояний растут и лингвистические различия, что ведет к уменьшению степени взаимопонимаемости, вплоть до того, что между жителями, проживающими на значительном удалении друг от друга, коммуникация становится затруднительной или даже невозможной. В диалектных формах региональные языки доминируют в сельской местности, где, по данным последних переписей, живут 8 из 10 человек; в соответствующих диалектных областях сред-

ством общения являются авадхи, багхелькханди, брадж, бунделькханди, бходжпури, гархвали, канауджи, кумаони, магахи, мальви, майтхили, раджастхани, хариани и чхаттисгархи, по традиции, в основе которой лежит степень близости между языками, объединяемые в пять групп: пачханха (западные), пурби (восточные), бихари (бихарские), раджастхани (раджастханские) и пахари (горские) (см. табл. 11).

Таблица 11

Региональные языки ареала хинди
(численность говорящих
и территориальная распространенность), 1961 г.

Группы региональных языков	Региональные языки	Число носителей (в млн., оценочные данные)	Территория
Пачханха (западные)	хариани	7,0	Харьяна
	брадж	13,0	Уттар Прадеш
	канауджи	8,0	(зап. дистрикты)
	бунделькханди	10,0	Уттар Прадеш (юго-зап. дистрикты)
Пурби (восточные)	авадхи	21,0	Уттар Прадеш Мадхья Прадеш (сев.-зап. дистрикты)
	багхелькханди	5,8	(вост. дистрикты)
	чхаттисгархи	8,0	Мадхья Прадеш (центр., вост. и юго-вост. дистрикты)
Бихари (бихарские)	бходжпури	28,0	Уттар Прадеш (вост. дистрикты) Бихар (зап. дистрикты)
	магахи	9,5	Бихар (центр. и юго-вост. дистрикты)
	майтхили	17,0	Бихар (сев. дистрикты)
Раджастхани (раджастханские)		20,0	Раджастхан
Пахари (горские)	гархвали	5,0	Уттар Прадеш
	кумаони		(сев.-зап. дистрикты)

Основная сфера применения региональных языков — это сфера семейно-бытовая: в качестве средства общения они используются, как правило, в быту — и не только в деревне, но

нередко и в городе, а также до известной степени и в социальной жизни североиндийской деревни.

Кроме того, региональные языки данного ареала находят применение в художественной литературе (хотя и в различной степени), а также ограниченно — в средствах массовой информации (пресса, радио, отчасти кино) [100, 65—91].

В отличие от других языковых проблем Индии, которые приобрели актуальность и остроту еще в колониальный период, проблема региональных языков и их взаимоотношения с хинди по существу возникла уже в условиях существования независимой Индии: завоевание независимости явилось той встряской, которая подняла к жизни многие, дотоле «безмолвствовавшие» языки.

Различия между хинди и региональными языками, как уже было отмечено выше, прослеживаются на всех уровнях языка: фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом⁶.

Хотя еще не созданы полные словари региональных языков и нет точных подсчетов общей и специфичной для каждого из них лексики, общим для них, по мнению некоторых ученых, является не менее 70% словаря, доля же специфичной лексики колеблется от 15 до 30% его состава [251, с. 34].

Грамматический строй хинди и региональных языков во многом совпадает, обладая рядом общих черт в парадигмах как имени, так и глагола, а также в средствах связи слов в предложении. Вместе с тем региональные языки имеют и значительные отличия от хинди как в морфологии, так и в синтаксисе.

Самые существенные моменты, сближающие хинди с диалектами группы пачханха: в морфологии — изменяемость имени, в синтаксисе — наличие эргативной конструкции предложения [362, с. 214—215].

Региональным языкам группы пурби и бихари, в отличие от хинди и диалектов пачханха, свойственны: в морфологии — неизменяемость имени, в синтаксисе — отсутствие эргативной конструкции предложения.

«...Что касается конструкции [предложения], — писал еще Р.Хернле свыше ста лет назад, — то здесь налицо огромная разница, а именно — в конструкции с прошедшим временем переходного глагола: восточному хинди свойственна регулярная активная (в современной терминологии — номинативная. — В.Ч.) конструкция с подлинно активным прошедшим временем [гла-

---

⁶ Подробнее об этом см. соответствующие тома фундаментального исследования Дж.Грирсона [360—363], а также работу П.А.Баранникова [9, с. 18—61] и нашу монографию [99, с. 34—44, 100—128].

гола], — в то время как в западном хинди употребляется пассивная (т.е. эргативная. — В.Ч.) конструкция при посредстве активного падежа (через *ле*) субъекта» [377, с. XI].

Лингвистические различия между языками группы пурби, с одной стороны, и пачханха — с другой, следовательно, весьма значительны, хотя различия между территориально сопредельными диалектами, даже если они относятся к разным группам, не столь существенны и обычно не препятствуют взаимопониманию, что отчетливо проявляется, например, при общении носителей браджа и авадхи [513, с. 10].

Точно таким же образом без особого труда понимают друг друга и носители основных языков Бихара — бходжпури, магахи и майтхили — феномен, в основе которого лежит тот факт, что «сходства между ними гораздо больше, чем различий» [247, с. 180].

Однако растут расстояния — увеличиваются и лингвистические различия, а это, в свою очередь, ведет к уменьшению степени взаимопонимания вплоть до того, что между носителями различных диалектов, проживающими на значительном удалении друг от друга, общение становится затруднительным или даже невозможным. «Житель Мератха (т.е. зоны опорного диалекта хинди. — В.Ч.) не в состоянии понять то, что сказано на бходжпури выходцем из дистрикта Балия, — писал в этой связи известный общественный деятель Индии Нагешвар Двиведи, — а то, что сказано лицом, говорящим на кумаони, остается недоступным для [понимания] жителя Бунделькханда» [Адж.Бенарес. 21.08.1972].

То же самое относится и к понимаемости хинди носителями различных региональных языков. Даже хинди, содержащий весьма скромную дозу санскритской лексики и поэтому весьма близкий городскому просторечию, до сих пор остается непонятен подавляющему большинству деревенского населения данного ареала, и не только восточных его областей, но, как это ни парадоксально, также и зоны его опорного диалекта [369].

Как отмечается в научной литературе, «чрезвычайно важной особенностью этноязыковой ситуации в Бихаре и районах, расположенных к западу от него, является то, что подавляющая часть населения имеет здесь весьма смутное представление (курсив наш. — В.Ч.) о своей этнической принадлежности и даже о правильном названии своего языка» [70, с. 31].

Нет поэтому ничего удивительного в том, что под рубрикой «хинди» в переписи 1961 г. было объединено 97 (!) различных названий языков и диалектов: свой родной язык опрашиваемые в подавляющем большинстве случаев определяли по месту жи-

тельства, касте, профессиональному занятию либо по наиболее распространенной в данной местности графике [304, с. 37—45].

По данным переписи 1971 г., «хинди» объединял гораздо меньшую, хотя и вполне внушительную цифру — 57 названий. Однако такое сокращение, думается, было достигнуто только благодаря тому, что в расчет принимались названия лишь тех языковых образований, на каждом из которых говорило не менее 10 тыс. человек [307, с. 6—7].

Столько же компонентов входило в понятие «хинди» и по переписи 1981 г. [311, с. 10]. Разница между этими переписями заключается в том, что если в переписи 1971 г. еще приводятся данные о численности говорящих на каждом из языковых образований, включаемых в состав «хинди» [305, с. 333—340], то в переписи 1981 г. таких данных нет, имеются лишь сведения о «едином и неделимом хинди» [311, с. 20].

С годами, однако, в этнолингвистическом сознании населения данного ареала отмечаются существенные сдвиги. Если, согласно переписи населения, проведенной сразу же после завоевания страной независимости в 1951 г., подавляющая часть населения данного ареала в качестве своего родного языка назвала хинди, то в последующие десятилетия число тех, кто назвал хинди своим родным языком, неуклонно сокращается. Так, если по переписи 1951 г. численность говорящих на хинди составляла 42% населения Индии, то к 1961 г. она сократилась до 30,3%, а в 1971 г. составляла лишь 29,7% населения страны [The Times of India. 31.10.1973].

Особенно же заметно такое сокращение на уровне штатов, входящих в данный ареал. Так, в Бихаре, население которого на 1971 г. составляло 56,3 млн. человек, хинди в качестве родного языка назвали лишь 19,8 млн. Даже в штате Уттар Прадеш, который издавна является цитаделью и оплотом хинди, из общей численности населения в 88,3 млн. человек к числу носителей хинди отнесли себя лишь 71,9 млн. Во всех штатах данного ареала большинство из тех, кто не отнес себя к носителям хинди, в качестве родного языка назвал соответствующий региональный язык (или один из входящих в него диалектов), в частности, в Бихаре — бходжпури, магахи, майтхили [The Times of India. 31.10.1973].

Однако данные последних переписей показывают, что население различных зон хиндиязычного ареала по-разному относится к той форме речи, которая, находя широкое применение как в быту, так и в общественной жизни, рассматривается носителями в соотношении с хинди. Здесь отмечаются две тенденции: либо включение соответствующих форм речи в состав хинди в качестве его компонентов — «ганвару боли» («грубых деревен-

ских диалектов»), либо выведение их за пределы хинди на правах самостоятельных языков.

В зоне распространения западного хинди его формы либо не осознаются отдельными языками, либо считаются таковыми весьма ограниченным числом лиц.

Почти аналогичная картина наблюдается в зоне распространения региональных языков группы восточного хинди.

В решающей мере это объясняется тем, что у этнических общностей (авадхи, чхаттисгархи, хариани и т.п.), проживающих здесь, «этнолингвистическое самосознание характеризуется неразвитостью, расплывчатостью и неустойчивостью... Во всяком случае, чувство этнической принадлежности... среди широких масс развито очень слабо или даже, по существу, отсутствует и заменяется просто сознанием чисто локальной принадлежности» [70, с. 33—34].

В результате отмечаются огромные перепады в показаниях переписей, проводившихся в последние годы. Так, в 1961 г. авадхи в качестве родного языка назвали около 530 тыс. человек (прирост более чем в 170 раз по сравнению с 1951 г.), в 1971 г. это число сократилось до 136 тыс., т.е. почти в 4 раза.

Багхелькханди родным языком в 1961 г. назвали свыше 550 тыс. человек, к 1971 г. эта цифра сократилась более чем вдвое, составив всего лишь 231 тыс. человек.

Исключение составляет чхаттисгархи: в 1961 г. его назвали своим родным языком почти 3 млн., в 1971 г. эта цифра возросла до 6693 тыс. человек, т.е. более чем в 2,2 раза [305, с. 333—335].

У носителей бихарских языков, наоборот, постепенно вызревает осознание их отдельности, что к 1961 г. вылилось в своеобразный «лингвистический взрыв»: количество носителей, по переписи 1961 г., составляло следующие цифры: бходжпури родным языком назвали почти 8 млн. человек, магахи — 2,8 млн., майтхили — около 5 млн. человек (прирост в 56 раз по сравнению с данными переписи 1951 г., когда майтхили родным языком назвали менее 90 тыс. человек).

Спустя 10 лет число тех, кто в качестве родного языка назвал один из региональных языков Бихара, еще более выросло. Согласно данным переписи 1971 г., основные языки группы бихари по количеству тех, кто назвал каждый из них родным языком, входили в первую двадцатку языков Индии, представленных наибольшим числом говорящих на них. Так, бходжпури назвали родным языком (см. табл. 12), 14,3 млн. человек (увеличение почти в 2 раза); магахи — 6,6 млн. (увеличение более чем в 2,2 раза); майтхили — 6,1 млн. человек (рост на 20%) [305, с. 333].

Динамика численности
говорящих на бихарских языках (в тыс. человек),
1951—1971 гг.

Языки	1951 г.		1961 г.		1971 г.	
	число говорящих	%	число говорящих	%	число говорящих	%
Бходжпури	1,1	0,05	7 842,7	16,88	14 340,5	25,47
Магахи	3,7	0,10	2 818,4	6,07	6 638,4	11,79
Майтхили	87,6	0,23	4 984,8	10,73	6 121,9	10,87

Таким образом, если по переписи 1951 г., как отмечают исследователи, 81% населения Бихара заявили, что их родным языком является хинди, и только 0,29% населения осмелились назвать один из языков Бихара, то в 1961 г. ситуация кардинально переменялась: бихарские языки в качестве родных назвали уже 36%, а по переписи 1971 г. — 46% населения штата, что дало индийским ученым основание для вывода о том, что «в любом случае, данные переписей 1961 и 1971 гг. представляют собой четкое свидетельство роста этнолингвистического сознания у бихарцев, и эта тенденция неуклонно нарастает» [451; Patriot. 18.12.1987].

На этот процесс воздействуют многие факторы, взятые в совокупности, в том числе и такой, казалось бы, второстепенный, как административное размежевание территорий, входящих в данный ареал. Так, в 1961 г. население дистриктов, населенных бходжпурцами в штате Бихар, в подавляющем большинстве показало своим языком бходжпури, в то время как население бходжпурских дистриктов, входящих в состав штата Уттар Прадеш (Азамгарх, Деория, Джаунпур, Баия, Газипур, Варанаси и Мирзапур), родным языком почти поголовно назвало хинди.

Создание в 1966 г. штата Харьяна привело к тому, что число тех, кто назвал хариани (харьянви) в качестве родного языка, возросло с 3,5 тыс. человек в 1961 г. до 64 тыс. в 1971 г. [305, с. 335].

События последних лет показывают, что среди носителей региональных языков отмечается стремление к литературно-лингвистическому самоутверждению, которое в ряде случаев выливается в требование автономии. В специфических условиях независимой Индии автономистские лозунги принимают характер требований о реорганизации штатов данного ареала на лингвистической основе [100, с. 143—163]. Реальные факторы, настроения масс, а также все более громко и настоятельно звуча-

щие требования о реорганизации хиндиязычных штатов на лингвистической основе заставляют правящие круги признать многоязычный характер не только отдельных штатов, но и всего ареала хинди в целом. Движение приобретает все более массовый характер, а его требования и лозунги становятся объектом борьбы основных политических партий страны.

Продолжая политику всемерного содействия распространению хинди и отменяя требования автономистов, правящие круги вынуждены прибегать к лавированию и компромиссу. Существование этих новых моментов в языковой политике данного ареала заключается в том, что отдельные наиболее развитые языки получают весьма ограниченное, в сущности полуофициальное признание, имеющее скорее символический характер. Начало этому было положено в 1965 г., когда Сахитья Академи (Литературная академия Индии) признала майтхили в качестве самостоятельного литературного языка. В 1971 г. такого признания был удостоен раджастхани [100, с. 140—141].

Другие региональные языки данного ареала (брадж, авадхи, бходжпури и др.) также начинают получать признание — только не на общеиндийском уровне, а на уровне штата. Это находит выражение в том, что даже правительство штата Уттар Прадеш, где в течение трех десятилетий господствовала и неукоснительно проводилась в жизнь концепция «единого и неделимого хинди», начинает присуждать — непосредственно или через соответствующие научные центры — премии литераторам, которые создают свои произведения на этих языках [Джан-юг. 22.12.1978].

***Языки малых народов и этнических групп
как компоненты этнолингвистической ситуации
в ареале хинди***

Существенными компонентами этнолингвистической ситуации в данном ареале являются языки малых народов и этнических групп.

Самыми крупными из них по числу носителей являются сантали, мундари, хо, савара, бхумидж, существует также ряд других, более мелких, относящихся к группе мунда аустроазиатской семьи.

По данным переписи 1961 г., количество говорящих на языках группы мунда составляло следующие цифры: сантали — 3247 тыс. человек, мундари — 737 тыс., хо — 648 тыс., савара — 265 тыс., корку — 220 тыс., кхариа — 177 тыс., бхумидж — 142 тыс. человек [304, с. 105—137].

По данным переписи 1971 г., численность говорящих на основных языках группы мунда заметно возросла и составляла следующие цифры: сантали — 3693 тыс. человек, мундари — 770 тыс., хо — 749 тыс. человек и т.д.

По тем же данным, численность тех, кто назвал в качестве родного другие языки группы мунда, резко сократилась. Так, савара в качестве родного языка показали 221 тыс. человек, бхумидж — лишь 46 тыс. человек [305, с. 333—336].

Народы, говорящие на языках группы мунда, в основном проживают на территории Бихара и двух соседних штатов: Западной Бенгалии и Ориссы.

Территория их расселения в Бихаре — область Чхота-Нагпур; здесь сосредоточена основная масса носителей языков группы мунда (см. табл. 13).

Таблица 13

Носители языков группы мунда,
проживающие в Бихаре

Язык	Численность, тыс.		
	1961 г.	1971 г.	1981 г.*
Сантали	1659	1907	2105,1
Мундари	574	639	631,9
Хо	444	536	539,2
Кхариа	96	102	99,4
Бхумидж	38	15	7,2

* Данные на 1981 г. приводятся по [311].

Кроме того, в данном ареале проживают носители корку — языка, тоже относящегося к группе мунда, однако основная их масса сосредоточена в штате Мадхья Прадеш, где, по данным переписи 1961 г., их насчитывалось свыше 158 тыс. человек. К 1971 г. это число возросло до 221 тыс. человек.

Следует отметить, что в школах и центрах по ликвидации неграмотности, созданных в районах расселения малых народов, используется та же система графики, что принята для официального языка данного штата, например, деванагари — в штатах хиндиязычного ареала, бенгальская — в штате Западная Бенгалия и т.п. В соответствии с этим среди санталов, проживающих в трех штатах — Бихаре, Ориссе и Западной Бенгалии, — используются четыре системы графики: деванагари, ория, бенгальская и латинская (разработанная миссионерами). Кроме того, создана и применяется собственная письменность.

Из всех малых народов группы мунда лишь среди санталов почти с первых лет независимой Индии существует движение за создание самостоятельной автономной единицы — штата Джаркханд.

Лозунги автономистов находят поддержку со стороны различных сил Индии — как прогрессивных, так и реакционных [30, с. 188; 47, с. 125—126].

Как отмечает индийская пресса, в последнее время значительно активизировали свою деятельность все организации, выступающие за создание отдельного штата Джаркханд, в состав которого они требуют включить 21 населенный санталами дистрикт в четырех сопредельных штатах: Бихаре, Ориссе, Западной Бенгалии и Мадхья Прадеше [New Age. 14.05.1989].

В конце апреля 1989 г. сторонники создания отдельного штата в поддержку своих требований провели трехдневную экономическую блокаду территории будущего Джаркханда, сопровождавшуюся актами насилия, поджогами почтовых отделений и вокзалов, взрывами железнодорожных путей и т.п.

Аналогичная блокада, только меньшей длительности, была проведена также в июне 1989 г. [New Age. 18.06.1989].

Все эти шаги направлены на то, чтобы вынудить Центральное правительство удовлетворить требования, выдвинутые автономистами.

Кроме народов, говорящих на языках группы мунда, в Бихаре, в штате Мадхья Прадеш и в сопредельных штатах — Западной Бенгалии и Орисса, с одной стороны, Махараштра и Андхра Прадеш — с другой, проживают несколько дравидоязычных народностей: гонды, ораоны, куи и ряд других, более мелких.

По данным переписи 1961 г., численность дравидоязычных народностей Центральной Индии составляла следующие цифры: гонды — 1501 тыс. человек, ораоны (или курух) — 1141 тыс., куи — 512 тыс., кондхи — 180 тыс. человек [304, с. 79—157].

По данным переписи 1971 г., численность дравидоязычных народностей, проживающих в Центральной Индии, несколько возросла и характеризуется следующими цифрами: гонды — 1548 тыс. человек, ораоны (курух) — 1240 тыс., куи — 350 тыс., кондхи — 195 тыс. человек [305, с. 333—334].

Перепись 1981 г. зафиксировала дальнейший рост их численности: гондов насчитывалось уже около 2 млн. человек, ораонов (курух) — 1264 тыс. человек.

Значительная часть малых народов «дравидийского корня» проживала в хиндиязычном ареале. Так, здесь располагалось около $\frac{2}{3}$ общего числа гондов (носителей языка гонди), около $\frac{3}{4}$ общей численности ораонов—носителей языка курух (см. табл. 14).

Малые дравидоязычные народы в ареале хинди,
1961—1981 гг.

Языки	Штаты	Численность, тыс.		
		1961 г.	1971 г.	1981 г.
Гонди	Мадхья Прадеш	1045	1194	1345,5
Курух	Бихар	549	624	645,8
(ораон)	Мадхья Прадеш	276	306	350,0

Среди дравидоязычных народностей (малых народов) Центральной Индии также отмечается движение за консолидацию всех земель, заселяемых ими, и создание на этой основе особого штата [30, с. 188—189; 47, с. 126].

В районе расселения гондов — Гондване (штат Мадхья Прадеш) ширится движение за автономию. С конца 60-х годов, когда было выдвинуто требование о создании автономного региона для гондского населения Мадхья Прадеша, движение за автономию гондов, приобретая все более массовый характер, существенно радикализировалось: ныне выдвигается требование создать уже полноправный «штат Бастар», в который наряду с дистриктом Бастар должны войти также сопредельные с ним дистрикты Райпур и Раджнандгаон. Требование о создании отдельного штата для гондов находит поддержку со стороны прогрессивных сил страны, в том числе КПИ [New Age. 11.06.1989].

В западной части Центрального Индийского нагорья, в горах Виндхья (штат Мадхья Прадеш) и соседнего Раджастхана, а также в сопредельных штатах Гуджарат и Махараштра живут бхили — народность, говорящая на различных диалектах, генетически родственных гуджарати и раджастхани. Доминирующее положение среди них занимают диалекты бхили и вагди.

По данным переписи 1961 г., в Индии насчитывалось 2439 тыс. бхилов [304, с. 89—91].

Перепись 1971 г. зафиксировала значительное увеличение их численности: на различных диалектах бхили, по этим данным, говорили уже почти 3,4 млн. человек [307, с. 89].

Согласно переписи 1981 г., их насчитывалось уже 4,4 млн. человек.

Причем значительная часть бхилов — примерно $\frac{2}{3}$ их общей численности — приходилась на такие штаты хиндиязычного ареала, как Мадхья Прадеш и Раджастхан (см. табл. 15).

Остальная часть этой народности проживает в сопредельных штатах Гуджарат и Махараштра.

Бхилы в хиндиязычном ареале

Штаты	Численность, тыс.		
	1961 г.	1971 г.	1981 г.
Мадхья Прадеш	875	1299	1604,8
Раджастхан	831	837	1585,1

Как и среди других малых народов Центральной Индии, у бхиллов отмечается рост национального самосознания и первые симптомы зарождающегося движения «за предоставление бхилам региональной автономии» [30, с. 189].

С конца 60-х годов уже выдвигается требование «создать отдельный штат Бхилстан, или Бхил Прадеш» [47, с. 126].

Четкую и недвусмысленную позицию по вопросу о предоставлении автономии территориям, населенным малыми народами, заняла Коммунистическая партия Индии.

«КПИ выступает за удовлетворение законных требований различных зон, населенных племенами, и предоставление им статуса штата либо региональной или дистриктовой автономии — в зависимости от конкретной ситуации» [New Age. 9.11.1989], — говорится в предвыборном манифесте КПИ, опубликованном накануне всеобщих выборов в Лок-сабха, назначенных на вторую половину ноября 1989 г.

Глава II

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НЕЗАВИСИМОЙ ИНДИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Одним из разделов современной социолингвистики является изучение языковой политики, которая проводится в данном обществе или государстве в исторически определенный период его существования [69, с. 216—246; 28, с. 254—282; 58, с. 110—124; 118, с. 145—156].

Хотя понятие «языковая политика» ныне широко используется в социолингвистических штудиях и этому аспекту социолингвистики уделяется большое внимание, до сих пор не существует общепринятого ее определения: различные исследователи дают этому понятию различные, подчас весьма существенно различающиеся интерпретации.

Наиболее употребительным ныне является понимание языковой политики, предложенное Л.Б.Никольским. Понятие «языковая политика» интерпретируется им как «совокупность мер, принимаемых для изменения или сохранения функционального распределения языков или форм существования языка, для введения новых или консервации употребляющихся языковых норм»; оно охватывает понятия «языковое строительство» и «культура речи» как «отражающие разнонаправленные процессы сознательного воздействия на язык» [58, с. 112].

Данная дефиниция, однако, страдает определенной расплывчатостью, поскольку не учитывает механизма формирования языковой политики и проведения его в жизнь.

Принимая во внимание этот момент, языковую политику следует, видимо, определить так: языковая политика — это система совпадающих либо альтернативных политических установок и практических мер, вырабатываемых и осуществляемых государственными органами, политическими партиями и общественными организациями и направленных на изменение либо, наоборот, сохранение сложившегося функционального распределения языковых образований: языков и диалектов — в многоязычной стране, на сужение спектра языковой вариантности и доведение

его до функционально релевантного минимума, на модернизацию языка либо сохранение старой его нормы — в стране одноязычной.

Достоинство предлагаемого определения заключается в том, что в нем, с одной стороны, наряду с понятием нормы вводится исходное для него понятие вариантности; с другой стороны, устраняется известная абстрактность и безликость, свойственная другим дефинициям «языковой политики», и вместо предельно абстрагированного (и поэтому безликого) понятия «общество» вводятся конкретные «субъекты языковой политики», т.е. те, кто не только формирует политические установки, но и претворяет их в жизнь, а именно — государственные органы, политические партии, а также существующие независимо от государственного и партийного аппарата добровольные общественные организации.

Такая конкретизация понятия «языковая политика» сугубо необходима, если рассматривать ее применительно к развивающимся странам, так как в каждой из них существует своя система, свой исторически сложившийся, более или менее отлаженный механизм формирования языковой политики и проведения ее в жизнь.

Хинди как объект языковой политики в независимой Индии

Новый этап в истории языковой политики Индии начинается с 1947 г., когда на месте прежней британской колонии возникло два государства: Индия и Пакистан.

Для выработки Конституции (Основного закона) страны в 1946 г. было создано Учредительное собрание — высший учредительный орган, состоявший из 389 депутатов (из расчета один депутат на миллион жителей), из которых 296 избирались провинциальными законодательными собраниями, а 93 — представляли княжества и назначались князьями [60, с. 442—445].

После провозглашения независимости в августе 1947 г. Учредительное собрание Индийского Союза, получив законодательные полномочия, в течение 1948—1949 гг. разработало, в ноябре 1949 г. утвердило, а с 26 января 1950 г. ввело в действие Основной закон страны [60, с. 537—543].

Одной из сложнейших проблем, стоявших перед создателями Конституции, была проблема официального (общегосударственного) языка. Поэтому вопрос об официальном языке вызвал в

Учредительном собрании небывалый накал страстей и бурные дискуссии, намного превысившие установленный для них лимит времени.

Сторонники хинди — «группа давления» во главе с Пурушоттамдасом Танданом (1882—1962) развернула в Учредительном собрании активнейшую деятельность за признание хинди официальным языком страны.

Во многом благодаря их усилиям хинди получил статус официального языка Индии: после бурных дебатов статья, провозглашавшая хинди официальным языком страны, была принята большинством голосов (причем, как отмечают наблюдатели, перевес тех, кто голосовал «за», составлял всего лишь один голос) [288, с. 14].

Как бы то ни было, Конституция была принята, и лингвистические ее разделы стали фундаментом языковой политики страны.

Часть XVII Конституции (статьи 343—351) целиком посвящена одному вопросу: об официальном языке страны.

Согласно статье 343 (п. 2), официальным языком Индии провозглашался хинди в графике деванагари [60, с. 230].

Наряду с этим, согласно п. 2 той же статьи, на последующие 15 лет (т.е. по январь 1965 г.) в качестве официального языка был оставлен английский, причем парламент получил право продлить применение английского языка и после указанного срока [51, с. 230].

Таким образом, наметив магистральное направление, сформировав и законодательно закрепив ведущие принципы и тем самым заложив основы официальной линии в языковом вопросе, которую предстояло проводить в жизнь в ближайшей и более отдаленной перспективе на общеиндийском уровне, Конституция знаменовала собой начало нового периода языковой политики. Принципиальное отличие этого периода от предшествующих заключалось в том, что основным субъектом языковой политики в Индии становился парламент как высший законодательный орган страны, уполномоченный при необходимости вносить коррективы в содержание, направленность и формы языковой политики на том или ином этапе развития индийского общества и государства. Высшее законодательное учреждение страны — парламент стал верховным органом формирования языковой политики в Индии.

Реализация же языковой политики, основные принципы которой сформулированы в Конституции страны, возлагается на Центральное правительство Индии. Причем специальной директивой (ст. 351) Конституции ему вменяется в обязанность не только «содействовать распространению языка хинди, развивать

его таким образом, чтобы он мог служить средством выражения для всех составных элементов сложной культуры Индии», но и «обеспечить его обогащение, не нарушая при этом духа языка, путем использования форм, стиля и выражений, употребляемых в языке хиндустани, а также в других языках Индии, указанных в Приложении VIII, а равно путем заимствования во всех случаях, когда это необходимо или желательно, слов, в первую очередь из санскрита, а затем уже из других языков» [51, с. 234].

Для полного перехода с английского на хинди устанавливался 15-летний срок: согласно Конституции, в январе 1965 г. должен был полностью осуществиться переход с английского на хинди, который, таким образом, с этого времени должен был утвердиться как единственный официальный язык страны. Касаясь этого решения, современные исследователи отмечают: «15-летний срок со дня принятия Конституции, по истечении которого хинди должен был заменить английский в качестве официального языка, был установлен вовсе не на основе адекватного знания существующей ситуации и планируемого развития в этот период... решение о переходе с английского на хинди по истечении 15-летнего периода протолкнули через Учредительное собрание без должной оценки как прогресса, что был достигнут в употреблении и развитии хинди, так и того противодействия, которое было оказано подобному законодательному шагу» [337, с. 49—50].

Поскольку на последующие 15 лет после введения Конституции в качестве официального языка страны был оставлен также и английский, то основным вопросом, который предстояло решить парламенту и правительству Индии, был вопрос о соотношении между хинди и английским языком в важнейших сферах коммуникации, прежде всего — в деятельности государственного аппарата.

Поэтому вопрос об официальном языке страны был поставлен на рассмотрение специальной комиссии, назначенной президентом Индии в 1955 г. из числа видных ученых и общественных деятелей, представлявших различные культурно-лингвистические зоны страны. Комиссии предстояло, тщательно изучив языковую ситуацию в стране, разработать рекомендации президенту Индии относительно прогрессирующего употребления хинди, ограничений в использовании английского языка и системы мер, направленных на постепенную замену английского языком хинди в качестве официального языка страны [502, с. 1].

Возглавлял работу комиссии известный общественный деятель, в прошлом главный министр штата Бомбей г-н Бальгангадхар Кхер (из-за чего эту комиссию для краткости нередко называют попросту «Комиссией Кхера»).

После нескольких месяцев напряженной работы комиссия представила президенту объемистый доклад, в котором были рассмотрены основные аспекты языковой проблемы в Индии и разработаны конкретные рекомендации относительно постепенного расширения социального функционирования хинди в различных сферах общественной жизни страны (в официальном делопроизводстве, системе просвещения, органах правосудия и т.п.).

Однако мнение комиссии по этому вопросу не было единодушным. Несогласие с основными рекомендациями комиссии выразили три ее члена, в том числе национальный профессор Индии Сунити Кумар Чаттерджи (1890—1977), занимавший в то время пост председателя Законодательного собрания штата Западная Бенгалия. Свои соображения по этому вопросу С.К.Чаттерджи высказал в так называемом Докладе меньшинства [502, с. 271—324].

Протестуя против поспешного введения хинди в качестве единственного официального языка страны вместо английского, С.К.Чаттерджи высказался за расширение Приложения VIII к Конституции страны путем включения в него целого ряда языков Индии, относящихся к различным языковым семьям [502, с. 312]. Среди индоарийских языков, которые, по его мнению, должны быть включены в Приложение VIII, С.К.Чаттерджи наряду с синдхи¹ и непали назвал также майтхили и раджастхани, «а впоследствии, может быть, также бходжпури, магахи и чхаттисгархи» [502, с. 312], т.е. те языковые образования, которые и теперь еще по традиции нередко квалифицируются как «диалекты хинди»².

Особое мнение ученого вызвало приступ ярости в лагере поборников хинди, которые тут же обвинили его в предательстве интересов страны, попутно наградив рядом нелестных эпитетов.

Однако большинство членов комиссии все-таки высказалось в пользу хинди, и «Доклад» был передан на рассмотрение специального парламентского комитета, созданного президентским указом в 1957 г. из депутатов обеих палат индийского парламента под председательством известного общественного и политического деятеля Говинда Валлабха Панта (1887—1961), в прошлом главного министра штата Уттар Прадеш [154, с. 77].

---

¹ В 1967 г. 21-й поправкой к Конституции язык синдхи был включен в Приложение VIII к Конституции страны и ныне рассматривается как один из основных языков Индии наряду с другими 14 «конституционными» языками.

² Следует сказать, что С.К.Чаттерджи всячески способствовал развитию местных языков ареала хинди: не без влияния С.К.Чаттерджи Литературная академия Индии в марте 1965 г. признала майтхили, а в марте 1971 г. — раджастхани в качестве самостоятельных литературных языков.

Изучив содержание «Доклада» и полностью поддержав основные его положения, комитет в 1959 г. представил президенту свои соображения и разработал ряд дополнительных рекомендаций. Одна из них, в частности, касалась деятельности добровольных обществ по пропаганде и распространению хинди, действовавших почти во всех концах Индии и существовавших обычно на пожертвования богатых меценатов либо общественных организаций.

Высоко оценив работу, сделанную добровольными организациями по распространению хинди в нехиндиязычных областях, комитет рекомендовал возложить всю ответственность за эту работу целиком на Центральное правительство, определив при этом, что основной его задачей должно стать «оказание финансовой и иной помощи и проведение необходимого контроля... с целью обеспечения координации деятельности различных организаций, а если необходимо, расширения и совершенствования их деятельности. Там, где подобных организаций не существует, правительство, несомненно, должно взять на себя ответственность по созданию таких организаций» [499, с. 23].

Крупнейшими и наиболее влиятельными из подобного рода организаций являются бенаресская «Нагари праচারини сабха» (НПС — «Общество пропаганды [графики] нагари», осн. в 1893 г.), аллахабадская «Хинди сахитья саммелан» (ХСС — Ассоциация литературы хинди», осн. в 1910 г.), мадрасская «Дакшин бхарат хинди праچار сабха» (ДПС — «Южноиндийское общество пропаганды хинди», осн. в 1918 г.) и вардхинский «Раштра-бхаша праچار самити» (РПС — «Комитет по пропаганде национального языка», осн. в 1936 г.), см. [101, с. 341—353]. В независимой Индии все эти организации были признаны учреждениями, имеющими общегосударственное значение, и им регулярно предоставлялись государственные субсидии.

Ныне на основе рекомендаций парламентского комитета правительство оказывает финансовую и иную помощь не только этим организациям, как было до конца 50-х годов, но и многим другим.

Рекомендации парламентского комитета явились мощным стимулом для расширения и углубления деятельности по распространению и популяризации хинди: укреплялась и расширялась сеть старых организаций, в нее включались общества, создававшиеся там, где прежде их не было либо их число было недостаточным: инфраструктура, созданная для распространения и популяризации хинди в Индии, расширяется и совершенствуется. В дополнение к тем организациям, которые существовали прежде, возникает целый ряд новых: на дравидийском Юге, в Кашмире, на Андаманских и Никобарских о-вах.

Хотя сеть этих обществ с годами расширялась, усложнялась и уплотнялась, однако до середины 60-х годов каждая такая организация существовала автономно и действовала самостоятельно, не объединяя и не согласуя своих усилий с другими организациями.

По мере роста численности этих организаций и усложнения осуществляемых ими функций все более ощутимой становилась потребность в координации их деятельности, направления их усилий в одно общее русло.

Для того чтобы удовлетворить эту становившуюся все более острой потребность, в 1964 г. между крупнейшими организациями по пропаганде хинди и Центральным правительством страны было достигнуто соглашение, согласно которому в Дели учреждался «Акхиль бхаратия хинди санстха сангх» («Всеиндийский союз организаций хинди») — организация, на которую возлагалась координация деятельности обществ, союзов, ассоциаций, занимающихся пропагандой хинди, укрепление связей между ними, выработка общей программы, форм и методов работы.

«Союз» действует в тесном контакте с правительственными органами, а его представители, являющиеся ведущими сотрудниками Центрального директората хинди в Дели и Центрального института хинди в Агре, включаются в состав различных комитетов и консультативных советов, создаваемых при министерствах для изучения языковых проблем [263, с. 300—301].

Как отмечают исследователи, организации, занимающиеся пропагандой и популяризацией хинди, непосредственно или через своих представителей оказывают решающее влияние на деятельность различных комитетов и комиссий, созданных правительством для разработки новой терминологии. Созданные ими терминологические словари, глоссарии и т.п., точно так же как и язык находящихся в руках правительства таких средств массовой информации, как Всеиндийское радио и «Дурдаршан» (телевидение), являются реальным воплощением лингвистического пуризма, проповедуемого этими организациями, прежде всего — руководством ХСС: хинди, представленный в правительственных публикациях и звучащий в эфире, последовательно очищаясь от всего чужеземного, насыщается санскритской лексикой.

Одновременно расширялась и укреплялась сеть государственных учреждений, связанных с развитием и распространением хинди. Так, в соответствии с рекомендациями того же парламентского комитета в 1960 г. в составе министерства образования создается Центральный директорат хинди (Кендрия хинди нидешалай), на который возлагается задача пропаганды и распространения хинди посредством публикации популярной лите-

ратуры на хинди и бесплатной ее реализации в нехиндиязычных штатах [154, с. 77].

В октябре 1961 г. учреждается Комиссия по научной и технической терминологии (вместо Совета по научной терминологии, созданного еще в 1950 г.), в задачу которой входило не только формулирование общих принципов развития терминологии и координация работы различных государственных учреждений в области терминотворчества, но и подготовка стандартных учебных пособий с применением новой терминологии, составление терминологических словарей и переводы научных изданий с иностранных языков на индийские, прежде всего на хинди [15, с. 146].

В том же, 1961 г. Центральное правительство берет в свои руки Центральный институт хинди (Central Institute of Hindi, или на хинди — Кендрия хинди санстхан), основанный в Агре в 1959 г.

В основе такой активности по развитию и распространению хинди лежал прежде всего временной фактор — приближение установленного Конституцией срока полного перехода с английского на хинди, и поборники «раштра-бхаша» (национальный язык) готовились торжествовать победу.

Однако по мере того как приближался зафиксированный в Конституции срок, становилась все более очевидной его нереальность. На основе оценки роли английского языка в языковую политику государства постепенно вносились существенные коррективы.

Начало этому процессу было положено в 1961 г., когда на конференции главных министров штатов было принято предложение правительства Индии о том, чтобы английский продолжал и дальше использоваться в качестве вспомогательного официального языка.

В 1963 г. парламент Индии принял Закон об официальном языке, согласно которому английский мог использоваться для официальных целей и после 1965 г., т.е. после срока, установленного Конституцией.

Вполне естественно поэтому, что попытка перевести все официальное делопроизводство с английского на хинди, предпринятая, как и предписывала Конституция, по истечении 15-летнего срока со дня ее введения, т.е. в январе 1965 г., вызвала взрыв возмущения во многих нехиндиязычных штатах, прежде всего на юге Индии. Возмущение вылилось в массовые демонстрации, беспорядки и акты насилия. Несколько человек в знак протеста против подобной меры совершили публичное самоожжение.

Все это заставило правительство отказаться от претворения в жизнь того, что было предписано Конституцией относительно

сроков перехода с английского на хинди, и, «вернувшись на исходные позиции», заняться разработкой альтернативных подходов к решению проблемы официального языка — решению, которое, не входя в противоречие со сложившейся практикой, в наибольшей степени учитывало бы интересы конфликтующих сторон. Такое решение было найдено двумя годами позже.

Учитывая настроения масс, индийское правительство в 1967 г. провело через парламент закон об официальных языках страны, согласно которому английский продолжает использоваться в качестве официального языка страны наряду с хинди до тех пор, пока все штаты Индии добровольно не примут хинди. В отношениях между штатами документы, составленные на хинди, должны сопровождаться переводом на английский язык. «Компромиссная формула, закрепленная законом 1967 года, положила конец той резкой полемике, которая велась в стране по этому вопросу», — пишет в этой связи один из индийских исследователей [413, с. 28].

Принятый индийским парламентом закон представляет собой реалистический способ ликвидации конфликта, возникшего на почве языка. Он является весьма конструктивным, ибо в нем были учтены как субъективный фактор, так и фактор объективный, т.е. и настроения масс в вопросах языка, и сама языковая ситуация в Индии, где около $\frac{1}{3}$ общего числа билингвов — кстати, составляющих более 13% населения страны [324, с. 24—25] — почти в равных долях (примерно по 2% от общей численности населения) в качестве второго языка называли английский или хинди [35, с. 74—75].

Думается, что в современных исторических условиях развития Индии, при существующем общественно-политическом строе, данное решение — а именно сохранение статус-кво, политика билингвизма в сфере официального языка — является эмпирически найденным *оптимальным решением*, правильность и конструктивность которого подтверждается всем ходом развития Индии последних трех десятилетий.

Предложения об отмене соответствующих «лингвистических» статей Конституции являются, вероятно, преждевременными, ибо подобные предложения не учитывают реальностей современной Индии, в том числе исторически сложившейся языковой ситуации и настроений индийской общественности, прежде всего элитарных ее слоев, определяющих языковую политику.

Надо сказать, что правящие круги Индии извлекли соответствующие уроки из событий второй половины 60-х годов, развернувшихся вокруг проблемы официального языка. Это проявилось прежде всего в том, что на смену «законодательному эмпиризму» (т.е. законодательной деятельности, в основу которой

кладется личный опыт, настроения и интуиция законодателей) приходит научно обоснованный подход, когда основу законодательной деятельности в языковой области составляют рекомендации экспертов — политологов, социологов, социолингвистов.

Показательно в этом плане, что именно в 60-е годы, т.е. в канун или сразу же после событий 1965 г., в Индии создается сеть институтов, которые, являясь научно-исследовательскими и научно-методическими центрами, одновременно осуществляют и консультативно-рекомендательную функцию, разрабатывая рекомендации для директивных органов по выработке и реализации языковой политики.

Таковыми научно-исследовательскими, научно-методическими и консультативно-рекомендательными органами являются уже упоминавшийся выше Центральный институт хинди, Центральный институт индийских языков — ЦИИЯз (Central Institute of Indian Languages), основанный в 1969 г. в Майсуре, и Центральный институт английского и иностранных языков (Central Institute of English and Foreign Languages), учрежденный в том же году в Хайдарабаде. По значимости из числа функций, осуществляемых названными институтами, в частности ЦИИЯзом, ведущей, по-видимому, является функция консультативно-рекомендательная — «помощь правительству Индии в разработке и реализации языковой политики и координации в области развития индийских языков» [313, с. 1].

В соответствии с этим на институт возлагается ответственность за проведение лингвистических исследований по индийским языкам, их функционированию и методике их преподавания. При этом особый акцент делается на то, чтобы решение возникающих проблем было подчинено задачам и целям национальной интеграции.

Политика сохранения статус-кво в сфере официальных языков не означает, однако, что правительство не уделяет должного внимания развитию и распространению хинди. Наоборот, этому вопросу уделяется внимание гораздо большее, чем прежде, и хинди ныне находит применение не только в системе просвещения, где он преподается как второй обязательный язык почти во всех школах страны, и не только в средствах массовой информации, где его доля становится все более весомой, но уже и в официальном делопроизводстве, причем наиболее ощутимо — в штатах хиндиязычного ареала. И это вполне понятно, так как здесь языковая политика с самого начала отличалась четкой однозначностью и конъюнктурным колебаниям не подвергалась, поскольку для этого, помимо традиций употребления хинди и настроений населения данного ареала, была создана и прочная юридическая основа, ибо Конституцией (ст. 345) предусматрива-

лось, что «Легислатура Штата может законом принять любой или любые из языков, употребляемых в штате, или язык хинди в качестве языка или языков, которые должны применяться для всех или для какой-либо из официальных целей Штата» [51, с. 232]. Поэтому сразу же после введения Конституции законодательные собрания штатов данного ареала, словно боясь опоздать, начинают принимать соответствующие законодательные акты, утверждавшие за хинди статус официального языка: в 1950 г. хинди был провозглашен официальным языком штата Бихар; в 1951 г. аналогичный закон был принят законодательным собранием штата Уттар Прадеш; в 1952 г. их примеру последовали Раджастхан и Химачал Прадеш. Вслед за введением Конституции законодательные собрания штатов, входящих в ареал хинди, считали своим долгом принять соответствующий акт, закрепляющий за хинди статус официального языка данного штата.

Одновременно, в полном соответствии с духом и буквой Конституции (ст. 346), между правительствами ряда штатов — как входящих в данный ареал, так и сопредельных — были заключены соглашения об использовании хинди в официальной переписке между ними [502, с. 442—446].

Законы о провозглашении хинди в качестве официального языка были приняты и в тех штатах, которые возникли позже в результате проводившихся реорганизаций: Мадхья Прадеш, Харьяна и Химачал Прадеш.

В штате Мадхья Прадеш, который существовал до реорганизации штатов 1956 г., в качестве официальных в 1950 г. были приняты два языка: хинди и маратхи, поскольку наряду с хиндиязычными областями в него входил ряд областей, населенных маратхами [502, с. 443].

После реорганизации штатов и создания Мадхья Прадеш в новых его границах официальным языком штата по закону 1957 г. был объявлен хинди [339, с. 237].

Официальным языком Харьяны хинди стал в 1969 г. — лишь на третий год после создания данного штата [339, с. 248], а в Химачал Прадеше — уже как полноправном штате — хинди получил статус официального языка лишь в 1975 г. [339, с. 246] (см. табл. 16).

Вслед за принятием Конституции, подчас даже не дожидаясь законодательного оформления на уровне штата, поборники хинди развернули бурную деятельность по утверждению и распространению хинди. Языковая политика, выработанная законодателями независимой Индии, начала претворяться в жизнь.

Инициатором выступил известный протагонист хинди Равишанкар Шукла (1877—1956), занимавший в то время пост глав-

ного министра штата Мадхья Прадеш. В начале января 1950 г. по инициативе Равишанкара Шуклы в Нагпуре был созван Всеиндийский симпозиум по координации усилий, предпринимаемых различными штатами с целью унификации хинди [154, с. 76].

В мае того же года главный министр Бомбея, известный поборник хинди Бальгангадхар Кхер, учредил специальный «Хинди шикша самити» («Комитет по делам преподавания хинди») для выработки рекомендаций по расширению преподавания хинди в школах этого штата [154, с. 76].

В ноябре 1953 г. по инициативе главного министра Уттар Прадеша — этот пост в те годы занимал Говинд Валлабх Пант (1887—1961) — в столице штата Лакхнау была созвана Всеиндийская конференция по реформе графики деванагари, в работе которой приняли участие ведущие языковеды страны, деятели просвещения, а также главные министры сопредельных штатов [154, с. 76].

С целью унификации графики деванагари на территории всей Индии в августе 1959 г. министерство образования Центрального правительства проводит конференцию министров образования штатов [154, с. 76].

Наряду с этими мероприятиями в каждом штате создается специальный департамент национального языка — для выработки рекомендаций по распространению хинди и удовлетворения потребностей, возникающих в ходе его использования в официальном делопроизводстве [154, с. 76].

Законодательные акты, провозглашающие хинди официальным языком штатов, входящих в ареал хинди, вызвали своеобразную цепную реакцию по всей Индии: каждый штат, в какой бы лингвистической зоне он ни находился, стремился придать статус официального основному языку, распространенному на его территории.

«Пионером» в этой области выступила Орисса, где в 1954 г. язык ория специальным законом был провозглашен в качестве официального языка данного штата [502, с. 443—446].

Два года спустя примеру Ориссы последовал Мадрас (ныне Тамилнад): в 1957 г. официальным языком штата был объявлен тамил.

В 1960 г. законодательное собрание Ассамы приняло Закон об официальном языке [штата] Ассам, согласно которому официальным языком штата объявлялся ассам.

В 1963 г. аналогичный закон был принят в штате Карнатака, где официальным языком штата провозглашался каннада.

В следующем, 1964 г. Закон об официальном языке принимает законодательное собрание Махараштры: согласно закону в качестве официального языка штата был принят маратхи.

**Законодательные акты об официальном языке
в штатах хиндиязычного ареала, см. [339, с. 232—250]**

Штаты/союзная территория	Официальный язык	Год принятия закона	Примечания
Штаты			
Уттар Прадеш	хинди	1951	1) Правит. декрет о хинди как офиц. языке штата относится к 8.10.1949 г. 2) В 1950 г. был принят Закон о языке законопроектов и законодательных актов
Бихар	хинди	1950	Правит. декрет о хинди как офиц. языке штата был опубликован в 1948 г.
Мадхья Прадеш	хинди	1950	До реорганизации штатов в 1956 г.
	маратхи		
	хинди	1957	После реорганизации штатов в 1956 г.
Раджастан	хинди	1952	До реорганизации штатов
	хинди	1956	После реорганизации штатов
Харьяна	хинди	1969	
Химачал Прадеш	хинди	1975	Правительственное распоряжение о хинди как офиц. языке было опубликовано в 1965 г.
Союзная территория			
Дели	хинди	1968	

Телугу получил статус официального языка штата Андхра Прадеш в 1966 г., хотя его употребление в тот период было ограничено лишь некоторыми департаментами на уровне талуки (волости), и в дополнение к телугу в определенных местностях было разрешено использование урду.

Одним из последних в южной зоне обзавелась таким законом Керала: закон, согласно которому официальным языком штата объявлялся малаялам, был принят законодательным собранием Кералы лишь в 1969 г. [339, с. 152].

В те же годы бенгальский был провозглашен официальным языком штата Западная Бенгалия, гуджарати — официальным языком штата Гуджарат (наряду с хинди) и т.д.

Однако какой бы язык ни получил статус официального языка того или иного штата, ведущее место в официальном деле-

производстве по-прежнему занимает английский, в результате чего в большинстве штатов отмечается значительное расхождение между тем языком, который законодательно провозглашен в качестве официального, и тем языком (или языками), который реально используется в официальном делопроизводстве.

Кроме того, следует иметь в виду, что местные языки далеко не во всех штатах Индии получили статус официального. К примеру, в большинстве штатов северо-востока, возникших в конце 60-х годов, в 70-е и 80-е годы, вследствие многоязычного состава населения и невозможности — во избежание серьезных осложнений — отдать приоритет одному из местных языков, официальным языком был провозглашен английский (см. табл. 17).

Таблица 17

Официальные языки штатов
и союзных территорий Индии, 1976 г.*

Штаты/ союзные территории	Официальный язык	
	провозглашенный	практически используемый
Штаты		
1. Андхра Прадеш	телугу, урду	английский, телугу, урду, хинди
2. Ассам	ассаами, бенгали	английский, ассаами, бенгали, хинди
3. Бихар	хинди	английский, хинди
4. Гуджарат	гуджарати, хинди	английский, гуджарати, хинди
5. Джамму и Кашмир	асан (простой) урду	английский, асан урду, урду
6. Западная Бенгалия	бенгали	английский, бенгали, непали
7. Карнатака	каннада	английский, каннада
8. Керала	малаялам	английский, малаялам
9. Мадхья Прадеш	хинди, маратхи	английский, хинди
10. Манипур	английский	английский
11. Махараштра	маратхи	английский, маратхи, хинди
12. Мегхалая	английский	английский
13. Нагале́нд	английский	английский, нагами
14. Орисса	ория	английский, ория
15. Пенджаб	панджаби	английский, панджаби
16. Раджа́стхан	хинди	английский, хинди
17. Сикким	английский	английский, непали, тибетский

* Таблица взята из [324, с. 240 — 241].

Штаты/ союзные территории	Официальный язык	
	провозглашенный	практически используемый
18. Тамилнад	тамили	английский, тамили
19. Трипура	английский	английский, бенгали, три- пури
20. Уттар Прадеш	хинди	английский, хинди
21. Харьяна	хинди	английский, хинди
22. Химачал Прадеш	хинди	английский, хинди
Союзные территории		
1. Андамские и Нико- барские о-ва	английский, хинди	английский, хинди
2. Аруначал Прадеш	английский	английский
3. Гоа, Даман и Диу	английский	английский, маратхи, кон- кани, гуджарати
4. Дадра и Нагархавели	английский	английский, гуджарати
5. Дели	хинди	английский, хинди
6. Лакшадвип	английский, хинди	английский, малаялам
7. Мизорам	английский	английский, мизо
8. Пондишери	английский	английский
9. Чандигарх	английский	английский

Более того, предпринимаются попытки добиться для хинди статуса «мирового языка», т.е. рабочего языка Организации Объединенных Наций наряду с английским, русским, китайским и рядом других. Этой цели служат регулярно созываемые «Вишва хинди саммелан» (ВХС — «Всемирные конференции хинди»). Состоялись уже три такие конференции: I — в 1975 г. (Нагпур, Индия), II — в 1976 г. (государство Маврикий), III — в 1983 г. (Дели). На всех трех конференциях требование признать хинди рабочим языком ООН являлось основным. Однако, как сказал тогдашний премьер-министр Индии г-н Раджив Ганди, «если хинди намерен занять место среди мировых языков, он должен постоянно обогащать свой словарь непрерывно пополняющейся научной и технической терминологией» [The Times of India. 14.02.1989] — т.е., иными словами, прежде чем выдвигать подобное требование, хинди должен стать высокоразвитым, полифункциональным литературным языком, способным обслуживать все жизненно важные сферы общения, для чего ему необходимо располагать общепринятыми, разветвленными и вместе с тем строго дифференцированными терминологическими системами, которые окажутся в состоянии отразить все многообразие понятий нашего динамичного ракетно-ядерного века.

Урду как объект языковой политики в независимой Индии

Предоставив хинди в графике деванагари высокий статус официального языка страны, для урду Конституция отводила место лишь в Приложении VIII, содержащем перечень 14 (ныне — 18) основных языков страны.

За годы существования независимой Индии «место под солнцем» нашлось для урду лишь в Джамму и Кашмире, где урду был принят в качестве официального языка этого штата, а также частично — в штате Андхра Прадеш, где по закону 1966 г. наряду с официальным языком штата — телугу в отдельных местностях разрешалось использовать урду, в Бихаре и Уттар Прадеше, где урду получил статус второго официального языка (в Бихаре, кстати, это произошло на рубеже, а в Уттар Прадеше — и того позже, на исходе 80-х годов).

Бурная активность поборников хинди — законодательные акты, придававшие хинди статус официального языка в соответствующих штатах и нередко сопровождавшиеся жаркими дискуссиями, конференции, симпозиумы, комиссии и комитеты по проблемам хинди как официального языка — все это весьма болезненно воспринималось сторонниками урду. Выступления лидеров движения за утверждение хинди как единственного официального языка страны расценивались поборниками урду как начало дискриминации их языка.

Под влиянием законодательных актов, средств массовой информации и деятельности добровольных обществ по пропаганде хинди в независимой Индии идет процесс все большей дифференциации двух литературных форм, проявляющийся не столько в лингвистической сфере, сколько в области социальной психологии: говорящие на кхари боли четко, без колебаний относят себя к носителям либо хинди, либо урду.

В чем же заключается причина того, что люди, говорящие практически на одном языке, относят себя к различным лингвистическим общностям?

Этот вопрос интересовал и специальную комиссию, созданную в 1961 г. в штате Уттар Прадеш, в задачу которой входило изучение эффективности гарантий, предоставленных урду, и выяснение факторов, которые позволяли бы урду занять надлежащее место в культурной жизни штата. В состав комитета вошли ведущие деятели организаций и ассоциаций по пропаганде как урду, так и хинди. Возглавлял комиссию генеральный секретарь «Сахитья Академи» («Литературной академии») Крипалани, в прошлом связанный с ХПС.

Изучив положение урду и не найдя подтверждения выдвигавшимся в адрес правительства штата обвинениям в дискриминации урду, комиссия констатировала, что трудности, которые испытывают говорящие на урду, возникают не только как результат отсутствия должной реализации политики, но и — главным образом — как результат *неадекватной установки в психологическом подходе говорящих на хинди и на урду*.

Касаясь причин противоречий между хинди и урду, Дасгупта пишет: «Языковой конфликт в штате Уттар Прадеш в значительной своей части подогревается воспоминаниями о прошлом, которые по наследству передаются индусской и мусульманской общинам деятелями культуры и политическими лидерами» [331, с. 150].

Из этого следует важный вывод о том, что противоречие между хинди и урду по преимуществу представляет собой *факт социальной психологии* населения данного ареала, которая несет на себе заметный отпечаток средневековых идей и представлений: между носителями хинди и урду стоит социально-психологический барьер, фундамент которого закладывался еще в эпоху средневековья.

Однако дело не только в социальной психологии, но и в материальных условиях жизни тех, кто получил образование на урду, избрав его, таким образом, в качестве основного, а подчас и единственного средства устной и письменной коммуникации.

«Проблема безработицы (среди выпускников индийских вузов. — В.Ч.) приняла пугающие размеры, — пишет один из индийских исследователей вузовской системы страны, — и каждый год на биржах труда регистрируются новые тысячи безработных с университетскими дипломами» [351, с. 52]. Так, к началу 1971 г. численность безработных с вузовским дипломом достигала почти 820 тыс. человек, причем большую часть из них (свыше 520 тыс.) составили выпускники гуманитарных вузов или факультетов [351, с. 52].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что для тех, кто оканчивает вуз на урду, языковой вопрос перерастает в жгучую экономическую проблему — в подлинном смысле «проблему хлеба насущного».

Удовлетворяя требования основной массы сторонников урду, касавшиеся использования урду в школе и в средствах массовой информации, а также при обращении в государственные учреждения, меры индийского правительства не решают основной проблемы, имеющей важное значение для интеллигенции, особенно молодежи, оканчивающей университеты и колледжи: со своим знанием урду выпускники вузов не могут устроиться на государственную службу, где делопроизводство ведется на хин-

ди. Проблема признания урду в качестве официального языка штата — это, следовательно, проблема трудоустройства тысяч выпускников колледжей и университетов, среди которых, как было показано выше, процент безработных пока еще остается весьма высоким.

Поэтому, выражая настроение поборников урду, «Анджуман-е таракки-е урду» (АТУ — «Общество развития урду») развернуло в 1951 г. широкую кампанию за признание урду в качестве второго официального языка штата Уттар Прадеш [331, с. 142—144].

По инициативе АТУ 25 августа 1957 г. во многих городах штата Уттар Прадеш отмечался День урду. На собраниях и митингах принимались подготовленные АТУ резолюции с требованием признать урду вторым официальным языком штата. Решения и петиции направлялись правительству штата Уттар Прадеш [488, с. 41].

Надо сказать, что в Конституции (ст. 350) было предусмотрено, что «каждое лицо вправе подать жалобу о нарушении его прав любому должностному лицу или власти Союза или Штата на любом языке, употребляемом в Союзе или в Штате соответственно» [51, с. 234]. Однако каждая такая жалоба как бы повисала в воздухе, ибо не был создан соответствующий механизм, занимающийся приемом, рассмотрением и анализом жалоб и заявлений отдельного лица или группы лиц об ущемлении их прав. И такой механизм был создан. Поскольку большинство таких жалоб касалось ущемления прав национальных (в индийской официальной терминологии — «лингвистических») меньшинств в области языка, то как ответ на требование, поставленное самой жизнью, в Конституцию страны в 1956 г. специальным актом была включена ст. 350 Б, которой учреждается специальный «механизм», призванный следить за соблюдением конституционных гарантий, предоставленных лингвистическим меньшинствам.

«1. Президентом назначается специальное должностное лицо для ведения дел лингвистических меньшинств.

2. Обязанностью специального должностного лица является рассмотрение всех дел, относящихся к гарантиям, данным лингвистическим меньшинствам на основании настоящей Конституции, и представление доклада президенту относительно этих дел через такие промежутки времени, которые президент может определить; президент отдает распоряжение о передаче всех упомянутых докладов в обе палаты парламента и о направлении их правительствам соответствующих штатов» (цит. по [19, с. 147]).

В соответствии со ст. 350 Б Конституции, в составе министерства внутренних дел в июле 1957 г. был создан специальный

отдел во главе с комиссаром по делам лингвистических меньшинств (к числу которых отнесен и урду). Чиновники этого отдела обследуют состояние дел на местах, и в конце года (ежегодно) комиссар представляет президенту доклад относительно дел, касающихся лингвистических меньшинств [448, с. 3].

В ноябре того же года делегация, в которую входили ученые и общественные деятели — представители мусульманской общины, посетила комиссара по делам лингвистических меньшинств и изложила ему требования сторонников урду [448, с. 41].

В апреле 1958 г. группа руководящих деятелей АТУ встретилась с президентом Индии. Во время встречи президенту была вручена памятная записка, содержащая настоятельную просьбу — в соответствии со ст. 347 Конституции отдать правительствам штатов Уттар Прадеш, Бихар, Панджаб и столичного округа Дели директиву о признании урду в качестве второго официального языка и о беспрепятственном его использовании в просвещении, в судах и других учреждениях.

Рассмотрев требования защитников урду, правительство Индии поручило министерству внутренних дел подготовить соответствующий документ.

14 июня 1958 г. министерство внутренних дел обнародовало заявление для печати.

Признавая, что «урду и хинди связаны очень тесно и могут рассматриваться в основном как один язык», заявление вместе с тем отмечает, что «урду имеет определенные специфические черты... и отличается от хинди не только принятой в литературе манерой выражения, но в определенной степени и своим лексическим составом» [488, с. 138].

Признавая, что «урду сложился в Индии» и что «в основном это язык нашей страны и его родина — Индия», заявление тем самым отбрасывало как необоснованные и вздорные обвинения, выдвигавшиеся наиболее яркими протагонистами хинди, в том, что урду — не индийский язык. «Официально и в соответствии с Конституцией, — говорилось далее в заявлении, — урду признан в качестве одного из наших национальных языков, и различные законоположения, которые применяются к этим языкам, должны также применяться и к урду» [488, с. 138].

Отмечая, что урду широко распространен в Северной Индии, особенно в Дели, Панджабе, Уттар Прадеше и Бихаре, заявление указывало, что должны быть обеспечены благоприятные условия для использования урду в системе обучения, а также в деятельности госаппарата [488, с. 138].

АТУ приветствовала заявление правительства как важный политический документ, в основном удовлетворяющий требования сторонников урду [488, с. 42].

Правительство штата Уттар Прадеш в коммюнике, опубликованном 20 июля 1958 г., также полностью приняло и одобрило заявление Центрального правительства [488, с. 42].

Тем самым было удовлетворено требование основной массы сторонников урду, касающееся прежде всего использования урду как языка обучения. Была расширена сеть школ и классов с преподаванием урду, в результате чего увеличилось число детей, обучающихся на урду или изучающих его как один из предметов программы. Так, за восемь лет (с 1955 по 1963 г.) число учащихся начальной школы в штате Уттар Прадеш увеличилось вдвое: с 77,7 тыс. человек в 1955/56 учебном году до 159,7 тыс. в 1963/64 учебном году; в средних школах того же штата — в 6,5 раза, соответственно с 5,4 до 33,2 тыс. человек [100, с. 40—43].

Однако, несмотря на меры, предпринятые правительством Индии, положение урду с середины и особенно к исходу 60-х годов стало заметно ухудшаться. Показателен в этом плане вывод, содержащийся в докладе комиссии по вопросам образования, которую возглавил известный общественный деятель, бывший посол Индии в Советском Союзе г-н Гуджрал (так называемой комиссии Гуджрала). В этом докладе, подготовленном в 1975 г., в частности, говорится: «Оставляет желать лучшего соблюдение гарантий, предусмотренных (Конституцией. — В.Ч.) для осуществления на урду начального образования» [Indian Express. 14.03.1979].

В результате число обучающихся на урду, а главное — преподавателей урду стало стремительно сокращаться. В том же докладе комиссии Гуджрала приведены весьма выразительные данные по штату Уттар Прадеш: если в 1959/60 учебном году в школах штата работало 30 тыс. преподавателей урду, то спустя 10 лет, в 1970/71 учебном году, их число сократилось до 5 тыс. человек. «Трудно поверить, — говорится в докладе, — чтобы за одно десятилетие на пенсию вышло 25 тыс. человек. Возможное объяснение заключается в том, что большинство из них было переведено на преподавание других предметов» [Indian Express. 04.03.1979].

В первом квартале 1985 г. в школах одного лишь штата Уттар Прадеш не хватало около 5 тыс. преподавателей урду. На открывавшиеся вакансии едва удалось набрать половину, да и то за счет значительного снижения требований к претендентам [Джан-юг. 15.04.1985].

В результате количество школ на урду составляет незначительный процент общего их числа в данном ареале. Языком обучения в основной массе школ здесь является хинди (см. табл. 18).

Количество школ с обучением на хинди
и на урду в хиндиязычном ареале,
1973 г., см. [285, с. 80—91]

Школы Штаты/ союзная территория	Начальные	Неполные средние	Средние	Высшие средние
Уттар Прадеш				
на хинди	64 511	14 651	4 138	2 294
на урду	1 106	20	2	10
Бихар				
на хинди	57 987	9 818	2 628	—
на урду	2 936	363	243	—
Мадхья Прадеш				
на хинди	5 180	9 033	—	1 993
на урду	146	64	—	44
Раджастан				
на хинди	24 626	6 050	1 369	539
на урду	44	—	—	—
Харьяна				
на хинди	6 952	1 890	1 024	105
на урду	—	—	—	—
Химачал Прадеш				
на хинди	5 222	1 084	510	103
на урду	—	—	—	—
Дели				
на хинди	1 578	850	—	497
на урду	28	14	5	—

Эти данные, характеризуя положение урду в системе народного просвещения хиндиязычных штатов, вместе с тем являются косвенным свидетельством возрастания роли хинди в этой жизненно важной для любого языка сфере функционирования — сфере, от которой зависит не только его настоящее, но в значительной степени и будущее.

Тенденция к возрастанию роли хинди и соответственно уменьшению роли урду отмечается и в прессе. Если проследить развитие прессы на хинди и на урду в последние четыре десятилетия, то преобладание периодических изданий на хинди будет видно еще нагляднее. Это можно, в частности, проследить на примере индийской столицы. Положение Дели как одного из центров развития урду кардинально изменилось после завоева-

ния Индией независимости. Из литературно-лингвистической окраины хинди, какой город оставался в период колониального господства, Дели все более превращается в крупнейший центр развития этого языка. Здесь выходит значительное число периодических изданий на хинди, функционируют многочисленные издательства, действуют лексикографические и лингвистические комитеты и организации хинди и т.п. По количеству и тиражам периодических изданий на хинди этот город давно уже обогнал Бенарес и любой другой город хиндиязычного ареала. Так, в 1970 г. в Дели издавалось лишь 94 газеты на урду с тиражом около полумиллиона экземпляров и почти вдвое больше — 169 газет на хинди, суммарный тираж которых приближался к полутора миллионам экземпляров [478, с. 354]. В прошлом одна из главных цитаделей урду — Дели — ныне все более превращается в основной оплот хинди: периодические издания хинди значительно превосходят прессу на урду и по количеству названий (почти в два раза), и по числу подписчиков (почти в три раза).

О той же тенденции свидетельствуют и данные индийского кино.

В условиях независимой Индии «лингвистическое размежевание» между хинди и урду коснулось и кино, и результаты этого процесса были явно не в пользу урду. Так, из 108 фильмов, созданных индийской кинопромышленностью в 1961 г. на базе кхари боли, основная масса, а именно — 98, по насыщенности специфичной лексикой квалифицировалась как фильмы на хинди и лишь 10 — как фильмы на урду [381, с. 153].

Положение усугубилось в последующие десятилетия: в 1971 г. из 433 картин, созданных индийским кинематографом, на хинди было снято 115, на урду — только 4; в 1981 г. из 737 лент, снятых на различных студиях страны, на хинди значилось 153, на урду — ни одной. Ненамного изменилась ситуация и в 1982 г.: из 763 полнометражных фильмов на хинди было создано 148, на урду — всего лишь 7 [383, с. 158].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что движение за признание урду в качестве второго официального языка продолжается. Требование предоставить урду статус второго официального языка неизменно звучит на конференциях и симпозиумах по проблемам языка и литературы урду, повторяется на страницах газет и с высокой парламентской трибуны, вновь и вновь излагается в петициях, направляемых президенту, и во время встреч с официальными лицами, тем более что кампания за предоставление урду статуса второго официального языка, то затихая, то вновь набирая силу, продолжалась и в 60-е, и в 70-е годы. Писатели, ученые, политики, общественные деятели, работники просвещения вели последовательную борьбу за то,

чтобы урду получил официальный статус, соответствующий роли и значению этого языка в общественной жизни страны.

Так, Всеиндийская конференция писателей урду-немусульман, состоявшаяся в столице штата Уттар Прадеш — городе Лакхнау в начале ноября 1973 г., приняла резолюцию, которая содержала требование о признании урду в качестве второго официального языка во всех штатах хиндиязычного ареала [The Times of India. 12.11.1973].

Вторая Всеиндийская конференция издателей на урду, проходившая в Лакхнау в том же месяце, потребовала от правительства Индии провозгласить урду в качестве второго официального языка в десяти штатах Индии, в число которых, по мнению участников конференции, должны были входить кроме хиндиязычного ареала такие штаты, как Панджаб, Западная Бенгалия, Карнатака и Андхра Прадеш [Indian Express. 21.11.1973].

Аналогичная резолюция была принята и на Всеиндийской конференции академий урду, состоявшейся в ноябре 1976 г. в Лакхнау. Участники конференции рекомендовали предоставить урду статус второго официального языка уже не в десяти, а в двенадцати штатах страны, к числу которых наряду с перечисленными выше были отнесены также Махараштра и Гуджарат [Джан-юг. 10.11.1976].

Проблема урду как одна из составляющих общедемократической проблемы решения языкового вопроса в стране волнует не только тех, кто считает урду неотъемлемой частью своего социального бытия, — она находит живой отклик и поддержку и со стороны прогрессивно настроенной писательской общественности хинди. Так, в защиту урду неоднократно высказывалось руководство Национальной федерации прогрессивных писателей Индии, созданной в 1975 г. [Джан-юг. 27.02, 05.03.1978; 08.10.1989].

Требование о предоставлении урду статуса второго официального языка штата Уттар Прадеш единодушно поддержали писатели хинди — участники III национальной конференции «Джанвади лекхак сангх» («Союз писателей-демократов»), которая состоялась во второй половине сентября 1987 г. в Бхопале [The Statesman. 24.09.1987].

Внимание общественности страны вновь было обращено к проблеме урду в ноябре 1977 г. Это сделал депутат от КПИ в верхней палате — Совете штатов (Раджья сабха) индийского парламента. Критикуя политику правительства Джаната партии в отношении урду, представитель КПИ поддержал требование о провозглашении урду вторым официальным языком в Уттар Прадеш и некоторых других штатах — там, где носители урду составляют более 10% населения [New Age. 27.11.1977].

Главное же внимание в своей речи представитель КПИ обратил на ту роль, которую должен играть урду в системе образования: он заявил, что населению, говорящему на урду, должна быть обеспечена возможность получать образование — от элементарного до высшего — на родном языке, точно так же, как и обращаться на урду во все административные органы [New Age. 27.11.1977].

Конечно, в тот период — в конце 70-х годов, когда к власти пришла Джаната парти, со стороны официальных лиц, вплоть до министра образования и премьер-министра, не было недостатка в заявлениях о необходимости развивать урду наряду с другими основными языками страны [Джан-юг. 25.03, 08.09.1978], однако содержанием реальной языковой политики тех лет оставалось всемерное поощрение хинди, которому отводилась роль единственного языка во всех сферах жизни страны, прежде всего — в хиндиязычном ареале.

В связи с этим острой критике со стороны демократических сил Индии подвергалась официальная языковая политика, краеугольным камнем которой является стремление утвердить хинди в качестве единственного официального языка страны. Так, касаясь в этой связи положения урду, центральный орган КПИ газета «Джан-юг» писала: «Вопрос защиты урду — это общегосударственный вопрос, а проблема развития урду — проблема общедемократическая» и, развивая мысль, продолжала: «Урду должно быть отведено достойное место в культурной жизни страны, что вдохновит носителей урду и позволит им внести весомый вклад в прогресс страны...» [209; Джан-юг. 17.09.1978].

Линия на утверждение хинди в качестве единственного официального языка страны, по мнению еженедельника «Пиплз демокраси» — органа КПИ(м), представляет собой взрывоопасный фактор и является серьезным препятствием на пути достижения единства Индии, что проявляется, в частности, на примере урду [People's Democracy. Calcutta. 13.08.1978].

Внимание общественности вновь было привлечено к проблеме урду после того, как был опубликован доклад «комиссии Гуджрала». Подготовленный в 1975 г., доклад тут же был засекречен и стал доступен общественности лишь четыре года спустя — в 1979 г.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что проблема урду заняла заметное место в предвыборных манифестах всех основных политических партий страны накануне выборов 1980 г.

Устремлениям поборников урду в наибольшей степени могла импонировать позиция партии ИНК(И). Как партия, имеющая большой политический опыт, в том числе и по проблеме урду, ИНК(И) включил в свой предвыборный манифест все основные

моменты, касающиеся урду: его положения в общественной жизни, в системе образования, в деятельности государственного аппарата. По существу, ИНК(И) перехватил все основные лозунги, выдвигавшиеся левыми партиями. Придавая особое значение голосам мусульманского населения, ИНК(И) высказался в манифесте таким образом:

«...языку урду будет обеспечен законный статус в соответствии с его исторической, социальной и литературной значимостью. Как уже неоднократно заявлял Конгресс, урду будет признан в некоторых штатах вторым языком для использования в официальных целях. Наша партия будет и впредь предпринимать все возможные меры для защиты, сохранения и развития этого великого языка посредством обеспечения благоприятных условий для преподавания урду на всех ступенях обучения».

Победу на выборах одержала партия ИНК(И), и вопросы реализации языковой политики вновь перешли в ее руки.

Важной вехой в истории взаимоотношений между хинди и урду является 1980 год: в этом году правительство Бихара провозгласило урду в качестве второго официального языка в шести дистриктах штата, в которых значительную долю (свыше 10%) населения составляют те, кто считает урду своим родным языком [Джан-юг. 12.08.1980].

Законодательное признание урду в качестве второго официального языка штата Бихар вызвало обострение борьбы вокруг проблемы урду. Протагонисты хинди как в самом Бихаре, так и за его пределами выступили с яростными нападками на этот шаг правительства штата. В Бихаре против него была развернута кампания протеста.

«Бихар хинди сахитья саммелан» («Бихарская конференция литературы хинди») потребовала от правительства отменить это решение, мотивируя свое требование тем, что предпринятый акт не только нанесет ущерб «раджбхаша» («государственному языку») — хинди, но и может стать первым шагом к расчленению штата [Джан-юг. 13.04.1981].

Бывший министр иностранных дел в правительстве Джаната парти, президент партии Аталь Бихари Ваджпай назвал признание урду «ошибкой», заявив в заключение, что правительству штата Уттар Прадеш ни в коем случае не следует ее повторять [Джан-юг. 09.01.1981].

Прогрессивная общественность страны, наоборот, выступила в поддержку этого решения. Секретариат бихарской организации КПИ осудил кампанию против урду, расценив ее как маневры реакционных сил, направленные на разжигание религиозно-общинной розни и подрыв тем самым демократических основ индийского общества [Джан-юг. 15.12.1980].

Главный министр штата Бихар, отвечая на нападки, заявил, что решение о признании урду вторым официальным языком штата является окончательным и о его пересмотре не может быть речи [Джан-юг. 21.04.1981].

Совершенно иное отношение к урду сложилось в штате Уттар Прадеш, где позиция правящих кругов по этому вопросу с самого начала была жесткой и бескомпромиссной.

Несмотря на неоднократные заявления официальных лиц, в том числе главного министра штата, несмотря на единогласно принятое совместное решение штатовского комитета партии ИНК(И) и группы членов парламента от Уттар Прадеша, содержащее соответствующие директивы правительству штата, сторонникам урду еще долго пришлось вести борьбу за предоставление урду статуса второго официального языка. В начале 80-х годов противодействие этому шагу в решающей мере зависело от сугубо негативной позиции сил, противостоявших урду, в частности такой организации, как аллахабадская ХСС и специально созданный в этот период «Сангхарш самити» («Комитет борьбы») [New Age. 14.02.1982].

Борьба за право урду обрести статус второго официального языка штата Уттар Прадеш не ограничивалась лишь протестами, а подчас принимала более серьезные формы. Так, в конце июля 1967 г. один из поэтов урду — Мохаммад Ахмад Адиб — провел в Лакхнау публичную голодовку с целью добиться признания урду в качестве второго официального языка штата Уттар Прадеш [Patriot. 01.08.1967].

В том же, 1967 г., когда сторонники урду развернули кампанию за его признание в качестве второго официального языка не только в этом штате, но и в соседнем Бихаре, в городе Ранчи (Бихар) произошли ожесточенные столкновения, вылившиеся в массовые погромы и резню, которые привели к многочисленным человеческим жертвам [331, с. 149].

Правительству штата Уттар Прадеш в то время пришлось все-таки пойти на определенные уступки сторонникам урду: так, с 1968 г. официальные материалы стали регулярно публиковаться в правительственном вестнике не только на хинди, но и на урду [Patriot. 09.10.1989].

Более того, с 1982 г., в соответствии с ежегодно пролонгируемым постановлением правительства Уттар Прадеша, урду находил применение и в официальном делопроизводстве штата наряду с хинди и английским, что, естественно, не могло не вызвать крайне болезненную реакцию со стороны ХСС, которая, усмотрев в этом нарушение законности, обратилась в высший суд штата с петицией об отмене подобной процедуры, не предусмотренной, по их мнению, Конституцией страны. Рассмотрев

жалобу ХСС, высший суд штата удовлетворил ее и признал подобную процедуру незаконной.

Правительству штата ничего не оставалось более, как обратиться с апелляцией в Верховный суд страны, который, однако, не нашел оснований для отмены решения суда низшей инстанции и в удовлетворении иска отказал.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что борьба за предоставление урду статуса второго официального языка продолжалась и в 80-е годы. Проблема урду продолжала волновать общественность страны. Требование о признании урду по-прежнему звучало на страницах газет, в резолюциях различных организаций урду, в выступлениях писателей и политических деятелей [New Age. 18.04.1982, 21.07.1985; Джан-юг. 16.04.1984]. Оно по-прежнему оставалось в повестке дня политических партий, всплывая всякий раз в канун всеобщих выборов; так было и в 1980 г., и в 1985 г. [The Economic Times. 03.10.1989].

Той же цели служили и Всемирные конференции урду, время от времени созываемые в индийской столице, в частности II Всемирная конференция урду, проходившая в Дели в феврале 1989 г. [The Times of India. 11.02, 12.02.1989].

Приветствуя гостей, прибывших из разных стран, представитель правительства выразил надежду, что урду — язык, родившийся и взращенный в Индии, займет наконец достойное место во всех штатах страны, — заявление, для реализации которого требуется не только желание «урдуданов», но и политическая воля правительств штатов.

В качестве шага навстречу требованиям сторонников урду, который должен был смягчить негативную реакцию на постановление суда, было решение правительства штата Уттар Прадеш о создании директората урду, чему в определенной мере способствовали также события, происшедшие в других штатах, а именно — создание директората урду в штате Карнатака и соглашение по вопросу об урду, достигнутое между правительством и урдуязычным населением штата Андхра Прадеш [The Statesman. 29.08.1989].

К решению проблемы урду как второго официального языка Уттар Прадеша правительство штата приступило лишь в сентябре 1989 г., в канун всеобщих выборов, назначенных на вторую половину ноября. Хотя ни у кого уже не вызвало сомнения, что «урду — такое же дитя индийской земли, как и хинди, панджаби, бенгали, тамили или любой другой язык, названный в Приложении VIII к Конституции» [Patriot. 09.10.1989], сообщение о возможном повышении статуса урду вызвало взрыв конфессиональных страстей, а в Будауне — небольшом городке, расположенном где-то на полпути между Дели и Лакхнау, вылилось в

межобщинные столкновения, стоившие жизни 30 участникам; более 200 человек получили ранения [The Economic Times. 03.10.1989].

Закон об урду как втором официальном языке Уттар Прадеша был принят законодательным собранием без обсуждения, возможно, не в последнюю очередь и потому, что во время жарких дебатов, разгоревшихся в преддверии этого акта, главный министр штата, во-первых, категорически заявил, что урду не будет обязательным языком школы; во-вторых, заверил население, что предпринимаемая мера ни в коей мере не направлена на ослабление позиций хинди как официального языка [Patriot. 09.10.1989].

Таким образом, в качестве второго официального языка штата Уттар Прадеш урду был признан лишь в октябре 1989 г., в канун очередных всеобщих выборов в парламент страны: победа пришла почти сорок лет спустя после того, как был принят Закон об официальном языке штата. Предпринятая мера поэтому была воспринята в стране не как акт социальной справедливости, а скорее просто как предвыборный маневр [The Times of India. 04.10.1989].

В результате в Закон об официальном языке (штата) Уттар Прадеш был введен еще один параграф: «В интересах урдуязычного населения язык урду должен употребляться как второй официальный язык для тех целей, которые время от времени могут объявляться правительством штата» [Patriot. 09.10.1989].

Прогрессивные силы страны, и в их числе Национальная федерация прогрессивных писателей Индии, приветствовали этот шаг, подчеркнув, однако, что «признание урду в качестве второго официального языка в Уттар Прадеше непомерно затянулось и к тому же было предпринято ради своекорыстных интересов (правлящей партии)» [New Age. 29.10.1989].

Таким образом, утратив былую остроту, проблема урду была снята с повестки дня и, естественно, не нашла отражения в предвыборных манифестах политических партий Индии, в том числе и КПИ [New Age. 05.11.1989].

Нормирование хинди в контексте языковой политики

Нет, вероятно, необходимости в тщательном обосновании тезиса о том, что нормирование (нормализация) языка является неотъемлемой составной частью языковой политики, — это самоочевидно. Не представляет исключения и хинди, нормирование которого, начавшись задолго до завоевания страной незави-

симости, особый размах и интенсивность приобрело в условиях существования Индии как суверенного государства.

Нормирование представляет собой совокупность определенных мер, направленных на упорядочение в использовании единиц того или иного уровня языка. Такое упорядочение прежде всего направлено на отбор определенных вариантов из множества, существующих в языке. Целью всякой нормализаторской деятельности является обусловленное потребностями языкового коллектива сужение спектра языковой вариантности и доведение его до функционально релевантного минимума, особенно при кодификации — письменной фиксации результатов этого процесса.

Нормирование, однако, это не только оценка и отбор определенных реализаций языковой системы как более правильных и предпочтительных, но и стремление к тому, чтобы именно данные реализации системы утвердились и получили распространение в языковой практике общества в противовес другим ее реализациям [108, с. 8]. Следовательно, нормирование охватывает минимум три взаимосвязанных и последовательно протекающих процесса: 1) формирование нормы на основе оценки и отбора определенных вариантных реализаций в противовес другим; 2) утверждение нормы; 3) распространение нормы.

В этом плане грамматика, будь то школьная или академическая, — это всего лишь один из возможных способов нормирования, а именно кодификация, посредством которой фиксируются, сохраняются и распространяются достигнутые в ходе нормализаторской деятельности функционально-лингвистические приоритеты.

Периодизация современного хинди — это прежде всего периодизация процесса формирования его нормы.

В развитии современного хинди можно выделить три периода, которым предшествовал растянувшийся на несколько десятилетий (1800—1870) этап зарождения (или предыстория) нормы хинди:

I период (1870—1920) — период становления (или формирования) нормы хинди;

II период (1920—1950) — период утверждения нормы хинди;

III период (1950 — 90-е годы) — период распространения и всестороннего развития нормы хинди.

Беря начало на рубеже XVIII и XIX вв., процесс «внутри-утробного развития» (предыстория) хинди занял не менее семи десятилетий и продолжался вплоть до рубежа 80-х годов XIX в. Сфера социального функционирования хинди в этот период была очень узкой, литературное творчество представлено отдельными разрозненными произведениями, язык которых отличался широчайшим диапазоном вариантности на всех уровнях [39, с. 37—43].

Первое место среди прозаиков хинди конца XVIII — начала XIX в. по праву отводится Лаллуджи Лалу (1763—1825), автору «Прем сагара» («Океана любви») — первого прозаического произведения на хинди, созданного им в бытность преподавателем Форт Вильям-колледжа (Калькутта) на основе 10-й книги «Бхагаватпураны» и увидевшего свет в 1803 г. Высокое место, которое отводится Лаллуджи Лалу и его творению в истории языка и литературы хинди, объясняется не только его художественными достоинствами и популярным, каждому индийцу с детских лет известным сюжетом о забавах юного бога-пастуха Кришны, но и прежде всего «тем, что его простой язык был в дальнейшем положен в основу обучения в школах» [5, 36].

Хинди первой половины XIX в. во многом еще представлял собой аморфное образование с очень нечеткими, размытыми границами: имея в качестве структурного каркаса лексико-грамматическую систему городского просторечия (кхари боли), хинди того периода и в лексике, и в грамматике не оторвался еще от территориальных диалектов, с одной стороны, и в нем не выработалось тех дифференциальных признаков (характерологичности), которые отличали бы его от урду, — с другой. В результате от урду этот стиль нередко отличался лишь графикой, а от диалектов — глагольной флексией да присущей кхари боли системой послелогов.

Рассматривая деятельность общества по формированию хинди, можно утверждать: все, что предпринималось на данном этапе, было направлено прежде всего на достижение *характерологичности его лексической сферы*, которая с самого начала являлась одним из главных объектов нормирования.

Лексика хинди представляет собой органическое сочетание этимологически различных лексических элементов. В соответствии с этимологическим принципом лексика современного хинди, как, впрочем, и других индоарийских языков, обычно делится на четыре группы: тадбхава (исконно индийские слова, традиционно возводимые к санскриту), татсама (собственно санскритские слова), дэши или дэшья (слова местного, подчас неустановленного происхождения, т.е., по существу, заимствования из других индийских языков) и, наконец, видэши (иностранные слова, т.е. заимствованные из иных, неиндийских языков: арабского, персидского, английского и т.д.) [12, 75—89].

Общей для хинди и урду является главным образом лексика тадбхава: составляя основной словарный фонд, она вместе с грамматическим строем составляет тот единый фундамент, на котором возведены здания обеих литературных форм единого языка: урду и хинди.

Различия между ними отмечаются в основном в двух разрядах лексики — татсама и видэши.

Специфика лексической сферы хинди в отличие от урду создается главным образом за счет лексики, относящейся к группе татсама: для хинди как литературной формы характерно насыщение речи и текста словами, заимствованными из санскрита.

Специфика лексической сферы урду, наоборот, создается главным образом за счет лексики видэши, а если быть более точным, за счет лексики арабского и персидского происхождения.

Лексика эта, как правило, стоит за пределами основного словарного фонда, однако, выступая как своеобразная лексическая «присадка», создает определенный колорит речи и текста, позволяя с достаточной степенью определенности произвести его лингвистическую атрибуцию.

При письменной фиксации текста в качестве дополнительного маркера выступает также графика: для хинди — это, как правило, деванагари, для урду — модифицированная арабская.

Лексическая сфера хинди — исторически изменчивое понятие: в различные периоды истории страны менялось его содержание, менялась направленность усилий общества по нормированию лексической сферы, иными становились и их результаты, что, естественно, не могло не внести в нормализационные процессы типологически особых черт — черт, обусловленных структурой индийского общества и историей его развития за последние два столетия.

Существенную роль в нормировании языка играет деятельность творцов литературы: писателей, поэтов, драматургов. Все те, кто связан с искусством слова, имеют прямое и непосредственное отношение к процессу выработки и утверждения нормы литературного языка. Создавая произведения, писатель воплощает в его языковую материю свои представления о том, какой язык следует считать правильным и литературно безупречным. В процессе творчества, пользуясь тем языком, на котором говорит народ, писатель не просто механически воспроизводит все то, что характерно для разговорно-бытовой речи народа, — он совершает определенный отбор, используя лишь те языковые средства, которые в данный период и сам писатель, и то общество, в котором он вращается, признают правильными, удовлетворяющими литературному вкусу своего времени. Производя отбор языковых средств — используя одни и избегая использования других — и закрепляя отобранные средства в языке своего произведения, писатель тем самым способствует выработке стабильности языка. Тем самым писатель выступает как активный участник процесса нормирования языка. Роль писателя в этом процессе всегда велика, особенно же значительной пред-

ставляется она на первых этапах формирования литературного языка, когда язык произведения, по тем или иным причинам получившего широкое распространение, начинает рассматриваться как образец, достойный подражания, иными словами, когда осуществленная писателем реализация языковой системы принимается и санкционируется обществом, приобретая таким образом значение нормы, действующей в данный период. Давно замечено, что «нормы языка не вырабатываются наукой; они существуют объективно и возникают задолго до нормализации...» [77, с. 338].

В разные исторические эпохи усилия писателей и общественных деятелей, направленные на формирование лексической сферы хинди, находили различное, подчас диаметрально противоположное, выражение.

Переломной для судеб хинди была середина XIX в., когда в споре двух просветителей — бенаресского раджи Шивапрасада (1829—1895) и агрского раджи Лакшман Синха (1826—1896) — решался вопрос о том, какой быть лексической сфере хинди: санскритизованной или, как в урду, насыщенной арабско-персидской лексикой.

Современники, остро чувствовавшие потребность своего времени, оба они выступали в защиту хинди, однако их подход к проблеме этого языка был диаметрально противоположным.

Раджа Шивапрасад считал, что поскольку урду уже получил распространение среди образованных слоев общества и стал языком судопроизводства, то нет необходимости отказываться от арабско-персидских заимствований. В полном соответствии с таким подходом язык газеты «Банарас акхбар», которую раджа Шивапрасад, уроженец и житель Бенареса, начал издавать в своем родном городе в 1845 г., представлял собой не что иное, как транслитерацию текстов урду шрифтом деванагари [296, с. 9].

Диаметрально противоположную позицию занимал раджа Лакшман Синх. Житель Агры, он, как и его бенаресский современник, выступал в защиту хинди, однако в отличие от Шивапрасада придерживался того мнения, что единственным источником пополнения лексики хинди может быть только санскрит. Поэтому он стремился изгонять из хинди все иноязычные, прежде всего персидские и арабские, слова. Не случайно поэтому именно в Агре начала выходить «Буддхи пракаш» — первая в истории прессы на хинди газета, язык которой по насыщенности санскритской лексикой весьма схож с современным хинди [457, с. 53].

В противоборстве двух линий в подходе к лексическому составу хинди верх одержала линия Лакшман Синха: насыщение

речи санскритизмами стало считаться признаком «хорошего тона».

Эта линия была подхвачена, развита и закреплена благодаря усилиям плеяды писателей, поэтов и драматургов последней четверти XIX в., открывших в литературе хинди период просветительства [96, с. 90—105]. Просветительская программа в качестве обязательного пункта включала также борьбу за «раштрабаша» («национальный язык»), на роль которого, по их мнению, мог претендовать только санскритизованный хинди в графике деванагари.

Однако, чтобы сформироваться в качестве литературной формы, отличной от других, генетически родственных образований, хинди нужно было решить две задачи: оторваться от диалектов и освободиться от тех черт, которые составляли специфику урду. Сразу обе эти задачи решить было нельзя, они решались последовательно и при активном вмешательстве общества. Поскольку с самого начала хинди складывался как стиль, противостоящий и сознательно противопоставляемый урду, в качестве первой цели было поставлено освобождение от арабско-персидской лексики, составлявшей специфику урду, посредством замены ее санскритской, которая, таким образом, все более выступала как основной дифференциальный признак, свойственный только хинди.

Выработкой и утверждением системы признаков, отличающих его от урду (насыщение санскритской лексикой, употребление санскритских суффиксов и служебных лексических единиц, специфика родоотнесенности санскритских имен существительных), хинди обязан деятелям—литераторам второй половины XIX в., среди которых особенно выделяется фигура Бхаратенду Харишчандры (1850—1885). Основной дифференциальный признак хинди они видели в санскритизации — насыщении речи санскритской лексикой и в своей практической деятельности неукоснительно придерживались этого принципа [214, с. 340].

Утвердив линию Лакшман Синха на санскритизацию языка, Бхаратенду и его современники, своей литературной и журналистской деятельностью заложив основы функциональных стилей хинди — публицистического, научного, официально-делового, — дали могучий импульс дальнейшему развитию прозы на хинди [15, с. 50; 296, с. 9].

Поэтому не будет преувеличением сказать, что именно с эпохи Бхаратенду и начинается интенсивный процесс формирования хинди как литературного языка и, следовательно, интенсивный процесс его нормирования. Все, что было до Бхаратенду, можно с полным основанием квалифицировать как предысторию хинди.

Решающую роль в формировании, утверждении и распространении хинди играли и продолжают играть добровольные литературно-лингвистические общества, союзы, ассоциации, которые с середины 70-х годов XIX в. по инициативе и при личном участии Бхаратенду стали возникать в различных городских центрах, расположенных главным образом на востоке хинди-язычного ареала. Первое такое общество — «Хинди вардхини сабха» («Общество развития хинди») — было основано в Праяге (Аллахабаде) в 1876 г. Несколькими годами позже, в 1884 г., был создан еще ряд обществ [296, с. 228]. Это были малочисленные разрозненные организации, деятельность которых, как правило, не выходила за рамки одного города.

Движение за развитие и утверждение хинди приняло четкие организационные формы с созданием в 1893 г. бенаресского НПС («Нагари праचारини сабха») — литературно-лингвистической ассоциации, которая постепенно приобрела характер организации, преследовавшей не только культурно-просветительские, но и политические цели [256, с. 3].

В последующие два десятилетия после создания бенаресского НПС аналогичные организации (имевшие подчас и аналогичные названия) возникают во многих городах данного ареала [99, с. 14—15].

Крупнейшей и наиболее влиятельной из них стала ХСС («Хинди сахитья саммелан»), созданная в 1910 г. в Аллахабаде и с самого начала планировавшаяся, в отличие от НПС, как организация, имеющая общендийское значение. Руководство ассоциации с первых же дней ее существования было вручено деятелям, тесно связанным с индусским возрождением. Первым президентом ХСС был избран Мадан Мохан Малавия (1861—1946), влиятельный общественный деятель того времени, чье руководство сразу же придало ассоциации характер политической организации, действующей во имя хинди. Идейным руководителем Ассоциации до конца жизни был Пурушоттамдас Тандан (1882—1962).

Влияние ХСС вскоре распространилось на всю область распространения кхари боли. Вокруг ХСС группировались наиболее влиятельные филологи-языковеды и историки литературы, к голосу которых прислушивались по всему ареалу хинди. Сложилась влиятельная группа пропагандистов хинди, в которую входили такие фигуры, как редактор журнала «Сарасвати» Махавир Прасад Дживеди, родоначальник современного литературоведения хинди Рамчандра Шукла, языковед Шьямсундардас, поэт Майтхилишаран Гупта и др. «И хотя во многих случаях не существовало никаких официальных связей между ХСС и этой группой литераторов, в своих произведениях они использовали тот

самый, высоко санскритизованный стиль, за который ратовала ХСС» [368, с. 140].

В отличие от других организаций свои пропагандистские усилия ХСС подкрепляла тщательно продуманной организационной работой по созданию разветвленной сети учебных центров, где всякий желающий мог сдать экзамен и получить документы об окончании средней школы или колледжа.

Учебные центры являлись для ХСС «монетным цехом» и кузницей кадров. С одной стороны, они поставляли денежные средства, взимаемые за обучение и сдачу экзаменов, которые использовались для расширения и углубления ее деятельности. С другой стороны, эти центры готовили кадры преподавателей и пропагандистов, воздействовавших на общественное сознание и направлявших в определенное русло складывающийся литературный стиль.

Пропагандистские усилия ХСС, подкрепляемые активной деятельностью разветвленной сети учебных центров, постепенно выдвинули эту организацию как главную силу утверждения санскритизованного хинди в противовес урду.

В середине 30-х годов к этим двум «кистам» добавился еще один. В 1935 г. в Вархе был основан РПС («Раштрабхаша прачар самити»), который, несмотря на скромное название «комитет», очень скоро превратился в крупнейший центр по распространению хинди [263, с. 302—306].

Эти и другие общества, возникшие позже, осуществляют многообразные функции: организаторскую, учебно-методическую, пропагандистско-просветительскую, научно-исследовательскую, издательскую и т.п., которые в конечном счете направлены на утверждение и распространение хинди, в том числе, естественно, и на распространение его нормы [100, с. 111—113].

Многие из них обзавелись собственными типографиями и выпускают собственные журналы — ежемесячные либо кварталные.

Иными словами, подобные организации представляют собой реальную силу, влияющую и на формирование и — тем более — на распространение литературной нормы хинди.

В результате уже к концу XIX в. четко сформировался основной дифференциальный признак хинди, отличающий его от урду: это санскритизация лексической сферы и широкое использование санскритских аффиксов и словообразовательных моделей — та самая характерологичность лексической сферы, которая свойственна только хинди [112, с. 137]. Получив признание, санскритизованный хинди в то время находил применение лишь в узком кругу его знатоков и ценителей.

Таким образом, в результате многолетних поисков и экспериментов победила *тенденция к санскритизации хинди*: хинди сформировался как литературная форма, специфика которой достигается широким употреблением санскритизмов. Охватывая лексику и словообразование, дифференциальные признаки хинди не распространялись, однако, на грамматику: морфология и синтаксис оставались в основном общими для хинди и для урду. Более того, в сфере грамматики (как морфологии, так и синтаксиса) хинди ориентировался на кхари боли — и не столько на просторечие, сколько на уже сложившуюся его литературную форму — урду, которая к тому времени уже свыше полутора столетий употреблялась как средство словесно-изобразительного искусства и благодаря этому достигла высокого уровня грамматической стабильности — качества, которого так недоставало хинди в последней четверти XIX — первые два десятилетия XX в. После утверждения хинди диалекты, прежде всего восточные, которые ранее выступали как естественные союзники хинди в его противоборстве с урду, превратились в обременительных спутников. На повестку дня выдвигалась проблема освобождения хинди от влияний, идущих со стороны диалектов.

При всей важности того, что было сделано обществом для развития и утверждения хинди в течение XIX в., особое значение для его судеб имеет эпоха, начинающаяся с рубежа XIX и XX вв. и охватывающая, следовательно, значительную часть I периода (1900—1920) и полностью II и III периоды.

Столь большое значение, которое придается указанной дате (1900 г.), объясняется не только тем, что к тому времени был достигнут относительно высокий уровень развития литературы и периодической печати на хинди [99, с. 13—22], что, кстати, важно уже само по себе как объективное свидетельство расширения сферы его социального функционирования, но и — главное — тем, что индийское (точнее, индусское) общество Северной Индии к тому времени уже предприняло первые серьезные шаги с целью предоставления хинди «места под солнцем».

Многоязычный характер той области, в пределах которой формировался хинди, естественно, не мог не наложить отпечаток на складывающуюся литературную форму, выдвигаемую в качестве противовеса (а нередко — и прямого антагониста) урду. Как известно, хинди как стиль, противостоящий урду, формировался главным образом в городах на востоке данного ареала: в Бенаресе, Аллахабаде, в меньшей степени — в Патне и Лакхнау, расположенных в области распространения восточных диалектов [99, с. 45—56], и, вполне естественно, испытал на себе воздействие со стороны этих диалектов. Как следствие, для хинди того периода характерна широчайшая вариантность на всех

уровнях языка. Как отмечают исследователи, язык произведений как самого Бхаратенду, так и его современников Пратапнарайна Мишры (1850—1894), Бадринарайна Чаудхри Премгхана (1855—1929), Амбикадатта Вьяса (1858—1900) был обильно насыщен диалектной лексикой, диалектными формами и оборотами [296, с. 160—162]. «Стабилизация языка не завершилась полностью до конца данного периода (1900 г.), — пишет Р.Р.Бхатнагар. — Местные языки и диалекты влияли на кхари боли, и их негативное воздействие ощущалось еще очень долго. Пратапнарайн Мишра и Балькришна Бхатта, точно так же как и их предшественники и современники, использовали местную лексику в такой степени, что это стало своеобразной модой» [296, с. 261].

Вытеснение из литературного языка ставших для него обременительными диалектно-просторечных форм и достижение стабильности языка на всех уровнях, в том числе и на синтаксическом, в тот период лишь осознавалось как насущная социальная задача, поскольку «в языке того периода не было ни единообразия, ни намек на чистоту. При одном лишь взгляде на то, что создавалось в то время, было ясно, что стабилизация (языка) стала насущной необходимостью» [166, с. 96—97].

Необходимость достижения стабильности диктовалась не только состоянием языка, но и расширением сферы его социального функционирования, что вело к повышению его социального статуса.

Сразу же после своего основания НПС развернула активную деятельность, добиваясь для хинди равного с урду статуса. В начале 1898 г. депутация видных деятелей того времени — в их числе раджи и махараджи ряда княжеств, расположенных на территории Соединенных Провинций (современный штат Уттар Прадеш), — обратилась к генерал-губернатору с петицией, в которой содержалась настоятельная просьба допустить беспрепятственное использование языка хинди и графики деванагари в судах и системе просвещения провинции [452, с. 86—94].

Петиция возымела действие: вслед за Бихаром и Центральными Провинциями (где подобный акт был проведен еще в 1881 г.) хинди со шрифтом деванагари в 1900 г. был принят и в Соединенных Провинциях в качестве языка делопроизводства в судах низшей инстанции. Политическое решение проблемы языка, таким образом, было достигнуто: хинди получил доступ в сферу судопроизводства. Однако для эффективного функционирования здесь необходимо было провести унификацию употребления элементов его грамматической и лексико-семантической систем, что было невозможно без сокращения широчайшего диапазона вариантности, в том числе и лексической, когда писатели свободно прибегали не только к санскриту, но нередко еще

и к диалекту, считая естественным достоянием хинди все то, что не относилось к урду, поскольку диалект наряду с санскритом рассматривался как надежный союзник в борьбе против урду [112, с. 178].

«Между хинди тех, кто работал в Форт-Вильям-колледже в начале XIX в., и хинди писателей эпохи Бхаратенду особых различий не отмечается, — пишет, в частности, Х.Бахри, касаясь языка того периода. — Многообразие грамматических форм, нестабильность в употреблении рода, числа и падежа, неопределенность в выборе лексики, рыхлость и несогласованность синтаксической конструкции — все это встречается даже у самых опытных и осмотрительных писателей того периода» [251, с. 247].

С повышением социального статуса хинди проблема вытеснения из литературного обихода диалектно-просторечных форм и достижения стабильности языка на всех уровнях выдвигалась как первоочередная задача. «...Стабилизация языка стала насущной потребностью» [166, с. 96—97].

Таким образом, как результат мер, предпринятых в области языковой политики — как официальной, так и неофициальной, — в порядок дня был поставлен вопрос о нормировании хинди. Это был своеобразный «социальный заказ», к реализации которого общество приступило уже к концу рассматриваемого периода — на рубеже XIX и XX вв. Весьма примечательно в этом плане, что в том же, 1900 г., когда хинди впервые получил признание, в Аллахабаде начал функционировать журнал «Сарасвати», во главе которого в течение почти двадцати лет (1903—1920) стоял выдающийся пропагандист хинди Махавир Прасад Дживеди (1864—1938). Журнал сыграл выдающуюся роль в стабилизации литературного хинди. В результате последовательной деятельности журнала по нормированию языка «начали постепенно устраняться те недостатки, которые были обычным явлением в эпоху Бхаратенду» [166, с. 97].

Нормирование стало тем более насущной задачей, что с того времени, как в 1918 г. к руководству национально-освободительным движением пришел М.К.Ганди, хинди, рассматривавшийся как символ единства народов Индии, стал своеобразным его знаменем. В результате возрастает влияние различных добровольных обществ, создававшихся с целью пропаганды и распространения хинди.

Деятельность по пропаганде хинди выходит за пределы хиндиязычного ареала, в иноязычные области. В 1918 г. пропаганда хинди переносится на юг Индии, где по инициативе Ганди создается ДПС («Дакшин бхарат хинди прачар сабха»), вскоре обросшее местными отделениями и филиалами.

Двадцатые годы, совпавшие с подъемом национально-освободительного движения, в социально-лингвистическом плане знаменовали небывалое расширение сферы функционирования хинди: хинди стал широко использоваться как язык массовой пропаганды и агитации [156, с. 226]. В 1925 г. «хинди праچار» («пропаганда хинди») была включена как один из важных пунктов в программу Индийского национального конгресса (ИНК) — партии, возглавлявшей в те годы борьбу народов Индии против чужеземного господства.

Поэтому нормализаторская деятельность Махавир Прасада Дживеди как нельзя больше отвечала потребности той эпохи: «Дживеди, — как пишет Дж. Шарма, — завершил работу по выработке и утверждению лингвистического идеала, в котором так нуждался язык» [156, с. 98].

Благодаря деятельности журнала «Сарасвати» и его редактора, а также усилиями бенаресского НПС была достигнута лексическая и в определенной степени грамматическая стабилизация хинди: были разработаны и получили общественную санкцию орфоэпические и морфологические нормативы, а в синтаксисе — модели предложения, в совокупности составляющие нейтрально-информативный ярус синтаксической нормы³. Процесс этот завершается кодификацией языка в известной «Хинди вьякаран» («Грамматика хинди») Камтапрасада Гуру, впервые увидевшей свет в 1923 г. Хинди утверждается как литературная форма, в основном освободившаяся от арабско-персидской лексики и диалектных влияний, оперирующая лексикой тадбхава в качестве ядра словарного фонда и использующая преимущественно санскрит как источник пополнения и обогащения словаря.

Таким образом, усилия общества, направленные на выработку и утверждение единого, стабильного языка, — процесс, в котором ведущая роль принадлежала писателю, увенчались успехом.

В результате к началу 20-х годов хинди обрел лексическую характерологичность, в нем утвердилась единая орфография, закрепились элементарные правила пунктуации, было достигнуто единообразие в словообразовании и словоизменении, был выработан единый подход к структуре предложения. Несмотря на все эти несомненные достижения в области нормирования языка, еще в конце 20-х годов раздавались жалобы на произведения отдельных литераторов, вносивших элементы дестабили-

---

³ Экспрессивно-информативный ярус синтаксической нормы сложился гораздо позже, лишь к исходу 30-х — началу 40-х годов. Подробнее см. [112, с. 181 — 186].

зации, пытаясь вновь вернуть язык к тому состоянию, из которого он только что вырвался.

Резюмируя все сказанное, можно с полным основанием утверждать, что к тому времени, когда хинди получил высокий статус официального языка страны (1950 г.), в основном он уже прошел процесс нормирования [112, с. 186], сформировались его функциональные стили: публицистический, научный, официально-деловой [15, с. 67—69, 106—128, 129—138]. В социально-лингвистическом плане это означало, что уже к концу 40-х годов хинди был готов к осуществлению многообразных функций литературного языка, способного обслуживать различные сферы жизни общества в хиндиязычном ареале.

Однако это вовсе не означало, что дискуссиям о путях развития лексической сферы хинди был положен предел. Лингвистический идеал М.Дживеди и всех, кто стоял за ним, — а это в первую очередь ведущие общества по пропаганде хинди — существенно отличался от той модели хинди, которую проповедовал Ганди: если Ганди ратовал за простой язык — хиндустани, свободный от крайностей обоих литературных стилей (что объективно вело к их сближению), то для НПС, ХСС и других подобных организаций идеалом был высокосанскритизованный хинди («шуддх хинди»).

Какой должна быть лексическая сфера хинди — этот вопрос продолжал волновать умы и в 20-е, и в 30-е годы. Борьба между сторонниками упрощенного хинди и санскритизованной его формы продолжалась.

На рубеже 40-х годов она привела к расколу в лагере сторонников хинди. Порвав с поборниками упрощенного хинди, «санскритизаторы» развернули широкую кампанию в поддержку «шуддх хинди», а когда было создано Учредительное собрание Индии (1946 г.), сформировали внутри него «группу давления» во главе с Пурушоттамдасом Танданом.

Новый период в развитии хинди начинается с 1950 г. — года введения в действие Конституции страны, принятой Учредительным собранием в ноябре 1949 г.

По Конституции, как уже было сказано выше, официальным языком страны провозглашался хинди со шрифтом деванагари, причем специальной директивой на Центральное правительство возлагалась обязанность содействовать развитию и распространению хинди и обеспечить его обогащение путем заимствования, в первую очередь из санскрита.

На основе статьи Конституции законодательные собрания штатов хиндиязычного ареала приняли соответствующие акты, утверждавшие за хинди статус официального языка этих штатов [502, с. 443—445].

Таким образом, в Конституции не только провозглашался высокий статус хинди, но и указывались основные принципы его лексического нормирования.

После того как хинди получил столь высокий статус, на повестку дня выдвигался вопрос о том, чтобы привести язык в соответствие с теми высокими требованиями, которые предъявлялись к нему положениями Основного закона страны, сделать его способным реально осуществлять многообразные и сложные функции официального языка страны.

Задача, таким образом, заключалась прежде всего в пополнении и обогащении лексического состава хинди, так как официальный язык, призванный обслуживать все основные сферы общения, должен в первую очередь располагать богатой, многообразной, стилистически дифференцированной лексикой и полным набором современной терминологии.

Для того чтобы восполнить этот недостаток, наряду с развернувшейся в стране лексикографической работой по хинди⁴ правительство Индии учреждает специальные органы для реализации лингвополитических директив, зафиксированных в Конституции: в 1950 г. оно создает Совет по научной терминологии, который позднее, в 1961 г., преобразуется в Комиссию по научной и технической терминологии; в 1960 г. учреждает специальный Директорат хинди. К 1961 г. число экспертных терминологических комиссий возросло до 26, а численность созданных ими терминов достигала 300 тыс.

Таким образом, в результате усилий общества, направленных на нормирование хинди, прежде всего его лексической сферы, сформировался язык, лексическая сфера которого отличается высокой степенью насыщенности санскритизмами, — реальное воплощение языкового идеала — речевой стереотип, который поддерживается через школу и средства массовой информации. Прежде являвшийся достоянием лишь книжно-письменной разновидности языка, ныне этот феномен все более приобретает значение нормы и для разговорно-бытовой его разновидности. Как пишет Х.Бахри: «Если еще тридцать лет назад (т.е. в середине 30-х годов. — В.Ч.) образцом считался стиль Премчанда, то теперь — наоборот: в качестве образца, достойного подражания, рассматривается стиль Прасада» [251, с. 249].

---

⁴ В 50-х — начале 60-х годов был издан ряд крупных словарей хинди: в 1950 г. вышел в свет «Наланда вишал шабдасагар» («Океан слов») на 150 тыс. слов, в 1952 г. — «Брихат хинди кош» («Большой словарь хинди») на 136 тыс. слов, в начале 60-х годов — пятитомный «Манак хинди кош» («Нормативный словарь хинди») под редакцией известного лексикографа Рамчандры Вармы и множество более мелких лексикографических изданий.

Изменив облик хинди, время одновременно изменило и лексический идеал, т.е. те критерии, которым он должен соответствовать в лексическом плане. «В настоящее время, — пишет Х.Бахри, — преобладание санскритской лексики стало обязательным, и в качестве образцового, естественно, считается лишь санскритизованный хинди» [251, с. 249].

Однако особый акцент в этот период индийское общество сделало на утверждение и распространение хинди — и в первую очередь, естественно, его сложившейся, насыщенной санскритизмами лексической сферы, — через широчайшее его использование в системе народного просвещения и в средствах массовой информации (пресса, радио, кино, телевидение), в театре (о чем пойдет речь в гл. III).

Функционируя как язык многочисленной, разнообразной и широко разветвленной прессы, звуча в классной комнате и на театральных подмостках, находя широчайшее применение на радио и телевидении, хинди давно уже вырвался на базары и площади, растекся по улицам и переулкам, проник в самые глухие закоулки и тупики. За эти годы, особенно после завоевания независимости, он приобрел престиж и превратился в один из основных языков социальной жизни североиндийского города. Результатом целенаправленных усилий по нормированию хинди явилось формирование его нормы, получающей все более широкое распространение и признание и уже обретшей права гражданства в книжно-письменной речи, что, само собой понятно, не может не воздействовать и на лексику городского просторечия: если раньше оно было ближе к урду, то теперь под влиянием средств массовой информации оно все более сближается с «шуддх хинди».

Глава III

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ХИНДИЯЗЫЧНОМ АРЕАЛЕ

Языковая ситуация представляет собой совокупность двух понятий: этнолингвистической ситуации и ситуации функционально-лингвистической.

В отличие от этнолингвистической ситуации, характеризующей расселение этносов—носителей различных языков в пределах данной территории, функционально-лингвистическая ситуация представляет собой соотношение различных языковых образований (языков, диалектов, говоров) в процессе их функционирования в различных социальных сферах современного общества.

Общим фоном функционально-лингвистической ситуации в рассматриваемом нами хиндиязычном ареале является широчайшее использование хинди в жизни современного индийского города: на работе, в быту, в учреждении, на рынке, в лавке, на митинге, демонстрации и т.п., т.е. всюду за пределами семейного круга и землячества, хотя и здесь отмечается тенденция к употреблению кхари боли.

Хинди находит применение в различных сферах общественной жизни современной Индии, главным образом хиндиязычного ареала: кроме таких сфер североиндийского города, как семейно-бытовая и рыночно-торговая, он используется также в ряде других сфер, имеющих жизненно важное значение для нормального функционирования общества: в системе народного просвещения (в школах, университетах и колледжах), в официальном делопроизводстве, средствах массовой информации и т.п. Учитывая весьма низкий для последней четверти XX в. процент грамотности и как следствие огромные массы неграмотного населения, исчисляемого сотнями миллионов человек, в качестве особой сферы социального функционирования хинди можно (и, видимо, должно) рассматривать систему индийского ликбеза, действующую во всех уголках Индии, где проживают более или менее значительные контингенты носителей хинди, главным образом, естественно, в пределах хиндиязычного ареала.

При этом следует особо отметить, что каждая такая сфера (или область) человеческой деятельности и общения (функционирования языка) не является каким-то внутренне замкнутым, изолированным мирком. Отличаясь унифицированностью орудий производства, объектов их приложения, характера производственных операций и их конечной цели, она в силу универсальности человеческой деятельности и общения неразрывно связана с другими сферами. Поэтому все сферы человеческой деятельности и общения являясь взаимосвязанными и взаимобусловленными, и всякое изменение, касающееся языка общения в одной из них, неизбежно отражается на языковом аспекте другой, как смежной, так и дистанцированной. Так, язык, используемый в семейно-бытовой и торговой сфере, воздействует на процесс усвоения знаний в школе, облегчая или, наоборот, затрудняя его и в последнем случае являясь в условиях Индии одной из причин массового отсева учащихся, которые, пополняя армию неграмотных, «перекочевывают» в сферу ликбеза.

С другой стороны, для тех, кто, преодолев все лингвистические барьеры, заканчивает среднюю школу, языковые навыки, приобретенные в ней, помогают (либо, наоборот, препятствуют) поступлению в университет или колледж, которые являются той «кузницей», где готовятся будущие кадры для государственного аппарата, средств массовой информации и других сфер общественной жизни (торговля, промышленность, медицина и т.п.). А каждая из этих областей человеческой деятельности и общения напрямую связана с семейно-бытовой и рыночно-торговой.

Таким образом, каждая такая сфера человеческой деятельности и общения в интересующем нас социолингвистическом плане выступает не как некая замкнутая, имманентная система, а как открытая, «разомкнутая» подсистема единой (и тоже открытой) системы — человеческого общества.

Здесь же, возвращаясь к хинди, следует сказать, что в различных сферах общения — даже в пределах хиндиязычного ареала — хинди используется далеко не в одинаковой степени: если такие сферы, как образование (начальное и среднее) и система ликбеза, он охватывает полностью (хотя и здесь его применение имеет определенную специфику), то не так просто обстоит дело в высшей школе (университетах и колледжах), средствах массовой информации, официальном делопроизводстве, где ряд функций берут на себя другие языки — главным образом английский, в ограниченной мере — местные, региональные языки, бытующие в ареале хинди, что нам и предстоит детально рассмотреть в следующих разделах.

Во всех основных сферах социального функционирования, о которых пойдет речь ниже, особенно в книжно-письменной

коммуникации, тем более если она носит официальный характер, используется по преимуществу (если не исключительно) литературный хинди, лексическая сфера которого, как уже было сказано, отличается высокой степенью санскритизации; городское просторечие, нередко отмеченное чертами регионального варьирования, в эти сферы допускается лишь в весьма ограниченной степени, находя основное применение главным образом в устном общении. Так, служащие делийского муниципалитета, составляя официальный документ на литературном хинди, в неофициальной беседе, каких бы тем они ни касались, используют городское просторечие, отличающееся этимологически разнородной лексикой, более свободными синтаксическими конструкциями и т.п.

Наше обозрение начнем со школы, представляющей собой как бы основу, фундамент, на который в конечном счете опирается и из которого — и в кадровом, и в лингвистическом планах — вырастает и вуз, и государственный аппарат, и средства массовой информации. В определенной степени своим возникновением обязана школе и система ликбеза, которая, не выпадая из общей совокупности основных сфер функционирования языка, составляет как бы побочное ее ответвление.

Таким образом, школа в современных условиях играет чрезвычайно важную роль в формировании «лингвистического облика» человека и общества: вместе с семьей она составляет тот социальный институт, где закладываются основы речевой деятельности вообще, речевого репертуара в частности.

Хинди в системе образования

Школа в современных условиях является одним из наиболее мощных средств реализации языковой политики, ибо именно в школе на протяжении ряда лет (обычно 8—10), с детской поры до самого порога юности, формируются и корректируются устно- и письменно-речевые навыки будущего гражданина.

Система образования в независимой Индии

В наследство от колониального прошлого Индия получила систему образования, которая и по характеру, и по общей направленности своей работы была типично колониальной. Достаточно сказать, что в канун обретения независимости на нужды

образования в Индии расходовалось всего лишь 0,5% бюджета, охват начальной школой детей школьного возраста в возрасте 6—11 лет составлял 35%, а средней — лишь 4% [414, с. 14].

Унаследовав созданную колонизаторами систему образования, лидеры независимой Индии должны были реконструировать ее с тем, чтобы приспособить к потребностям страны, с августа 1947 г. вступившей в новый период своего развития.

Ныне характер и направленность системы образования в Индии кардинально изменились: теперь в деятельности индийской школы претворяется в жизнь принцип обучения для масс, провозглашенный в годы национально-освободительного движения.

Как известно, во всех штатах Индии законодательно введено обязательное бесплатное начальное образование (с I по V класс) для всех детей в возрасте с 6 до 11 лет. Бесплатным является и неполное среднее образование (с VI по VIII класс) для детей с 11 до 14 лет во всех штатах Индии, кроме штата Уттар Прадеш, однако и здесь для ряда категорий учащихся предусмотрены определенные льготы [383, с. 50—51]. Это открывает широкие возможности для получения образования всеми детьми.

В каждом из штатов Индии сложилась собственная система народного образования, которая лишь в самых общих чертах совпадает с системами образования в других штатах.

Курс обучения в индийской школе обычно состоит из четырех ступеней: соответственно это школы начальная (primary), неполная средняя (middle), средняя (secondary) и полная средняя (higher secondary).

Начальная школа представляет первую ступень обучения и включает первые пять лет обучения, соответственно классы с I по V. Поскольку обучение в Индии начинается с 6-летнего возраста, начальной школой охватываются дети в возрасте от 6 до 11 лет.

Неполная средняя школа представляет вторую ступень обучения и охватывает следующие три класса (с VI по VIII) и соответственно детей в возрасте от 11 до 14 лет.

Средняя школа представляет третью ступень обучения. Она включает IX и X классы, соответственно охватывая подростков в возрасте 14—15 лет.

Наконец, четвертая ступень обучения — это полная средняя школа (или средняя школа повышенного типа), она включает XI и XII классы и охватывает подростков в возрасте 16—17 лет.

До 1976 г. вопросы народного образования целиком находились в ведении штатов. С 1976 г. решением парламента ответственность за постановку и состояние народного образования в стране наряду со штатами возложена также и на Центральное правительство Индии.

Число учащихся и % охвата детей школьного воз- раста	1950/51 г.		1960/61 г.		1970/71 г.	
	число	% охвата	число	% охвата	число	% охвата
Начальная школа	19,15	42,6	34,9	62,4	57,0	...
Неполная средняя школа	3,12	12,7	6,7	22,5	13,3	
Средняя и полная средняя школа	1,22	5,3	2,89	10,6		

Данные за 1988/89 учебный год взяты из [385а, с. 88].

Вопросы высшего образования являются исключительной прерогативой Центрального правительства: оно финансирует, осуществляет управление и контроль над университетами, институтами, имеющими общендийское значение, научными и техническими институтами.

Главное внимание правительство и общественность Индии уделяют так называемой «программе универсализации начального образования», т.е. реализации содержащейся в Конституции директивы об обеспечении всеобщего обязательного бесплатно-го обучения всех детей в возрасте до 14 лет.

Успехи системы образования в Индии после 1947 г.

Прогресс, достигнутый Индией в данной сфере, с особой наглядностью проявляется, если рассматривать его в динамике. Так, за 30 лет независимого развития страны (с 1951 по 1981 г.) число учащихся начальных классов возросло почти вчетверо — с 19,15 млн. человек в 1951 г. до 72,69 млн. в 1981 г., а процент охвата увеличился почти вдвое — с 42,6% в 1951 г. до 83,1% в 1981 г. Еще больше выросли эти показатели к 1990/91 учебному году (см. табл. 19).

Прогресс в области народного образования выражается не только в росте числа учащихся и степени охвата детей школьного возраста, но и в росте количества школ. Так, в частности, число начальных школ в 1980—1981 гг. было в два с лишним раза больше, чем в 1950—1951 гг.: если в 1950/51 учебном году число начальных школ в стране составляло около 209 тыс., то к 1980/81 г. оно уже превышало 475 тыс., см. [383, с. 49].

народного образования,
а также 1988/89
(число учащихся в млн. человек)

1980/81 г.		1982/83 г.		1988/89 г.*		1990/91 г.**	
число	% охвата	число	% охвата	число	% охвата	число	% охвата
72,69	83,1	77,04	87,2	95,73	99,56	99,1	...
19,8	40,0	22,21	43,9	30,94	56,95	33,2	
9,49	20,5	11,82	24,6	18,54	25,3	20,8	

** Данные за 1990/91 учебный год приводятся по [438b, с. 540—541].

Особенно впечатляющим является рост числа неполных средних и средних школ.

Если число начальных школ за 30 лет возросло примерно в 2,5 раза, то численность неполных средних школ за тот же период увеличилась в 9 раз (с 13 596 школ в 1950/51 учебном году до 116 447 школ в 1980/81 учебном году), а численность средних школ — в 7 раз (с 7228 в 1950/51 учебном году до 47 755 школ в 1980/81 учебном году). Еще более возросло число школ всех уровней десятилетие спустя (см. табл. 20).

Таблица 20

Достижения Индии в сфере народного образования
(количество школ), 1951—1981 гг., см. [383, с. 49],
а также 1990/91 учебный год

Уровень школы	1950/51 г.	1960/61 г.	1980/81 г.	1990/91 г.*
Начальная	209 671	33 039	485 538	538 392
Неполная средняя	13 596	49 663	116 447	146 636
Средняя и полная средняя	7 288	17 257	47 755	78 619

* Данные за 1990/91 г. взяты из [438b, с. 539].

Поскольку особенно высокий процент неграмотности отмечается среди женщин и особые трудности в силу традиций представляет вовлечение девочек в систему школьного образования, то в ряде штатов Индии для них предусмотрены значительные

льготы. Из штатов, входящих в хиндиязычный ареал, такие льготы предусмотрены в Мадхья Прадеше, Раджастане и Уттар Прадеше: в этих штатах образование для девочек является бесплатным по X класс включительно. Сюда же следует отнести и Бихар, где для всех детей — и мальчиков, и девочек — среднее образование является бесплатным.

Кроме того, в штате Мадхья Прадеш образование является бесплатным и для тех девочек, которые обучаются в XI и XII классах полной средней школы [383, с. 51].

В результате этих мер количество девочек среди учащихся как начальной, так и неполной средней школы значительно возросло и в 1980/81 учебном году составляло $\frac{1}{3}$ всех детей первых двух возрастных групп (6—11 и 11—14 лет), обучающихся в школе.

Показательно, что количественный охват девочек за предшествующее десятилетие возрос на 2,8% в начальной школе и на 6,3% в неполной средней школе [383, с. 54].

Однако наряду с несомненными успехами перед системой образования в Индии стоит немало сложных проблем. Так, закон об обязательном начальном образовании во многих случаях существует лишь на бумаге: его требования постоянно нарушаются и никаких санкций к нарушителям не применяется [535, с. 8].

В результате в начале 80-х годов в первый класс поступало лишь около 80% детей школьного возраста [383, с. 49], хотя в отдельных местностях уровень охвата детей школьным образованием, особенно в первые месяцы учебного года, нередко составляет цифру, близкую к 100% [515, с. 3].

Однако получить хотя бы начальное образование удается далеко не всем. С первых же месяцев учебного года начинается стремительный отсев учащихся. Как показало обследование, проведенное специальной группой экспертов в 80 деревнях штата Карнатака, самое значительное число отсеявшихся (до 43%) приходится на первый год обучения [515, с. 16—17], когда учащиеся еще не успевают овладеть даже элементарной грамотой и усвоить навыки чтения и письма. Отсев учащихся в начальной школе нередко превышает $\frac{2}{3}$ их общей численности. В результате из 100 учащихся, пришедших в I класс, начальную школу оканчивают лишь 33. Отсеявшиеся учащиеся, даже те, что успели овладеть грамотой, в течение двух-трех лет утрачивают навыки чтения и письма и переходят в разряд практически неграмотных [414, с. 212—213].

Существенную роль в отсеве учащихся играет религиозно-общинный фактор: подавляющее большинство отсеявшихся (до $\frac{9}{10}$ их общего числа) составляли дети из семей, исповедующих индуизм; численность детей из мусульманских семей, оставших-

ся за порогом начальной школы, не превышала 9%, и совершенно ничтожным был процент отсеявшихся из христианских и джайнских семей (соответственно — 0,75 и 0,22%) [515, с. 40—41].

Особенно высок уровень неграмотности среди так называемых «зарегистрированных племен», общая численность которых достигает по стране 30 млн. человек. Среди них уровень неграмотности достигает 92,5% (при 86,3% — для мужчин, 96,9% — для женщин), см. [414, с. 212].

Ничем по существу не отличается от них положение низших каст, особенно в деревне. Как показало обследование, проведенное в одном из дистриктов штата Махараштра, такие касты маратхской деревни, как бхои (рыбаки), махары (носильщики), бханги (подметальщики) и ряд других, являлись поголовно неграмотными, а в городе уровень грамотности среди них был чрезвычайно низким [408, с. 17].

В хиндиязычном же ареале, за исключением столичного Делийского округа (союзная территория Дели), процент грамотности всегда был гораздо ниже среднеиндийского. В качестве примера можно сослаться на показания переписи 1961 г., согласно которым уровень грамотности в Бихаре был равен 18,4%, в штате Мадхья Прадеш — 17,1, в Раджастане — 15,2, в штате Уттар Прадеш — 17,6, в штате Химачал Прадеш — 17,1% [381, с. 69].

Весьма незначительным был здесь рост грамотности и за последующие десятилетия: в Бихаре уровень грамотности к 1971 г. поднялся всего лишь на 1,6% и составил 20,0%; в штате Мадхья Прадеш — 22, в Раджастане — 18,8, в штате Уттар Прадеш — 21,6%. Исключение составил лишь Химачал Прадеш, где уровень грамотности возрос почти вдвое — с 17,1 до 31,3%.

Более значительным был рост грамотности в период с 1971 по 1981 г.: здесь он колебался от 5—6% (по штатам Бихар, Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш) до 9—10% (по штатам Харьяна и Химачал Прадеш), см. [310, с. 122—183].

Одним из основных препятствий на пути претворения в жизнь директивы о всеобщем, обязательном начальном обучении всех детей в возрасте до 14 лет является низкий уровень жизни населения, особенно в деревне. Как отмечается в отчете о результатах обследования в штате Карнатака, «четверо из пяти отсеявшихся в сельской местности — это дети из семей, живущих гораздо ниже черты бедности» [515, с. 40].

Оставив школу, дети уже с малых лет становятся активными помощниками в ведении хозяйства и домашних дел. Кроме того, детский труд находит довольно широкое применение в различных отраслях производства: заработок детей, пусть даже самый

мизерный, становится существенным подспорьем в семейном бюджете [515, с. 57]. Однако, становясь одним из кормильцев семьи, ребенок лишается возможности посещать школу, уже с детских лет обрекая себя на неграмотность.

Как показало обследование, проведенное в штате Карнатака, даже в сельской местности свыше 20% отсеявшихся трудятся по найму: пасут скот, работают посыльными в лавках и гостиницах, продают цветы и т.д. [515, с. 52—53].

Как сообщил министр труда штата Гуджарат г-н Мехта, возглавлявший правительственную комиссию по изучению проблемы детского труда, в начале 80-х годов в различных отраслях промышленности страны (чайной, текстильной, табачной и др.) было занято свыше 10 млн. детей и подростков. Всего лишь в двух дистриктах штата Уттар Прадеш — Варанаси и Мирзапур — дети в возрасте от 5 до 14 лет составляют $\frac{3}{4}$ всех занятых здесь в текстильной промышленности и производстве ковров [Джан-юг. 12.09.1984].

На 1986 г. в Индии насчитывалось уже свыше 16,6 млн. детей, занятых в различных сферах трудовой деятельности [New Age. 20.11.1988]. При этом, как утверждает Всеиндийский конгресс профсоюзов, по меньшей мере 60% из них — это дети в возрасте до 10 лет [New Age. 21.06.1987].

Только в Дели, согласно данным обследования, проведенного делейским Институтом социальных исследований, в различных сферах обслуживания было занято около 300 тыс. детей [Джан-юг. 12.09.1984].

Еще более безотрадная картина наблюдается в индийской деревне. Здесь из 131,3 млн. детей в возрасте от 6 до 14 лет, т.е. тех, на кого распространяется закон об обязательном начальном образовании, к началу 80-х годов посещало школу лишь немногим более половины (или, если быть более точным, 56,1%), а именно 73,6 млн. человек. Остальные дети, входящие в данную возрастную группу, — а общее их число превышает 57,7 млн. человек, составляя 43,9% общей численности детей указанного возраста, — либо не посещали школу совсем, либо отсеялись, так и не получив начального образования [286, с. 192]. Об этом свидетельствуют, в частности, данные по деревне Исмаилпур, расположенной на территории хиндиязычного ареала (неподалеку от Музаффарпура, в штате Бихар). В этой деревне, которая может рассматриваться в качестве типичного уголка деревенской Индии, есть собственная школа. «В этой школе, состоящей всего лишь из одной комнаты и имеющей одного-единственного учителя, числится 61 ученик в возрасте от 4 до 13 лет, — говорится в обследовании. — Большую часть времени учащиеся не присутствуют на занятиях, и учитель уделяет внимание лишь

четырем-пяти старшекласникам, которых он обучает как частный репетитор. К тому же и сам учитель далеко не всегда является в класс» [528, с. 42]. И далее, касаясь общего уровня грамотности в деревне, исследователь замечает, что «члены низших и зарегистрированных каст в большинстве своем являются неграмотными» [528, с. 42], из чего можно заключить, что дети из этих каст остаются за порогом школы, пополняя в конечном счете общее число неграмотных.

«Детская проблема в целом и проблема работающих детей в особенности являются, по-видимому, гораздо более удручающими, чем это принято думать, — пишет в этой связи журнал „Линк“. — Эта проблема возникает как результат того, что детей уже в раннем возрасте вместо школы посылают на работу, принося развитие их личности в жертву материальному расчету» [Link. 12.01.1986].

Как сообщает центральный орган КПИ еженедельник «Нью эйдж» со ссылкой на доклад ЮНИСЕФ, нормальное питание, охрана здоровья и возможность учиться доступны в Индии менее чем для половины из 270 млн. детей, насчитывавшихся в стране в начале 80-х годов [New Age. 23.01.1984].

Как свидетельствует индийская пресса на основе изучения данных последнего обследования (уже пятого по счету) системы образования в Индии, законченного в сентябре 1986 г., «очень слаба надежда на то, что к 1995 г. мы сможем обеспечить всеобщее начальное образование, что выдвинуто в качестве основной цели новой политики в сфере образования» [The Times of India. 7.02.1989]. И надо сказать, что для подобного утверждения есть весьма серьезные основания, ибо, как свидетельствует та же газета, данные о том, что к сентябрю 1986 г. охват учащихся школьного возраста (от 6 до 11 лет) составлял 93,63%, являются резко завышенными: в действительности эта цифра не превышала 73%.

Достижение поставленной цели потребует, видимо, гораздо больше времени и, надо думать, захватит какую-то часть XXI в.

Хинди как язык обучения в школах хиндиязычного ареала

Оставим пока в стороне вопрос о тех, кто остался за порогом школы (к нему мы обратимся несколько позже), и вернемся к тем детям, которые имеют возможность посещать школу.

Посещая школу, дети получают определенную, соответствующую их возрасту, сумму знаний и навыков. Овладение этими знаниями и навыками облегчается тем, что для большинства из

них обучение ведется на их родном языке либо на том языке, который провозглашен официальным языком данного штата или союзной территории.

Из великого множества языков, зафиксированных последними переписями населения, далеко не все находят применение в системе образования. Наряду с теми языками, которые включены в Приложение VIII к Конституции страны, в системе народного образования используются также языки малых народностей и племен, не имеющие официального статуса. Причем, как отмечают исследователи, за последние десятилетия четко прослеживается тенденция к сокращению их численности. Так, если в конце 60-х годов в системе образования использовался 81 язык, то в 1970/71 учебном году их число сократилось до 67, а к концу 70-х годов уже составляло цифру 58 [285, с. 32].

Из этого числа 48 представляли собою современные индийские языки. Из них 16 являются языками численно больших народов — это языки, перечисленные в Приложении VIII к Конституции страны, — а также английский [285, с. 33—34].

Оставшиеся 31 — это главным образом языки малых народов, относящиеся к китайско-тибетской и тибето-бирманской группам, и лишь один язык — из числа языков аустроазиатской языковой семьи [285, с. 34].

Из современных индийских языков, находящих применение в народном образовании, 21 используется в школах ряда (двух и более) штатов и союзных территорий страны (см. табл. 21).

Таблица 21

Языки, используемые в системе народного просвещения более чем одного штата, 1973—1978 гг., см. [285, с. 35]

Языки	Число	Штатов, союзных территорий	Школ			
			начальных	неполных средних	средних	полных средних
1. Хинди	25		265 326	44 084	10 221	5 709
2. Английский	29		2 711	2 045	2 224	715
3. Арабский	3		1	13	14	—
4. Ассамский	3		16 727	3 147	1 294	56
5. Бенгали	14		51 878	8 131	4 719	2 096
6. Гуджарати	11		23 212	134	2 640	10
7. Каннада	6		30 315	10 317	2 065	1
8. Кхаси	2		2 853	326	—	—
9. Малаялам	7		8 709	3 575	1 326	2
10. Манипури	2		3 182	356	191	27
11. Маратхи	8		47 659	20 653	5 166	517

Языки	Число	Штатов, союзных территорий	Школ			
			начальных	неполных средних	средних	полных средних
12. Мизо/лушай		2	454	2	203	—
13. Непали		3	170	6	1	—
14. Ория		4	32 626	5 393	2 007	9
15. Панджаби		7	11 854	2 789	1 500	255
16. Санскрит		2	2	—	65	21
17. Синдхи		3	153	49	42	6
18. Тамилы		11	26 979	5 875	2 136	13
19. Телугу		10	40 661	6 723	3 294	223
20. Тибетский		2	7	10	3	3
21. Урду		14	8 510	1 484	526	133

Как видно из таблицы, наиболее прочные позиции в системе просвещения Индии занимает хинди: на исходе 70-х годов в Индии насчитывалось свыше 325 тыс. школ всех ступеней с обучением на хинди (для сравнения: на бенгали — около 67 тыс., на телугу — около 50 тыс., на английском — около 8 тыс.).

По состоянию на 1976 г., хинди в качестве основного языка обучения использовался в шести штатах и трех союзных территориях Индии. Кроме штатов и союзных территорий, образующих хиндиязычный ареал, хинди как основной язык обучения использовался также на Андаманских и Никобарских о-вах.

В начальной школе здесь хинди является единственным языком обучения.

Школы с преподаванием на хинди распределены по штатам хиндиязычного ареала крайне неравномерно: количество школ зависит от территории и численности населения того или иного штата. Наибольшее число школ приходится на долю двух самых крупных и многонаселенных штатов, входящих в данный ареал: в штате Уттар Прадеш насчитывается свыше 64 тыс. начальных школ, 14,6 тыс. неполных средних школ и более 4 тыс. средних школ, в которых процесс обучения ведется на хинди. В Бихаре — около 57 тыс. начальных, около 10 тыс. неполных средних и 2,6 тыс. средних школ, языком обучения в которых является хинди.

Другие штаты по численности школ значительно уступают этим двум колоссам (см. табл. 22).

Количество школ с преподаванием
на хинди в хиндиязычном ареале, 1978 г.*

Количество школ Штаты/ союзные территории	Степень обучения			
	начальная	неполная средняя	средняя	полная средняя
Штаты				
Уттар Прадеш	64 511	14 651	4 138	2 294
Бихар	56 987	9 818	2 628	—
Мадхья Прадеш	5 180	9 033	—	1 993
Раджастан	24 623	6 050	1 369	532
Харьяна	6 952	1 890	1 024	105
Химачал Прадеш	5 222	1 084	510	103
Союзные территории				
Дели	1 578	850	—	497
Чандигарх	35	13	2	1
Итого	165 088	43 389	9 671	5 522

* Эта и последующие таблицы составлены на основе данных, приведенных в [285, с. 66—68].

При анализе системы народного образования вообще и языка обучения в частности в школах хиндиязычного ареала следует, однако, иметь в виду то обстоятельство, что подавляющее большинство школ здесь — это небольшие, подчас двухкомплектные, школы, расположенные в деревне, не всегда укомплектованные кадрами и располагающие слабой материальной базой. В наибольшей степени это относится к начальной школе, где у детей закладываются основы владения языком. Лишь небольшая часть школ, имеющих в данном ареале, располагается в городах, хотя здесь же следует заметить, что подавляющую их массу составляют мелкие городки, уклад жизни которых немногим отличается от деревни. Это обстоятельство не может не наложить отпечаток на речевые навыки ученика, ибо в деревне, как известно, господствуют диалектные формы региональных языков, а города рассыпаны, подобно островам архипелага, в безбрежном диалектном море.

Так, из общего числа начальных школ, имеющих на территории штата Уттар Прадеш, около 57 тыс. расположено в деревне и лишь около 7 тыс. — в городе.

В штате Бихар соотношение деревенских и городских школ выражается соответственно цифрами 52,6 тыс. и 3,5 тыс. (см. табл. 23).

Таблица 23

Распределение школ между городом и деревней
в хиндиязычном ареале, 1978 г.

Штаты/ союзные территории	Количество школ	Уровень образования							
		начальное		неполное среднее		среднее		полное среднее	
		в деревне	в городе	в деревне	в городе	в деревне	в городе	в деревне	в городе
Штаты									
Уттар Прадеш	56 950	6 837	11 424	3 191	2 597	1 524	1 194	1 079	
Бихар	52 617	3 561	7 688	1 606	2 001	722	—	—	
Мадхья Прадеш	48 140	3 498	7 157	1 703	—	—	1 089	789	
Раджастан	21 674	2 756	4 785	1 212	807	591	213	311	
Харьяна	6 314	628	1 527	352	781	239	28	72	
Химачал Прадеш	5 010	180	995	105	434	73	61	46	
Союзные территории									
Дели	—	1 626	—	848	—	—	—	381	
Чандигарх	—	35	—	13	—	2	—	2	

И здесь вполне естественно встает вопрос: насколько хинди — разговорно-бытовой и тем более литературный — понятен населению данного ареала, основная масса которого (свыше 80%) до сих пор проживает в деревне и в качестве основного, а подчас единственного средства общения использует диалект соответствующего регионального языка?

Хотя за прошедшие десятилетия многое сделано для пропаганды, развития и внедрения хинди, следует, однако, признать, что он по-прежнему остается недоступен рядовому жителю деревни [100, с. 54—55; 207, с. 112].

В еще большей степени недоступен крестьянским массам литературный язык.

Даже хинди, который содержит весьма скромную дозу санскритской лексики и потому может рассматриваться как весьма близкий к городскому просторечию — кхари боли (хиндустани), до сих пор остается непонятен подавляющему большинству деревенского населения данного ареала, и не только восточных его областей, как в приведенных выше примерах, но, как ни парадоксально, также и зоны его опорного диалекта, о чем свидетельствуют данные эксперимента, проведенного в середине 50-х годов в одной из деревень неподалеку от Дели [369; 370].

Однако вопреки очевидной и, как можно считать, бесспорной гетерогенности данного ареала, единственным языком обучения в школе (и, естественно, ликвидации неграмотности) здесь является хинди. Авадхи, брадж, бходжпури и другие по-прежнему рассматриваются как диалекты хинди, и хинди поэтому считается родным языком всего населения данного ареала. Конечно, хинди играет огромную позитивную роль как фактор сплочения, интеграции всех областей данного ареала, население которого приобщается к хинди уже со школьной скамьи. Однако важность хинди как официального языка и языка-посредника не снимает вопроса о значении местных языков в общественной жизни, и прежде всего — в народном просвещении данного ареала.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что первыми на значение местных языков для народного просвещения обратили внимание представители левых сил еще в 40—50-е годы (Рахул Санкритьяян, Шивдансинх Чаухан, Шамшер Синх Нарула). Вопрос о значении местных языков, в том числе, естественно, и для народного просвещения, оживленно обсуждался во время дискуссии, развернувшейся на страницах левой прессы в начале 50-х годов [100, с. 113—126].

Хотя дискуссии 40-х и 50-х годов не имели непосредственного воздействия на позицию правящих кругов, они показали несо-

стоятельность официальной языковой политики, стремившейся всю сложность языковой ситуации в данном ареале свести лишь к проблеме «хинди—урду».

В настоящее время, как и прежде, региональные языки данного ареала не допускаются в сферу народного просвещения. Преподавание ведется на хинди. Исключение составляет лишь майтхили: в 1950 г. правительство штата Бихар разрешило преподавание на майтхили в начальных и средних школах Митхилы, хотя местные власти постоянно чинили препятствия использованию его в школе [399, с. 6]. В 1961 г. численность учащихся, обучавшихся на майтхили, и студентов, изучавших его, превышала 430 тыс. человек, в одном лишь дистрикте Дарбханга — около 55 тыс. человек (более 2700 классов и 4300 учителей) [491, с. 112—113].

Являясь языком так называемого «лингвистического меньшинства» и находясь, таким образом, под защитой комиссара по делам лингвистических меньшинств, майтхили ныне является не только языком обучения в школах Митхилы, т.е. тем языком, на котором учащийся приобщается к знанию на протяжении 10—11 лет, но в ряде школ Бихара также изучается и как обязательный второй язык [337, с. 280].

Хотя для региональных языков данного ареала закрыт доступ в сферу образования, мысль о необходимости ввести преподавание — хотя бы в начальных классах — на наиболее развитых из них все глубже проникает в сознание масс. Об этом пишут в редакции газет многочисленные читатели, об этом говорят в публичных выступлениях общественные деятели. Так, в письме в газету «Амар уджала» один из ее читателей выдвигает предложение о том, что «правительству штата Уттар Прадеш одновременно с направлением в начальные школы преподавателя урду следует назначать также преподавателей браджа, авадхи, бходжпури, чхаттисгархи и других местных языков» [Амар уджала. Агра. 20.02.1973].

Это предложение нередко находит поддержку даже официальных представителей власти на уровне штата. Так, главный министр штата Бихар в августе 1972 г. в ответ на прозвучавшее в ряде выступлений требование ввести бходжпури в качестве языка школьного обучения заявил, что, по его мнению, «нет ничего плохого в том, чтобы сделать местные языки средством обучения в начальной школе. Для детей такое обучение будет простым и доступным» [Арьяварта. Патна. 26.08.1972].

Таким образом, мысль о том, чтобы отвести региональным языкам соответствующее место в системе образования, медленно, но неуклонно пробивает себе дорогу. При этом, однако, хин-

ди не отмечается, а включается в программу обучения как язык, жизненно необходимый и поэтому обязательный для всех школ данного ареала.

Более того, даже Центральный институт индийских языков (ЦИИЯз) в своих рекомендациях, касающихся языка обучения в школе, пишет следующее: «Программа хинди как родного языка должна исходить из стратегии *билингвального обучения* в процессе преподавания стандартного языка (т.е. хинди. — В.Ч.) носителям различных диалектов» [468, с. 35].

И далее, поясняя, что имеется в виду под «стратегией билингвального» обучения в различных районах страны, директор ЦИИЯза Д.П.Паттанаяк пишет, что применительно к хиндиязычному ареалу это означает, что «в первом классе ребенок обучается чтению и письму графикой деванагари, используя известные ему слова и выражения из диалекта. Во втором классе он приобретает навыки употребления разговорной формы стандартного хинди, а в третьем классе — навыки чтения и письма на стандартном хинди» [468, с. 35].

Однако, несмотря на то что необходимость билингвального обучения в школах данного ареала четко осознается не только политиками-энтузиастами местных языков, но и деятелями просвещения, их рекомендации пока остаются благими пожеланиями: в штатах хиндиязычного ареала неукоснительно проводится концепция «единого и неделимого хинди», когда с самых первых дней пребывания в школе обучение ведется исключительно на хинди, хотя «для учащихся многих регионов, входящих в хиндиязычный ареал, овладеть даже разговорно-бытовым, не говоря уже о высокосанскритизованном, хинди бывает так же трудно, как и для тех, чьим родным языком является гуджарати или маратхи» [164, с. 40].

Это обстоятельство, возможно, является одной из причин столь низкого для 80-х годов XX в. уровня грамотности в штатах хиндиязычного ареала. С самого первого часа пребывания в школе учащийся сталкивается с языковым барьером, слыша из уст учителя объяснение на языке, который мало понятен или вообще непонятен ему: прежде чем приступить к азам школьной программы, ему приходится пройти нелегкий путь овладения хотя бы минимальными речевыми навыками на хинди, которые позволили бы ему не только легко и быстро воспринимать материал, но и более или менее связно излагать его и отвечать на вопросы.

Аналогичной позиции правящие круги придерживаются и по отношению к языкам малых народов и этнических групп, проживающих в хиндиязычном ареале (мундари, хо, гонди, курух,

бхили, вагди). Обучение в школах, созданных в районах расселения малых народов Центральной Индии, осуществляется, как правило, на том языке, который провозглашен официальным языком соответствующего штата. «Языком обучения на всех уровнях в большинстве областей распространения хинди, бенгали и ория является соответствующий региональный язык, — пишет, например, американский исследователь Норман Заид, — и нет ничего необычного в том — как не раз доводилось мне видеть в области расселения корку (в Ориссе. — В.Ч.), — что шестилетних ребятишек обучают на том языке, который вряд ли понятен хотя бы одному из них» [548, с. 421—422].

Следует сказать, что отношение к племенным языкам в различных штатах хиндиязычного ареала далеко не однозначное. Если в Бихаре основные письменные языки (сантали, хо, мундари и ораон) используются в качестве средства обучения в начальной школе [391, с. 468], в частности, сентальские дети обучаются на родном языке с использованием графики деванагари, сам же язык сантали находится под защитой комиссара по делам лингвистических меньшинств, а в штате Мадхья Прадеш, как осторожно формулируется в «Ежегоднике», «развитие этих (т.е. племенных. — В.Ч.) языков является одной из важнейших проблем в области образования, с которой приходится сталкиваться правительству штата» [391, с. 621], то в Раджастане, по данным того же документа, «вообще ничего не делается для развития племенных языков, и современная политика в области образования сводится к тому, что в качестве языка обучения здесь повсеместно используется хинди независимо от того, какой язык является родным для учащегося» [391, с. 814].

Иными словами, в отдельных штатах данного ареала языковая политика не всегда учитывает законные лингвистические интересы малых народов и этнических групп, более того, иногда полностью игнорирует их, вводя хинди в качестве основного и единственного языка обучения в школах, расположенных в районах расселения племен.

Положение мало чем изменилось за прошедшие годы, что находит отражение на страницах индийской прессы, которая констатирует, что «со стороны официальных властей не предпринимается никаких усилий для развития языков и культуры племен или для введения начального образования на их языках», в связи с чем до сих пор актуальным остается требование: «давать образование племенам на их языках» [New Age. 25.10.1987].

Хинди в системе образования за пределами хиндиязычного ареала

Хотя подавляющая масса школ с преподаванием на хинди, естественно, расположена в пределах хиндиязычного ареала, однако определенная их часть находится за его пределами, в иноязычных штатах, где, как это ни парадоксально, хинди является языком «лингвистического меньшинства» и как таковой находится под защитой комиссара по делам лингвистических меньшинств.

Значительная часть школ с преподаванием на хинди расположена в штатах индоарийского Севера; гораздо меньше таких школ на дравидийском Юге.

Поскольку носители хинди, живущие за пределами хиндиязычного ареала, — это, как правило, горожане, то и школы с преподаванием на хинди, обслуживающие их детей, располагаются по преимуществу в крупных и малых городах соответствующих областей.

В сельской местности школы с преподаванием на хинди имеются лишь в пограничных с хиндиязычным ареалом штатах, где относительно высок процент сельского населения, причисляющего себя к носителям хинди (Панджаб, Махараштра, Западная Бенгалия), а из несопредельных штатов — лишь в Ассаме, где большинство выходцев из хиндиязычного ареала, главным образом из Бихара и восточной части Уттар Прадеша, заняты на чайных плантациях, т.е. вдали от городских центров данного штата.

Так, в 1960/61 учебном году в Ассаме действовало 33 начальных школы, в которых языком обучения являлся хинди, с общим числом учащихся около 4 тыс. [492, с. 165, 199], и 25 средних школ, где насчитывалось свыше 5 тыс. обучающихся [492, с. 216—217, 240]. Большинство этих школ расположены в Камарупе, Лакхimpуре, Сибсагаре.

В Ориссе функционировало 25 начальных школ и 55 отдельных классов с преподаванием на хинди, а общее число учащихся превышало 5 тыс. человек, и всего 2 средние школы, где обучалось только 302 человека [492, с. 201, 242].

Большая часть школ с преподаванием на хинди в Ориссе сосредоточена в основном в трех городах: Самбальпуре (11), Сундаргархе (9) и Болангире (3).

Пожалуй, наибольшее количество школ с преподаванием на хинди приходится на Западную Бенгалию — штат, сопредельный с Бихаром. Это объясняется не только интенсивной миграцией из Бихара и восточных областей Уттар Прадеша в крупнейшие города Западной Бенгалии, но и, главное, тем, что значительная часть тех, кто в качестве родного назвал хинди или один из ре-

гиональных языков Бихара, прежде всего — майтхили, проживает в западных дистриктах штата, основным населением которого являются бенгальцы. Так, на 1960/61 учебный год в Западной Бенгалии насчитывалось 536 начальных школ и 178 отдельных классов, а также 123 средних школы и 307 отдельных классов, преподавание в которых велось на хинди. Общее число учащихся этих школ и классов составляло цифру, далеко превышающую 120 тыс. человек [492, с. 173—174, 202, 243] (из них на долю начальных и неполных средних школ и классов приходилось примерно поровну — по 60 с небольшим тыс. человек).

Подавляющая масса таких школ (и, естественно, учащихся) располагалась в Калькутте, политическом, экономическом и культурном центре штата, и ее пригородах (Ховре и Хугли), а также в сопредельных с Бихаром сельских дистриктах. Так, если в Калькутте располагалось свыше 200 (156 начальных и 45 неполных средних) школ, в Ховре — 65 и 12, а в Хугли — соответственно — 33 и 6, то в Джальпаигури — 95 и 8, западном Динаджпуре — 23 и 27 и т.д.

Второе после Западной Бенгалии место по количеству школ с преподаванием на хинди занимает штат Махараштра, где традиционно были сильны позиции хинди и особенно урду. В 1960/61 учебном году здесь насчитывалось 316 начальных школ и 84 отдельных класса с общим числом обучающихся свыше 70 тыс. человек, а также 112 средних школ и 565 отдельных классов, в которых обучалось около 390 тыс. человек [492, с. 185, 208, 231, 248].

Основная масса школ с преподаванием на хинди располагается в четырех городах штата: в крупнейшем экономическом, политическом и культурном центре Индии — столице штата Бомбее (66 начальных и 24 неполных средних школы), в Нагпуре — городе, который издавна известен как один из оплотов хинди (76 начальных и 20 средних), в Бхандаре (76 начальных и 7 средних) и Амаравати (23 начальных и 9 средних). Отдельные школы с преподаванием хинди имеются также в ряде других городов штата (Пуна, Аурангабад, Вардха и т.д.).

Одно из последних мест по количеству школ с преподаванием на хинди занимает Гуджарат. Несмотря на то что Гуджарат является сопредельным с «поясом хинди» штатом, где традиционно сильны позиции хинди, здесь, по данным на 1960/61 учебный год, насчитывалось всего лишь 30 начальных школ, в которых обучалось около 8,5 тыс. человек, и 7 средних школ с общим числом обучающихся немногим более 2 тыс. человек [492, с. 192, 207—208, 248]. Основная часть таких школ, а именно 20 (18 начальных и 2 средних), располагались в крупнейшем промышленном центре штата — городе Ахмедабаде.

Гораздо меньше школ с преподаванием на хинди насчитывается на дравидийском Юге. По существу, речь идет о единичных школах, представленных к тому же не во всех штатах.

Пальму первенства по числу таких школ на Юге в 1960/61 учебном году занимал штат Андхра Прадеш: здесь насчитывалось 39 начальных школ, где обучалось свыше 10 тыс. человек, и 45 средних, в которых количество учащихся превышало 16 тыс. человек [492, с. 178, 203—204, 244—245]. Значительная часть школ, а именно 13, располагалась в столице штата — Хайдарабаде.

В остальных штатах количество школ с преподаванием на хинди в 1960/61 учебном году исчислялось единицами: в Карнатаке (в те годы он еще назывался Майсуром) пять начальных и четыре средних с общим числом обучающихся, едва превышающим 1,5 тыс. человек; в Тамилнаде (в те годы — Мадрас) и того меньше: всего лишь три начальных и восемь средних школ, в которых обучалось около 3 тыс. человек [492, с. 180—182; 205—206, 246—247].

В данном ареале школы с преподаванием на хинди в основном концентрируются в столицах соответствующих штатов: для Карнатаки это Бангалор, для Тамилнада — Мадрас.

В Керале в 1960/61 учебном году не было ни одной школы, где бы преподавание велось на хинди.

Число школ с преподаванием на хинди в иноязычных штатах Индии постепенно возрастает, поскольку увеличиваются контингенты хиндиязычного населения в других штатах Индии. Об этом процессе свидетельствуют, в частности, данные на 1978 г. (см. табл. 24).

Этим, однако, не ограничивается значение хинди для системы народного образования, поскольку в ряде штатов и союзных территорий он находит применение в качестве вспомогательного языка обучения. К числу административно-политических единиц, где хинди находит применение как вспомогательный язык обучения, относятся 11 штатов (Андхра Прадеш, Ассам, Гуджарат, Джамму и Кашмир, Махараштра, Манипур, Карнатака, Орисса, Пенджаб, Тамилнад, Западная Бенгалия) и одна союзная территория (Гоа, Даман и Диу) [324, с. 44].

Роль хинди в системе народного образования, естественно, не может быть сведена лишь к числу школ, где он используется как язык обучения, хотя этот фактор и является решающим. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что хинди находит широчайшее применение в системе образования в качестве второго языка, изучение которого является обязательным.

Следует сказать, что в 1970/71 учебном году в качестве вторых использовались 23 языка. Через десятилетие их число возросло

Количество школ с преподаванием на хинди
за пределами хиндиязычного ареала,
1978 г., см. [285, с. 66—68]

Штаты/ союзные территории	Количество школ	Степень обучения			
		начальная	неполная средняя	средняя	полная средняя
I. Индоарийский Север					
Махараштра	366	135	197	16	
Панджаб	318	179	160	64	
Западная Бенгалия	448	59	54	69	
Ассам	175	49	15	—	
Гуджарат	67	—	25	—	
Орисса	29	28	17	6	
Чандигарх	35	13	2	1	
Гоа, Даман и Диу	1	—	—	—	
II. Дравидийский Юг					
Андхра Прадеш	76	99	42	2	
Карнатака	13	21	12	1	
Тамилнад	6	21	15	3	
Андаманские и Никобарские о-ва	97	98	—	13	
Керала	3	1	1	2	
III. Северо-Восточная Индия					
Манипур	1	1	4	1	
Мегхалая	2	1	5	—	
Мизорам	—	2	—	—	
Нагаленд	4	1	3	—	
Трипура	1	—	—	—	

до 37 [285, с. 40]. Среди тех языков, которые находят применение в качестве вторых языков обучения, представлены языки различных категорий: наряду с конституционно признанными языками, такими, как санскрит, урду, тамили, бенгали и др., здесь представлены языки малых народов главным образом Северо-Восточной Индии (ангами, гаро, кхаси и т.п.), отчасти классические (санскрит, пали) и современные иностранные языки — восточные (арабский и персидский) и западные (португальский и французский) [285, с. 41].

Однако основное значение среди всех этих языков имеют, естественно, хинди и английский, поскольку они изучаются в

подавляющем большинстве штатов и союзных территорий Индии, и количество школ, использующих эти языки в качестве вторых, исчисляется многими десятками тысяч. Так, если урду как второй язык используется примерно в 2 тыс. школ, расположенных в 9 штатах, а маратхи — в немногим более 1,5 тыс. школ, расположенных в 3 штатах, то хинди как второй язык находит применение в 90 900 школ, разбросанных по 28 штатам и союзным территориям, а английский и того более: в качестве второго языка он изучается в 167 569 школах 26 штатов и союзных территорий Индии [285, с. 41].

В самом хиндиязычном ареале хинди как обязательный второй язык изучается учащимися, чей родной язык — иной, чем хинди.

Изучение английского и хинди как обязательных вторых языков в школах, расположенных в иноязычных штатах, обычно начинается с V или VI класса и продолжается до конца курса средней школы. Однако в ряде мест — это главным образом штаты и союзные территории Юго-Восточной Индии (Аруначал Прадеш, Манипур, Мегхалая, Мизорам, Нагаленд), — а также на Андаманских и Никобарских о-вах и в Гоа, Дамане и Диу — изучение хинди как второго языка начинается с первого года обучения, завершаясь в начальной школе либо продолжаясь до конца курса средней школы [285, с. 100—102].

В иноязычных штатах и союзных территориях хинди изучается как один из предметов наряду с такими, как арифметика, естествознание и др. Изучение хинди вводится в неполной средней школе и продолжается в средней.

Благодаря тому, что хинди в той или иной степени изучается в большинстве неполных средних и средних школ страны, у учащегося уже в школьные годы закладываются основы билингвизма «родной язык — язык хинди», которые практически выражаются в возможности понимать и использовать простейшие фразы на хинди. Однако в связи с тем, что, как было сказано выше, из каждой сотни учащихся, пришедших в первый класс, до порога высшей школы дотягивают лишь двое-трое, то и эта простейшая форма билингвизма оказывается доступной лишь весьма ограниченному числу подростков — выпускников средней школы.

В отличие от английских школ, которые, как было отмечено выше, располагаются в городах, школы, где английский преподается как второй язык, располагаются преимущественно в сельской местности и в этом плане несколько не отличаются от тех, где в качестве второго языка изучается хинди. Так, в конце 70-х годов из 97 тыс. начальных школ, где в качестве второго

языка изучается английский, свыше 85 тыс. были расположены в деревне и лишь около 12 тыс. — в городе; из 36 тыс. школ, в которых как второй язык изучается хинди, свыше 34 тыс. располагались в деревне и лишь немногим более 1,5 тыс. школ в городе (см. табл. 25).

Таблица 25

Количество школ с изучением хинди и английского
в качестве вторых языков, 1978 г., см. [285, с. 105]

Разряды школ \ Изучаемые языки	Хинди		Английский	
	в деревне	в городе	в деревне	в городе
Начальные	34 626	1 653	85 373	11 991
Неполные средние	21 072	6 752	26 480	5 684
Средние	2 415	989	2 339	973
Полные средние	41	185	514	503
Смешанные школы				
неполная средняя				
+ начальная	5 360	3 345	3 329	1 843
средняя + неполная				
средняя + начальная	916	275	2 676	907
полная средняя				
+ неполная средняя	298	463	1 623	764
полная средняя				
+ неполная средняя				
+ начальная	56	185	1 178	1105

В 1970/71 учебном году в качестве третьих языков школьного обучения в Индии изучалось в общей сложности 24 языка. К концу 70-х годов их число возросло до 27 [285, с. 41—42]. Среди них значились языки различных языковых семей.

Однако основными языками, которые изучаются в качестве третьих, являются хинди, английский и санскрит. Если, к примеру, ассами в качестве третьего языка используется в 175 школах, расположенных в 3 штатах, а карен и кхаси и того меньше — каждый в 3 школах одного штата, то хинди находит применение в 24 штатах с общим числом 37 891 школа, а английский — в 16 штатах с суммарной численностью в 61 379 школ [285, с. 43].

Следом за ними идет санскрит, который в качестве третьего языка изучается в 26 582 школах 20 штатов.

Как показала практика, в хиндиязычном ареале учащиеся, чей родной язык — хинди, в качестве третьего обычно изучают санскрит, а учащиеся, родным языком которых является иной язык, в качестве третьего изучают хинди.

Проживающие же в иноязычных областях учащиеся, родной язык которых — хинди, в качестве третьего изучают язык соответствующего штата [324, с. 64—65].

Изучение хинди как третьего языка вводится с III—IV либо чаще — с V или VI класса, когда второй язык уже включен в программу, и продолжается до завершения курса неполной средней или средней школы, т.е. в течение 4—5 либо 6—8 лет, что позволяет учащемуся в какой-то степени овладеть навыками чтения и письма, а также иметь в запасе несколько стереотипных фраз хинди.

Столь невысокая эффективность изучения хинди как третьего языка во многом объясняется тем, что количество учебных часов, отводимых на его изучение, резко ограничено, а отметки, полученные по третьему языку, не влияют на перевод ученика в следующий класс. Более того, в ряде штатов, как, например, в Тамилнаде, изучение третьего языка не является обязательным.

Наряду с тем, что хинди находит широкое применение как второй и третий язык, в ряде мест, а именно в средних или полных средних школах 3 штатов и 2 союзных территорий, он может изучаться также как факультативный предмет по выбору самого учащегося. Длительность такого курса — от 2 до 6 лет.

Количество изучающих хинди как факультативный предмет, однако, невелико и никак не может повлиять на его положение в современной Индии.

Таким образом, приобщая к основам знания, индийская школа совершенствует знание хинди у учащихся, для которых он является родным языком, и вырабатывает определенные речевые (устные и письменные) навыки у тех, для кого он родным не является. Навыки владения хинди, выработанные школой, служат основой закрепления и расширения функционирования хинди как языка-посредника.

Вместе с тем в еще большей степени индийская школа, как было показано выше, способствует сохранению и расширению позиций английского языка, и хотя число школ с обучением на английском языке в стране невелико, это во много раз перекрывается количеством школ, где английский изучается как второй или третий язык: количество таких школ почти вдвое превышает число школ, в которых как второй или третий язык преподается хинди. Таким образом, повышая общий уровень грамотности населения, индийская школа воспроизводит и закрепляет билингвизм, одним из компонентов которого является хинди.

Языковая политика в современной Индии направлена на то, чтобы обеспечить постепенный переход на индийские языки во всех сферах общественной жизни, поэтому в качестве одного из важных компонентов она включает заранее планируемый билингвизм, который вырабатывается через систему народного просвещения, когда в процессе обучения наряду с родным языком учащийся овладевает минимум одним из нескольких специально отобранных для этой цели языков — индийских и иностранных [285, с. 1—2].

В полном соответствии с этим принципом в неполных средних школах (V—VIII либо IX классы) данного ареала в дополнение к хинди вводится как предмет изучения также английский язык.

Следует заметить, что английский все еще занимает весьма прочные позиции в системе народного просвещения Индии — и не только как второй язык. В Индии насчитывается несколько тысяч школ, преподавание в которых с самого начала ведется на английском языке.

Прежде всего к этому разряду относятся те англоязычные школы, в которых английский является родным языком учащихся и как таковой находится под защитой комиссара по делам лингвистических меньшинств. Такие школы с определенной долей условности можно назвать «полностью англоязычными». Основной контингент этих школ — это дети представителей англо-индийской общины, которым, согласно Конституции страны, предоставлены гарантии в отношении их родного языка. Конечно, определенную, иногда весьма значительную часть учащихся таких школ, нередко доходящую до 40% и более, составляют дети тех родителей, которые, являясь индийцами по происхождению и языку, хотели бы дать своим чадам хорошее знание английского языка [391, с. 661].

Для учащихся таких школ (по крайней мере для большинства из них) английский является и родным, и функционально первым языком, хотя все они, надо полагать, в жизни являются билингвами, в той или иной мере владея наряду с английским также языком того народа, в среде которого они живут, будь то малаяяльцы, тамилы, каннарцы, носители телугу или какого-либо другого языка Индии.

Много таких школ, где английский является родным языком учащихся, т.е. полностью англоязычных, в середине 60-х годов приходилось на долю южноиндийских штатов. Так, в Тамилнаде к началу 60-х годов насчитывалось 45 англоязычных школ всех ступеней, в которых обучалось свыше 19 тыс. учащихся [391,

с. 667]; в штате Майсур (ныне Карнатака) на тот же период имелось 18 одних только начальных школ для англоязычных детей, а число учащихся в них превышало 6 тыс. человек, причем половина таких школ и почти треть учащихся приходились на долю одного лишь города — Бангалора [492, с. 185, 207]; в штате Андхра Прадеш — 13 одних только начальных школ с общим числом учащихся почти в 2,5 тыс. человек, причем большая часть и школ (8) и учащихся (ок. 1,8 тыс.) приходилась на долю одного лишь района — города и дистрикта Хайдарабад [492, с. 179].

Наиболее низкие в этом плане показатели были в штате Керала, где на 1960/61 учебный год насчитывалось всего лишь 10 начальных полностью англоязычных классов, в которых обучалось немногим более 400 учащихся, 3 средние школы и 19 отдельных классов, где насчитывалось около 1,8 тыс. учащихся [492, с. 180, 223, 246].

Хотя значительная часть таких школ сосредоточена в южно-индийских штатах, первое место по числу полностью англоязычных школ неизменно удерживает штат Махараштра: в 1960/61 учебном году здесь имелось 40 начальных полностью англоязычных школ с более чем 8,6 тыс. учащихся и 174 средних школы, где обучалось свыше 275 тыс. человек, причем, заметим кстати, подавляющая часть таких школ (и, естественно, учащихся в них) приходилась на долю всего лишь двух городов штата: Бомбея (7 начальных и 135 средних школ с общим числом учащихся свыше 230 тыс. человек) и Пуны (20 начальных и 14 средних школ с общим числом учащихся около 10 тыс. человек) [492, с. 187, 222—223, 248].

Гораздо меньшим числом полностью англоязычных школ располагали другие штаты Северной Индии. Так, в штате Ассам имелось 44 начальных полностью англоязычных школы и около 1,3 тыс. учащихся в них [492, с. 167, 199] (причем все они были сосредоточены в одном лишь дистрикте — Северный Качар).

В штате Гуджарат насчитывалось всего лишь 5 начальных и 7 средних школ с 3,3 тыс. учащихся в них [492, с. 191, 234, 248], а в Ориссе — и того меньше: здесь имелась всего лишь одна полностью англоязычная начальная школа с 76 учениками, располагавшаяся, кстати, в приморском курортном городке Пури [492, с. 173, 201].

Однако, как показывает изучение докладов комиссара по делам лингвистических меньшинств, таких школ, в которых английский являлся бы родным языком учащихся (т.е. полностью англоязычных), нет ни в одном из штатов хиндиязычного ареала. что, по-видимому, объясняется тем, что прослойка англо-индийского населения здесь крайне незначительна.

Другую категорию англоязычных школ составляют те школы с обучением на английском языке, где обучаются дети, для которых английский язык не является родным: родной для них — один из индийских языков, английский же, функционирующий как язык обучения, представляет собой не более как второй, усвоенный язык. Иными словами, учащиеся таких школ с самого начала поставлены в условия билингвизма, когда усвоенный язык становится функционально первым (по крайней мере в стенах школы), а родной передвигается в разряд функционально вторых языков. Такие школы в отличие от первых условно можно назвать «преимущественно, или частично, англоязычными».

Как отмечают исследователи, несмотря на жаркие споры, которые ведутся по вопросу об английском языке в политических и научных кругах страны, число школ, где обучение ведется полностью на английском языке (*English medium schools*), за годы существования независимой Индии возросло в 17 раз [468, с. 49].

В отличие от школ с обучением на хинди английские школы — это, как правило, типично городское явление: расположенные в городских центрах, преимущественно крупных, эти школы обычно имеют высококвалифицированные кадры и современную материальную базу.

Численность таких школ относительно велика, и они имеются во всех штатах и союзных территориях. Пальму первенства по числу таких школ держит штат Махараштра, где сосредоточено 1100 таких школ, т.е. свыше $\frac{1}{8}$ части английских школ Индии (449 начальных, 285 неполных средних, 315 средних и 61 полная средняя). Следом за ним идут Бихар (свыше 700), Карнатака (свыше 700), Гоа, Даман и Диу (около 650), Аруначал Прадеш (около 650), Андхра Прадеш (более 600), Нагаленд (около 400), Керала (свыше 350), Дели (около 350) и т.д.

Весьма немногочисленны английские школы в основных штатах хиндиязычного ареала (за исключением Дели, Бихара и Раджастанхана): в Мадхья Прадеше их около 100, в Уттар Прадеше — 66, в Харьяне — 19.

Примерно на том же уровне находятся и штаты, расположенные на востоке Индии: в Ориссе имеется 21 английская школа, в Западной Бенгалии — всего лишь 19.

Наименьшее число английских школ — в штате Трипура (7) и в ряде союзных территорий (за исключением Дели, Аруначал Прадеша и Гоа, Даман и Диу): на Андаманских и Никобарских о-вах — 8, на Лакшадвипе — 4, в Дадра и Нагархавели — только 2 [285, с. 63—65].

Для системы народного просвещения в Индии разработана и постепенно реализуется «формула трех языков», или «трех-

язычная формула». Согласно этой формуле, каждый учащийся в процессе обучения должен освоить три языка: язык данного штата (если это не хинди), хинди и английский. Учащиеся хиндиязычных штатов наряду с хинди и английским должны изучать также один из основных дравидийских языков (тамили, телугу, каннада или малаялам). Изучение третьего языка вводится в средней школе с IX класса и продолжается три или четыре года, по XI или XII класс включительно — в зависимости от типа школы.

Претворение в жизнь «формулы трех языков», однако, сталкивается со многими трудностями, прежде всего — с острым недостатком преподавателей по индийскому, в основном дравидийским, языкам, которые должны изучаться в школе. Так, по данным на конец 60-х годов, т.е. почти десять лет спустя после введения «формулы трех языков», для претворения ее в жизнь в одном лишь штате Уттар Прадеш не хватало 20 тыс. преподавателей, которые могли придать формуле законченный вид путем использования в обучении третьего ее компонента — «индийского языка, иного, чем хинди», т.е. одного из основных дравидийских языков [400, с. 44, 47]. Усилия правительства и общественности в этом плане никаких более или менее ощутимых результатов не дали.

Однако даже если, предположим, департаменты образования каким-то чудом смогли бы обеспечить все штаты хиндиязычного ареала необходимым количеством преподавателей названной категории, дело вряд ли могло бы сдвинуться с мертвой точки, так как ни учащиеся, ни их родители не видят смысла в изучении языка, знание которого никогда в жизни им не потребует.

«Хиндиязычные штаты совершенно правы, когда в свое оправдание заявляют, что у их малолетних учеников нет адекватной мотивации для изучения какого-либо другого индийского языка, — пишет в этой связи один из видных индийских публицистов. — Странно, если бы их заставляли изучать язык, совершенно им ненужный, — лишь во имя принципа „сбалансированности трудностей“ для всех школьников Индии... Нерационально заставлять учащихся изучать языки ради политической формулы, для решения проблем, создаваемых взрослыми дядями» [400, с. 18].

Поэтому в хиндиязычном ареале «трехязычная формула» по существу сведена к «формуле двух языков», когда наряду с хинди в средней школе вводится преподавание английского. Правда, в некоторых школах все-таки вводится изучение третьего языка, однако этим языком в подавляющем большинстве случаев является классический язык древности — санскрит, который для

многих индийских языков, в том числе и для хинди, выступает как своеобразная «лексическая кладовая».

Нет поэтому ничего удивительного в том, что все чаще и настойчивее звучат голоса тех, кто «ратует за отмену некогда широко разрекламированной „формулы трех языков" и замену ее „двуязычной формулой", которая сводилась бы к хинди и одному из других индийских языков» [The Statesman. 23.04.1989].

Применительно к массовой системе просвещения в хинди-язычном ареале, когда обязательным является лишь начальное образование, такая «двуязычная формула» представляется вполне обоснованной.

Хинди в системе ликбеза

Наряду со школой в Индии активно действует и система ликбеза.

Работа по ликвидации (точнее было бы, вероятно, сказать — сокращению) неграмотности в Индии, если рассматривать ее в плане педагогическо-просветительском, является как бы продолжением существующей системы образования, выступая как свидетельство ее недостаточной эффективности. Работа по сокращению неграмотности в условиях Индии имеет общегосударственное значение и наряду со школой с полным основанием может рассматриваться как одна из важнейших сфер функционирования языка, тем более что перед обеими этими сферами социального функционирования языка — и перед школой, и перед системой ликбеза — стоят аналогичные (или, во всяком случае, очень близкие) языковые проблемы, особенно в таком ареале, как хиндиязычный.

Надо сказать, что за годы независимости Индия добилась значительных успехов в народном просвещении вообще (о чем было сказано выше) и в деле решения такой проблемы, как массовая неграмотность населения, в частности.

Успехи эти проявляются прежде всего в значительном повышении уровня грамотности населения. Так, если по данным переписи 1941 г., т.е. за 6 лет до завоевания независимости, уровень грамотности в Индии равнялся 14,6% (иными словами, из каждой сотни жителей 85—86 человек были неграмотными), а в 1951 г., т.е. в первые годы независимого существования страны, он был равен 16,6%, то уже к 1961 г. он составлял 24%, в 1971 г. поднялся до 29,4%, а в 1981 г. возрос до 36,23% [383, с. 48].

Еще более значительных успехов добилась Индия в течение последующего десятилетия: к 1991 г. уровень грамотности в стране составлял уже 52,11% [438а, с. 423].

Хотя переписи последних десятилетий зафиксировали значительный прогресс Индии в деле сокращения неграмотности, тем не менее, как отмечает один из отечественных исследователей, «уровень грамотности, достигнутый Индией... никак нельзя назвать высоким, тем более что, вполне вероятно, часть жителей страны, не умеющих читать и писать, отнесла себя к грамотным по соображениям престижа» [71, с. 17].

Если брать в абсолютных цифрах, то количество грамотных по стране возросло с 60,1 млн. человек в 1951 г. до 275,5 млн. в 1981 г., причем едва ли не половину общего числа грамотных составляли лица, относящиеся лишь к одной, наиболее продуктивной возрастной группе (от 15 до 35 лет): численность грамотных в этой возрастной группе по стране возросла с 25,4 млн. до 110,1 млн. человек [384, с. 68]. В 1991 г. число грамотных достигло рекордной цифры — 352 млн. человек [438а, с. 423].

Однако, несмотря на весьма впечатляющие успехи в области народного просвещения, доля неграмотного населения все еще остается чрезвычайно высокой.

«Один из парадоксов в этой сфере, — говорится в одном из справочников по Индии, — заключается в том, что по мере роста уровня грамотности в стране неуклонно возрастает и абсолютное число неграмотных» [438, с. 389].

Даже по опубликованным официальным данным, почти половина населения страны до сих пор остается неграмотной, — феномен, в основе которого лежит массовая и всевозрастающая неграмотность в первую очередь среди взрослого населения страны, как среди городских жителей, так особенно и среди жителей деревни.

Несмотря на успехи в области просвещения, абсолютное число неграмотных в Индии растет непрерывно и такими темпами, которые иначе как стремительными не назовешь. Так, за первое 20-летие существования независимой Индии (с 1951 по 1971 г.) численность неграмотных по стране возросла на 90 млн. человек — с 298 до 388 млн. [414, с. 211], а за последующее десятилетие (с 1971 по 1981 г.) число неграмотных увеличилось еще более чем на 50 млн. человек и к началу 1981 г. составляло цифру в 424,3 млн. человек [383, с. 48].

Если рассматривать проблему с учетом более длительной ретроспективы, то картина получится еще более впечатляющей (см. табл. 26).

Численность населения Индии,
число грамотных и неграмотных (в млн. человек)
в период между 1901 и 1981 гг.*,
см. [521; The Economic Times. 20.01.1989]

Годы	Население	Грамотных	Неграмотных	% грамотности
1901	233,1	12,6	222,5	5,3
1911	248,2	14,7	233,5	5,9
1921	246,7	17,7	229,8	7,2
1931	273,4	26,0	247,4	9,5
1941	312,0	50,2	261,8	16,1
1951	353,1	58,9	294,2	16,7
1961	428,1	102,6	323,5	24,0
1971	533,3	157,3	376,2	29,3
1981	665,3	241,0	424,3	36,2

* Кроме Ассама. Численность грамотных и неграмотных за период с 1901 по 1941 г. приводится по Индии до ее раздела.

Таким образом, делает вывод та же газета, «несмотря на рост уровня грамотности, общая численность неграмотных не сократилась. Более того, в период между 1901 и 1981 гг. с 222 млн. человек она возросла до 424 млн., т.е. почти удвоилась» [The Economic Times. 20.02.1989].

Согласно данным переписи 1991 г., численность неграмотных составляла 324 млн. человек [438а, с. 423], но это только среди лиц в возрасте свыше 7 лет (отсюда и столь высокий процент грамотности). Если же брать в расчет все население Индии, то число неграмотных сразу же возрастает до 491,8 млн. человек, а процент грамотности соответственно падает до 41,7%. На основе этого делается неутешительный вывод о том, что Индия конца 80-х годов «является более неграмотной, чем Индия 1947 г. Процент грамотности в Индии ныне ниже, чем в любой из стран Юго-Восточной Азии» [New Age. 02.09.1988].

Достаточно сказать, что по уровню грамотности даже среди развивающихся стран Индия занимает 59-е место [New Age. 04.09.1988].

Как заявил в 1964 г. министр образования Индии, «совершенно удручающим является тот факт, что из общей массы неграмотных по всему миру... 37% их численности приходится на Индию» [282, с. 370].

В частности, в составе возрастной группы от 15 до 44 лет, которая составляет основную рабочую силу страны, на начало 80-х годов насчитывалось 144 млн. неграмотных, или 67,4% к

общему числу лиц, входящих в данную возрастную группу [421, с. 21].

По данным Всемирного банка, количество неграмотных в Индии, входящих в возрастную группу от 15 до 19 лет, составляет более половины (54%) общего числа неграмотных указанной возрастной группы во всем мире [Link. 12.12.1986].

Зная эти цифры, невольно чувствуешь грустную иронию в словах известного индийского публициста: «Перед этим необозримым океаном неграмотности, окружающим нас, все наши жаркие баталии по языковым проблемам выглядят не более как жалкая перебранка о том, на каком языке нам оставаться неграмотными» [400, с. 15].

Уровень грамотности существенно различается в различных штатах и союзных территориях Индии. Наиболее высокий уровень грамотности, по данным переписи 1991 г., отмечен в южноиндийском штате Керала, где он составлял 90,59%; самый низкий — в штате Бихар, где уровень грамотности равнялся 38,54% (а двадцатью годами раньше, в 1971 г., он был равен всего лишь 20,0%), см. [438а, с. 425].

Что касается хиндиязычного ареала, то, несмотря на прогресс, достигнутый за годы независимости, уровень грамотности здесь пока еще остается весьма невысоким. Так, в 1981 г. самый низкий в данном ареале уровень грамотности был отмечен в Раджастане — 24,05%; в Бихаре он составлял 26,01%, в Уттар Прадеше — 27,4, в Махья Прадеше — 27,82%, т.е. в каждом случае этот процент был ниже, чем показатель грамотности на национальном уровне. В Харьяне он приближался к национальному уровню, составляя почти 36%. И лишь в двух административных единицах превосходил национальный уровень, а именно в Химачал Прадеше, где он составлял почти 42%, и, естественно, в союзной территории Дели, где он превышал 60% — самый высокий уровень грамотности применительно к данному ареалу [438, с. 389] (см. табл. 27).

К 1991 г. показатели грамотности здесь существенно возросли, однако только в Дели и двух штатах — Харьяне и Химачал Прадеше — они превысили национальный уровень.

Однако если взглянуть на все это с другой стороны, то придется констатировать, что уровень неграмотности здесь остается еще чрезвычайно высоким. Так, в 1981 г. самый высокий процент неграмотных был отмечен в Раджастане (75,95%), за ним следовал Бихар (73,99%), Уттар Прадеш (72,6%) и т.д.

Если выразить все это в цифрах, то общее число неграмотных по данному ареалу в 1981 г. составляло 208,9 млн. из 290,6 млн. человек населения, проживавшего в штатах хиндиязычного ареала [310, с. 120—123] (см. табл. 28).

**Динамика грамотности в хиндиязычном ареале,
1961—1981 гг., 1991 г.**

Штаты/ союзная территория	Годы			
	1961	1971	1981	1991*
Уттар Прадеш	17,6	21,6	27,4	41,71
Бихар	18,4	20,0	26,01	38,54
Мадхья Прадеш	17,1	22,0	27,82	43,45
Раджастан	15,2	18,8	24,05	38,81
Харьяна**	—	26,7	35,84	55,33
Химачал Прадеш	17,1	31,3	41,94	63,54
Дели	52,7	56,7	61,06	76,09

* Данные за 1991 г. взяты из Справочника, см. [438а, с. 425].

** Штат Харьяна был создан в 1966 г.

Таблица 28

**Данные об уровне грамотности
в хиндиязычном ареале, 1981 г.**

Штаты/ союзная территория	Численность населения	Из них грамотных		Из них неграмотных	
		численность	%	численность	%
Бихар	69 823 154	18 163 410	26,01	51 659 744	73,99
Мадхья Прадеш	52 138 467	14 504 202	27,82	37 634 265	72,18
Раджастан	34 108 292	8 203 670	24,05	25 904 622	75,95
Уттар Прадеш	110 885 874	30 383 715	27,40	80 502 159	72,60
Харьяна	12 850 902	4 605 649	35,84	8 245 253	64,16
Химачал Прадеш	4 237 569	1 777 201	41,94	2 460 368	58,06
Дели	6 196 414	3 783 611	61,06	2 412 803	38,94
Итого	290 240 672	81 421 458		208 821 114	

Показатели грамотности существенно изменились здесь к 1991 г., однако общее число неграмотных по-прежнему составляет весьма внушительные цифры.

Среднестатистические данные, однако, нивелируют разницу в уровне грамотности между городским и деревенским населением данного ареала. Для расположенных здесь крупных и мелких городов, где, по переписи 1981 г., проживало до 20% населения, процент грамотности выше приведенных цифр; для деревни же, где живет подавляющая масса населения соответствующих шта-

тов (на 1981 г. — свыше 80% населения таких штатов, как Бихар и Уттар Прадеш), процент грамотности значительно ниже. Так, в том же Раджастане в 1981 г., при среднестатистическом 24,05%, уровень грамотности в городе был равен 50,8%, в деревне — всего лишь 16,4%. В Бихаре (при среднестатистических 26,01%) в городе он равнялся 51,8%, в деревне — 22,3%, в Уттар Прадеше (при средних 27,4%) — соответственно 45,9 и 23,3% и т.д. [310, с. 120—123].

Кроме того, среднестатистические данные, приводимые в переписях, нивелируют огромную разницу в уровне грамотности среди мужского и женского населения данного ареала. Так, если в городе уровень грамотности среди мужчин в 1951 г. составлял 50,5%, а среди женщин 19,1%, то в деревне он был равен соответственно 17,1 и 2,0%. Перепись 1981 г. зарегистрировала по Уттар Прадешу, в частности, что если среди мужчин в городе грамотность составляет 54,44%, а в деревне 35,4%, то среди женщин соответственно — 35,82 и 9,86%.

Уровень грамотности в 1991 г., как показано выше, был равен 52,11%, однако среди мужчин он был значительно выше — 63,86%, среди женщин — значительно ниже: 39,42% [438а, с. 423].

Сохраняющаяся до сих пор массовая неграмотность в Индии является одним из факторов, препятствующих прогрессу страны во всех сферах жизни: экономической, социальной, политической.

Поэтому первостепенное значение приобретает работа по сокращению, а в перспективе — и полной ликвидации неграмотности в стране в кратчайшие исторические сроки.

«Ликвидация массовой неграмотности, — говорилось в директивном документе „Национальная политика в сфере образования“, принятом в 1968 г., — необходима не только для расширения участия [населения] в работе демократических институтов и ускорения [реализации] программ по производству продукции, особенно в сельском хозяйстве, но и для ускорения темпов национального развития в целом» [414, с. 208].

Проблема ликвидации неграмотности в Индии привлекла к себе внимание и международной общественности.

Необходимость распространения грамотности среди взрослого населения Индии была подчеркнута на семинаре стран Юго-Восточной Азии, проходившем в 1949 г. в Майсуре [414, с. 205], и на конференции стран Британского содружества, созванной в 1952 г. в Дели [535, с. 1—2], и ряде других международных форумов: в Монреале (1960 г.), Риме (1962 г.), в Тегеране (1965 г.), Токио (1972 г.) [282, с. 375; 421, с. 3].

Усилия общества по ликвидации неграмотности

Повышение уровня грамотности среди населения Индии достигается путем усилий общества, направленных на более полный охват детей школьного возраста и сокращение отсева учащихся, особенно в начальной школе, с одной стороны, и посредством мер по сокращению числа неграмотных среди взрослого населения страны — с другой.

Следует особо подчеркнуть, что ликвидация неграмотности сразу после достижения независимости стала одной из основных забот правительства страны. Так, уже в 1948 г. был создан комитет для разработки Программы образования для взрослых. В эти же годы в Индии была развернута программа так называемого «социального образования», которая позже стала составной частью Программы коммунального развития. В последующие годы был развернут ряд общегосударственных программ: Программа обучения фермеров, Национальная программа функциональной грамотности, Программа неформального обучения [421, с. 23].

Работа по ликвидации неграмотности получила новый импульс, когда 2 октября 1978 г. в Индии была начата Национальная кампания по обучению взрослых, которая расценивается как «начало фронтального наступления на неграмотность» [438, с. 536].

До 1976 г. вопросы народного просвещения, в том числе и ликбеза, являлись исключительной прерогативой штатов.

В 1976 г. положение в сфере управления системой образования кардинально меняется: решением парламента ответственность за положение дел в системе образования (в том числе, естественно, и ликбеза) наряду с правительствами штатов возлагалась также и на Центральное правительство страны.

Наряду с официальными учреждениями большую работу по сокращению неграмотности среди взрослого населения страны проводят также различные добровольные организации.

Вместе со штатными сотрудниками различных учреждений системы ликбеза в осуществлении планов по сокращению неграмотности среди взрослого населения заняты также учителя и учащиеся старших классов.

Наряду с постоянно действующими центрами по ликвидации неграмотности периодически формируются временные отряды и лагеря. Так, в 50-е годы в Дели был сформирован «Караван по обучению взрослых», который, двигаясь от деревни к деревне, проводил работу по распространению грамотности среди крестьян [414, с. 205].

Таблица 29

Прогресс в деле сокращения неграмотности
среди населения Индии (в млн. человек),
1961—1971 гг., см. [414, с. 210]

Возрастная группа	1961 г.				1971 г.			
	грамотных		неграмотных		грамотных		неграмотных	
	число	%	число	%	число	%	число	%
I (с 5 до 14 лет)	33,66	29,5	80,32	70,5	52,33	34,9	97,36	65,1
II (с 15 до 24 лет)	26,33	36,0	46,88	64,0	43,01	47,5	47,59	62,5
III (с 25 до 34 лет)	19,23	28,5	48,19	71,5	26,0	33,9	50,61	66,1
IV (с 35 лет и выше)	26,27	22,3	91,77	77,7	36,62	24,5	42,67	75,5

В штате Мадхья Прадеш преподаватели и студенты ряда колледжей организовали летние лагеря, где всякий желающий мог обучиться грамоте.

К концу 60-х годов в деревнях действовали общинные центры, народные колледжи, крестьянские клубы, отряды по обучению деревни и т.п. [414, с. 206].

В результате всех этих мер были достигнуты определенные успехи в деле сокращения неграмотности, и процент неграмотных по стране несколько снизился, хотя их абсолютное число не уменьшилось, а по ряду возрастных групп даже возросло (см. табл. 29).

Следует сказать, что численность школ, классов и учебных центров для взрослых, точно так же, как и количество учащихся в них, не отличается стабильностью. Так, если в 1952/53 учебном году в Индии насчитывалось 44 595 школ, классов и учебных центров для взрослых, где обучались 1 088 784 человека, то уже в следующем, т.е. 1953/54 учебном году их число сократилось до 39 965, а численность учащихся в них — до 948 847 [341, с. 302]. Количество слушателей в них, таким образом, за один только год уменьшилось почти на 140 тыс. человек, причем наибольший урон в этом плане понес штат Мадхья Прадеш: количество центров по «социальному образованию» здесь с 11 362 упало за год до 2891, а численность слушателей — в четыре раза, с 261 899 до 60 490 [341, с. 291—292].

В то же время в другом крупнейшем штате хиндиязычного ареала — Бихаре наблюдалась прямо противоположная картина: количество центров ликбеза за учебный год, наоборот, возросло (с 1859 до 2164), и численность слушателей в них соответственно увеличилась с 58 505 (из них 56 596 мужчин и 1909 женщин) до 69 307 (мужчин — 66 976, женщин — 2331), из числа которых 49 547 мужчин и 1645 женщин были обучены грамоте, что и было подтверждено врученными слушателям соответствующими удостоверениями [341, с. 289].

В крупнейшем и одном из самых, пожалуй, отсталых штатов данного ареала — в Уттар Прадеше количество таких центров, несмотря на значительный рост, в 1953/54 учебном году не достигало даже 200, а количество слушателей в них составляло всего лишь 5 тыс. человек — мизерную цифру применительно к такому обширному и многонаселенному штату. И даже из этого числа удостоверения о грамотности получили меньше половины — около 2 тыс. человек [341, с. 294].

Таким образом, успехи в деле сокращения неграмотности в штатах хиндиязычного ареала были более чем скромные (см. табл. 30).

Таблица 30

Система ликбеза в основных штатах хиндиязычного ареала,
1952/53 – 1953/54 учебные годы, см. [341, с. 302 – 303]

Штаты/ союзная территория	Количество		Школ, классов, центров		Обучающихся				Обучившихся грамоте	
					мужчин		женщин		мужчин	женщин
	1952/53	1953/54	1952/53	1953/54	1952/53	1953/54	1953/54			
Бихар	1 859	2 164	56 596	66 976	1 909	2 331	49 547	1 645		
Мадхья Прадеш	11 362	2 891	204 883	55 559	57 016	4 931	19 745	3 425		
Уттар Прадеш	96	179	2 089	4 122	370	882	1 610	385		
Раджастан	220	200	11 275	10 620	1 755	1 755	10 620	1 755		
Дели	859	628	17 376	5 266	17 256	5 153	4 045	3 177		

Картина существенно изменилась к концу 70-х — началу 80-х годов, когда получила размах работа по сокращению неграмотности среди взрослых и были предприняты значительные усилия по достижению целей так называемой универсализации начального обучения, т.е. полного охвата всех детей школьного возраста различными формами образования. Значительным шагом в этом направлении было открытие многочисленных центров так называемого неформального образования не только для взрослых, но и для детей в возрасте от 6 до 14 лет, которые по тем или иным причинам не смогли посещать школу или вынуждены были покинуть ее. Однако, отдавая должное предпринятым мерам, следует признать, что они оказались явно недостаточными, чтобы дать эффективные результаты. Недостаточность этих мер особенно рельефно проявляется в деревне.

Достаточно сказать, что из 573 842 обследованных деревень только в 25 194 (что составляет лишь 4,39% их общего числа) имеются условия для обучения различных возрастных групп населения (6—14 лет, 14—35 лет и свыше 35 лет). Наибольшее число существующих центров предназначено для обучения людей, находящихся в наиболее продуктивном возрасте — от 14 до 35 лет: такие центры имеются в 17 942 деревнях, составляющих в совокупности 3,13% общего числа деревень в стране [286, с. 194]. Эти центры в 1978 г. посещало около 590 тыс. человек, принадлежащих к данной возрастной группе.

Значительно меньше центров по обучению детей в возрасте от 6 до 14 лет, которые по разным причинам оказались вне системы школьного образования. Такие центры существуют лишь в 6631 деревне, что составляет 1,16% их общего числа по стране [286, с. 192].

И совершенно мизерное число центров приходится на возрастную группу свыше 35 лет: по стране зафиксировано только 2673 деревни (или 0,47% их общего числа), где действуют такие центры с общим числом 56 928 человек обучающихся в них [286, с. 195].

Значительное число таких центров зафиксировано в штатах хиндиязычного ареала — свыше 12 тыс., т.е. почти половина их общего числа.

К концу 70-х годов первое место среди них занимал штат Уттар Прадеш, который в начале 50-х годов, как показано выше, был самым отстающим: за четверть века, прошедшие с той поры, штат достиг значительных успехов в развертывании работ по сокращению неграмотности среди населения. Так, на 1978 г. в Уттар Прадеше насчитывалось свыше 6 тыс. деревень, имевших центры для обучения населения в возрасте от 14 до 35 лет (что составляет почти $\frac{1}{3}$ общего числа таких центров по стра-

не), где обучалось свыше 200 тыс. человек [286, с. 194—195]; более полутора тысяч центров, предназначенных для обучения детей в возрасте от 6 до 14 лет (т.е. около $\frac{1}{4}$ их общего числа по стране), где обучалось свыше 46 тыс. человек, и около 300 центров — для тех, кто принадлежит к возрастной группе свыше 35 лет, общее число которых превысило 8,5 тыс. человек [286, с. 195].

И наоборот, в штате Бихар, который в 50-е годы занимал одно из первых мест по масштабу работ в деле сокращения неграмотности, отмечается явный регресс: если в 1953/54 учебном году здесь насчитывалось свыше двух тысяч школ, классов и центров ликбеза, а в 1960/61 учебном году — и того больше: 7702 таких центра, которые посещали 303 263 человека из числа взрослого населения, желающего приобщиться к грамоте [391, с. 495], то к 1978 г. положение кардинально изменилось — и совсем не в лучшую сторону. Так, по данным обследования системы образования по стране, в 1978 г. в Бихаре насчитывалось лишь около 200 таких центров (из них только 8 — для детей в возрасте от 6 до 14 лет и 7 центров — для взрослых в возрасте свыше 35 лет), а общее число обучающихся едва превышало 6 тыс. человек [286, с. 192—195].

Иная картина сложилась на противоположном конце хинди-язычного ареала — в штате Раджастан, где отмечались значительные колебания — и по числу учебных центров, и по численности обучающихся в них. Так, если в 1953/54 учебном году, как было показано выше, число центров по ликвидации неграмотности в Раджастане составляло всего 200, а численность обучающихся едва превышала 12 тыс. человек, то уже через семь лет, в 1961 г., здесь отмечался стремительный взлет: число центров ликбеза достигло почти 4 тыс., а численность обученных грамоте в этих центрах равнялась почти 71 тыс. человек [391, с. 816], а к концу 70-х годов этот взлет сменился стремительным падением, когда число учебных центров сократилось до 2,2 тыс., а численность обучающихся в них — до 55 тыс. человек [286, с. 346—347, 356—357] (см. табл. 31).

Численность тех, кто обучается в таких центрах, существенно разнится от штата к штату. Среди основных штатов данного ареала самое значительное число обучающихся в центрах по ликвидации неграмотности в 1978 г. было зафиксировано в штате Уттар Прадеш, где различные центры «неформального обучения» посещали свыше 250 тыс. человек, основную массу которых — более 200 тыс. — составляют люди, находящиеся в самом продуктивном возрасте, т.е. от 14 до 35 лет [286, с. 356—357].

Система ликбеза в деревнях
хиндиязычного ареала, 1978 г.

Возрастная группа и количество центров Штаты/ союзная территория	От 6 до 14 лет	От 14 до 35 лет	Свыше 35 лет	Общее число
	количество центров	количество центров	количество центров	
Бихар	8	184	7	199
Мадхья Прадеш	266	416	53	735
Раджастан	654	1 151	421	2 226
Уттар Прадеш	1 566	6 352	288	7 918
Харьяна	23	211	31	265
Химачал Прадеш	110	282	32	424
Дели	—	68	35	101
Итого	2 627	8 664	867	12 156

Самое последнее место по числу обучающихся в таких центрах, вполне естественно, занимает Бихар, где численность тех, кто посещает различные центры по ликвидации неграмотности, составляет цифру, лишь немногим превышающую 6 тыс. человек [386, с. 354—355] (см. табл. 32).

Таблица 32

Численность обучающихся в системе ликбеза
в хиндиязычном ареале, 1978 г.

Численность по возрастным группам Штаты/ союзная территория	От 6 до 14 лет	От 14 до 35 лет	Свыше 35 лет	Общее число
Бихар	286	5 717	98	6 101
Мадхья Прадеш	6 366	11 386	527	18 279
Раджастан	15 321	31 408	8 191	54 920
Уттар Прадеш	46 502	200 338	8 627	255 467
Харьяна	539	6 922	646	8 107
Химачал Прадеш	1 705	7 764	652	10 021
Дели	—	2 141	386	2 527
Итого	70 719	265 676	19 127	355 522

Оценивая данные, характеризующие успехи штатов хинди-язычного ареала в деле сокращения уровня неграмотности среди различных групп населения деревни, следует признать, что усилия, предпринимаемые в этом направлении, являются совершенно неадекватными: 12 тыс. центров, которыми охвачено немногим более 350 тыс. человек ($\frac{3}{4}$ которых, кстати, приходится лишь на долю одного штата Уттар Прадеш), — этого явно недостаточно на этот огромный, густонаселенный, лингвистически гетерогенный ареал с весьма низким даже по индийским меркам уровнем грамотности. Как результат столь скромных усилий в этом направлении неграмотность в деревне сохранится еще на протяжении ряда десятилетий, уходящих далеко за пределы 2000 г.

Особо следует сказать о работе по сокращению неграмотности среди рабочих.

До 1958 г. этим занимались разрозненные добровольные организации, действовавшие на свой страх и риск. В 1958 г. по рекомендации группы профсоюзных деятелей, специально приглашенных правительством Индии, при министерстве труда и занятости было создано Центральное бюро по вопросам образования рабочих (Central Board of Workers' Education), усилиями которого уже через пять лет была создана стройная система образования для рабочих, охватывающая практически территорию всей страны. В штатах страны были основаны региональные и субрегиональные центры, ведавшие всеми работами по сокращению неграмотности и повышению уровня грамотности среди рабочих.

К марту 1964 г. в стране насчитывалось 22 региональных и 25 субрегиональных центров, действовавших под эгидой Центрального бюро по вопросам образования рабочих [535, с.65]. Ряд таких центров был создан и в штатах хиндиязычного ареала. Так, в Бихаре региональные центры были основаны в Дханбаде и Джамшедпуре, в Мадхья Прадеше — в Бхилаи и Индоре, в Уттар Прадеше — в Канпуре и Сахаранпуре, раджастханский региональный центр разместился в Бхильваре [535, с. 111—112].

В других городских центрах данного ареала (Агре, Аллахабаде, Джабальпуре, Лакхнау и ряде других) обосновались субрегиональные центры.

Рассматривая деятельность этих центров, следует иметь в виду, что уровень грамотности среди различных отрядов промышленного пролетариата Индии является далеко не одинаковым. Так, если, с одной стороны, в угольной промышленности, даже по официальным данным, число неграмотных на 1964 г. составляло 89,8% всех рабочих, в джутовой — 81,7, в текстильной —

60,4, в металлургической — 51,3%, то, с другой стороны, на текстильных предприятиях Бангалора в том же году уровень грамотности равнялся 79%, а на предприятиях, принадлежащих Корпорации телефонной промышленности, он составлял даже 95% [535, с. 69].

В зависимости от этого перед региональными и субрегиональными центрами стояли разные задачи. Если на предприятиях с низким уровнем грамотности стоял вопрос о приобщении рабочих к элементарной грамоте, то на предприятиях с высоким уровнем грамотности выдвигалась совершенно иная задача, а именно — повышение общеобразовательного уровня и профессиональных знаний рабочих.

Областью, где имеются наиболее благоприятные условия для работы по сокращению неграмотности, является столичный округ Дели, поскольку Дели — это не только столица страны, но и стремительно растущий центр промышленности: здесь имеется все необходимое для развертывания работы по сокращению неграмотности среди взрослого населения.

Однако даже здесь, в районе, который может рассматриваться в качестве образца, охват населения системой ликбеза является весьма низким. Как свидетельствуют данные организаций по сокращению неграмотности, действующих в столичном округе, различными формами ликбеза в 1957 г. было охвачено лишь 2,1% взрослого населения на территории Делийской муниципальной корпорации (Старого Дели), 4,2% — в Новом Дели и 6,2% — в примыкающей к столице сельской местности [535, с. 45—46].

Достижения Индии в деле ликвидации неграмотности

Исследовав в середине 60-х годов проблему неграмотности в Индии на период с 1961 по 1981 г., департамент обучения взрослых, действующий в составе Национального совета по педагогическим исследованиям и подготовке кадров, опубликовал оценочные данные-прогнозы, касающиеся этой сферы, избрав для прогнозирования динамику грамотности среди взрослого населения в возрасте 15—44 лет (см. табл. 33).

Как видно из таблицы, даже официальный прогноз относительно уровня неграмотности в период с 1961 по 1981 г. допускал значительный рост абсолютного числа неграмотных в данной возрастной группе населения Индии (со 131 млн. человек в 1961 г. до 139 млн. в 1981 г.).

Оценочные данные о количестве неграмотных
в возрастной группе 15—44 года,
1961—1981 гг., см. [414, с. 211]

Годы	Динамика неграмотности	Численность неграмотных, тыс.	% к общему составу данной возрастной группы
1961		131 095,4	69,3
1966		144 359,1	67,4
1971		157 710,2	65,5
1976		154 425,0	56,2
1981		139 443,2	44,3

Однако действительность показала, что даже этот очень осторожный прогноз оказался чрезмерно оптимистическим и что в возрастной группе с 15 до 44 лет, на которую направлены основные усилия общественности, достигнуть приведенных цифр не удалось.

В действительности достигнутый в этом деле прогресс был более чем скромный: уровень грамотности среди взрослого населения за период между 1961 и 1971 гг. возрос весьма незначительно: от 2 до 5% по различным возрастным группам.

Еще более скромным был прогресс в большинстве штатов хиндиязычного ареала. Например, в таких штатах, как Бихар и Раджастан, он составлял всего лишь около 1% [414, с. 212].

Несмотря на определенные успехи в деле сокращения неграмотности во всех возрастных группах (так, в возрастной группе от 10 до 14 лет уровень грамотности возрос с 29,6 до 49,75%, в возрастной группе от 15 до 24 лет — с 23,69 до 47,47% и т.д.), абсолютное число неграмотных по каждой возрастной группе либо практически оставалось стабильным, как в названных выше возрастных группах, либо значительно возрастало, как в возрастной группе от 25 до 34 лет (с 89,7 млн. человек в 1951 г. до 98,2 млн. в 1971 г.; см. табл. 34).

Поэтому правительство и общественность Индии пытаются найти новые подходы к решению проблемы ликвидации неграмотности в стране, выработать и претворить в жизнь такие меры, которые были бы способны кардинальным образом изменить ситуацию в данной сфере. Так, 2 октября 1978 г. — в день рождения «отца нации» М.К.Ганди — была провозглашена Национальная кампания по обучению взрослых, которая в Индии была расценена как «начало фронтального наступления на

Уровень грамотности среди ведущих
возрастных групп населения Индии,
1951—1971 гг., см. [512, с. 386]

Возрастные группы и годы	Численность, млн.		
	грамотных	неграмотных	% грамотности
I. С 10 до 14 лет			
1951	9,7	32,6	29,6
1961	20,8	28,5	42,26
1971	33,6	33,9	49,75
II. С 15 до 24 лет			
1951	14,4	46,3	23,69
1961	26,3	46,9	35,97
1971	43,0	47,6	47,47
III. С 25 до 34 лет			
1951	25,4	89,7	22,09
1961	45,6	93,1	32,4
1971	69,0	98,2	41,27
IV. Во всех возрастах			
1951	55,3	293,3	16,67
1961	105,8	334,4	24,03
1971	158,1	387,4	29,46

неграмотность» [438, с. 536]. В течение пяти лет к грамоте должны были приобщиться 65 млн. человек в возрасте 15—35 лет. В соответствии с Программой, в дополнение к действующим, были основаны новые центры по ликвидации неграмотности среди взрослого населения [414, с. 209].

Однако, насколько позволяют судить данные последних переписей о численности неграмотных по стране, достигнуть поставленной цели не удалось: как было сказано выше, абсолютное число неграмотных не только не сократилось, а, наоборот, значительно возросло.

Для того чтобы добиться повышения уровня грамотности среди взрослого населения страны, Центральное правительство в январе 1988 г. приняло решение развернуть в стране Национальную кампанию грамотности, на которую в течение предстоящих 8 лет предполагается израсходовать 550 кроров (или 55 миллиардов) рупий. Цель данного мероприятия — достигнуть существенных изменений в данной сфере, а конкретно — обучить грамоте около 80 млн. человек взрослого населения страны:

30 млн. — в период с 1988 по 1990 г. и 50 млн. — в период с 1991 по 1995 г. [Hindustan Times. 15.01.1988].

Особое значение придается в Индии деятельности Национальной миссии по делам грамотности (National Literacy Mission), созданной в 1988 г. и поставившей целью достижения к концу XX в. 80% грамотности среди взрослого населения в возрасте от 15 до 35 лет, см. [438а, с. 524].

Каковы будут результаты, покажет будущее. «А пока, — как не без горечи отмечает еженедельник „Нью эйдж“, — Индия в плане неграмотности занимает первое место в мире, и, если подобная ситуация не изменится, Индия сохранит за собой такую честь даже в XXI столетии!» [New Age. 01.10.1989].

«Вся нация должна взять на себя обязательства по ликвидации неграмотности, особенно в возрастной группе 15—35 лет, — говорится в документе. — Центральное правительство и правительства штатов, политические партии и их массовые организации, средства массовой информации и учебно-просветительские учреждения должны посвятить себя реализации многообразных программ приобщения масс к грамоте» [459, с. 22].

Называют немало причин наличия массовой и всевозрастающей неграмотности среди населения Индии, однако основной причиной являются социальные условия, в которых проживают многомиллионные массы Индии, в первую очередь — низкий жизненный уровень широких слоев населения страны, прежде всего — крестьянства, и постоянно растущее население (так называемый демографический взрыв), за которым не поспевают планы экономического и социального развития [535, с. 4, 15].

Кроме того, многие из тех, кто окончил курсы, через какое-то время, не имея практики, вновь переходят в разряд малограмотных или полностью неграмотных: как показали исследования, навыки чтения и письма сохраняют лишь около 2% окончивших — 98% утрачивают их полностью или частично [437, с. 125].

Правительство наше, говорилось в предвыборном манифесте КПИ накануне всеобщих выборов 1989 г., «уже не ставит перед собою цели достигнуть 100-процентной грамотности и обеспечить всеобщее начальное образование, предусмотренное Конституцией. Вместо этого оно занялось внедрением вновь изобретенной системы элитарного образования... Если подобная политика будет продолжаться, Индия, как и прежде, останется страной, имеющей наибольшее число неграмотных, — весьма странный путь для вхождения в XXI столетие!» [New Age. 05.11.1989].

Единственным пока местом, где к исходу 80-х годов полностью ликвидирована неграмотность, стал дистрикт Эрнаулам в штате Керала [New Age. 21.10.1990].

В наше время во всем мире действует тенденция ко все большему оснащению школы современным оборудованием. Одним из проявлений этой тенденции является компьютеризация школы.

Однако какой бы высокой степени ни достигло насыщение школы современным оборудованием, центральной фигурой учебного процесса всегда и при всех условиях остается преподаватель, и успех обучения в определяющей степени зависит от уровня его знаний, методического мастерства, духовного богатства, человеческих качеств. Действенное для всех предметов, в еще большей мере это правило применимо к урокам родного языка.

Основным «орудием» преподавателя на всех стадиях урока — будь то опрос, объяснение нового материала, беседа и т.п. — и во внеурочное время является язык: какой бы предмет ни вел преподаватель и какие бы вспомогательные средства, механизмы и наглядные пособия ни использовал, главным его «инструментом» остается язык. И в этом плане можно даже сказать, что любой урок — это урок языковой, ибо каждый урок, будь то история или математика — способствует закреплению и развитию речевых навыков учащегося, для которого речь его учителя служит тем образцом, которому он вольно или невольно подражает. Именно поэтому значительное внимание в Индии уделяется языковой подготовке преподавателей всех ступеней.

Для системы народного образования требуется стабильный и всевозрастающий контингент преподавательских кадров, способных донести до учащихся основы знаний, в том числе и прежде всего — по языку [324, с. 7].

Для назначения на должность преподавателя хинди от кандидата требуется, как правило, определенный уровень знаний и профессиональных навыков, хотя, следует сказать, требования к кандидатам на этот пост варьируются от штата к штату. Для того чтобы получить назначение на должность учителя хинди в начальных классах, требуется, как правило, среднее образование в сочетании с одно- или двухгодичным курсом педагогической школы.

Для назначения на должность преподавателя хинди в неполной средней или средней школе требуется степень бакалавра по соответствующему языку либо иная соответствующая степень и диплом об окончании педагогического колледжа.

Для того же, кто намерен занять должность преподавателя хинди в полной средней школе, требуется наличие степени магистра (либо иной соответствующей степени) и диплома об окончании педагогического колледжа.

Прогресс в области народного образования находит проявление не только в росте числа школ и обучающихся в них — для обеспечения нормальной деятельности школ требуется и всевозрастающее число преподавателей.

Подготовкой преподавательских кадров для индийской школы занимаются педагогические школы (teachers training schools) и педагогические колледжи (teachers training colleges), число которых весьма значительно колеблется подчас в пределах одного пятилетия в зависимости от существующей потребности (см. табл. 35).

Таблица 35

Количество педагогических школ и колледжей в Индии,
1950—1981 гг., см. [383, с. 49]

Училище/ колледж	1950/ 51 г.	1955/ 56 г.	1960/ 61 г.	1965/ 66 г.	1980/ 81 г.
Педагогические школы	782	930	1138	601	897
Педагогические колледжи	53	107	478	1272	500

Растущее число школ требует все большего числа педагогических кадров. Преподавательский корпус индийской школы неуклонно увеличивается. Так, в период между 1950/51 и 1978/79 учебными годами численность учителей в индийской школе возросла более чем в 2,5 раза — с 538 тыс. в 1950/51 учебном году до 1295 тыс. в 1978/79 учебном году [382, с. 47]. К 1980/81 учебному году эта цифра возросла еще на 50 тыс. человек [383, с. 49].

Особенно впечатляющими являются показатели, характеризующие рост численности преподавательского состава в неполных средних и средних школах. За 30-летие между 1950/51 и 1980/81 учебными годами число преподавателей в неполных средних школах возросло почти в 10 раз — с 85 тыс. до 830 тыс. человек [383, с. 49].

Несколько меньшим был рост преподавательского состава в средней и полной средней школе. За указанный период численность преподавателей в этих двух категориях школ возросла лишь в семь раз — со 126 тыс. человек в 1950/51 учебном году до 902 тыс. человек в 1980/81 учебном году.

Дальнейший рост преподавательского корпуса отмечен и в 1982/83 учебном году [392, с. 258] (см. табл. 36).

Успехи Индии в народном образовании
(рост численности преподавателей, тыс.),
1951—1981 гг., см. [383, с. 49], а также 1982/83 учебный год

В какой школе	1950/51 г.	1960/61 г.	1980/81 г.	1982/83 г.*
В начальной	537 918	714 555	1 345 376	1 389 356
В неполной средней	85 496	345 228	830 649	856 389
В средней и полной средней	126 504	296 305	902 332	993 115

* Данные на 1982/83 г. взяты из [392, с. 258].

Среди наиболее известных вузов Индии, готовящих педагогические кадры, значатся такие, как Учительский институт при университете «Джамия миллия» в Дели, «Винаи Бхаван» («Храм послушания») в Шантиникетоне (штат Западная Бенгалия), «Шри Муни Видьяпитх» (Университет им. Муни) в Бомбее (Махараштра), «Рама-Кришна мишан видьялай» (Институт миссии Рама-Кришны) в Коимбаторе (штат Тамилнад) [380, с. 335].

Не менее одной трети общей численности преподавательского корпуса Индии приходится на хиндиязычный ареал, в пределах которого действуют многочисленные педагогические школы (вернее было бы сказать «школы с педагогическим уклоном»; к сожалению, назвать точное их число не представляется возможным) и 46 педагогических колледжей, распределяющихся по штатам крайне неравномерно. Так, если, по данным на 1978 г., в Харьяне насчитывалось 20 таких колледжей, в Уттар Прадеше — 12, в Бихаре — 11, то в Химачал Прадеше — всего лишь 3, а в Раджастанхоне и Мадхья Прадеше их не было вовсе [392, с. 259].

Своих преподавателей хинди готовят также штаты, расположенные за пределами хиндиязычного ареала. Для того чтобы обучать языку хинди учащихся местных школ, перед органами образования иноязычных штатов с неизбежностью встает вопрос о подготовке преподавательских кадров из числа местного населения, ибо для того чтобы обучать хинди учащихся национальных школ, преподаватель должен владеть данным национальным языком.

В различных штатах проблема подготовки преподавателей хинди для местных школ решается с большей или меньшей степенью эффективности. Насколько позволяет судить имеющийся материал, наибольший размах эта работа приобрела в Западной Бенгалии. Так, в Калькуттском университете имеется специаль-

ная кафедра хинди, где, пройдя полный курс, студент получает степень магистра искусств, достаточную для того, чтобы претендовать на место преподавателя в неполной средней или средней школе. Кроме того, здесь действует также кафедра, на которой обучаются студенты из нехиндиязычных областей.

Кроме того, в штате действует 11 добровольных обществ по пропаганде хинди, из которых четыре готовят слушателей к сдаче экзаменов в таких престижных организациях, как вардхинский РПС, аллахабадская ХСС или — для женщин — «Праяг махила видьяпитх» (Аллахабадский женский университет), экзаменов, которые дают право занять место преподавателя хинди.

Кроме того, преподавателей хинди из местного населения готовят западнобенгальский филиал РПС (Калькутта) и «Контай сева сангх» (Миднапур), где имеется по одному-два специальных класса, а также специальный педагогический колледж, функционирующий под эгидой все того же штатовского филиала РПС [391, с. 880].

Значительные усилия по обеспечению местных школ преподавателями хинди прилагаются и в штате Андхра Прадеш. Для того чтобы средние школы штата не испытывали недостатка в преподавателях хинди, в 1956 г. здесь были открыты специальные курсы — так называемые Курсы по подготовке знатоков хинди (Hindi Pandits Training Course). Программа этих курсов легла в основу деятельности педагогических колледжей, действующих в Раджамундри и Хайдарабаде.

Кроме того, преподавателей хинди готовят специальные классы, открытые мадрасским ДПС и хайдарабадским ХПС: всякий, окончивший эти курсы, получает диплом и звания «прачарак» («пропагандист [хинди]») или «шикшак» («учитель [хинди]»), дающие право преподавать хинди в средней школе [391, с. 439].

К тому же в штате для преподавателей хинди периодически проводятся семинары, конференции, симпозиумы, цель которых — повысить знания и практические навыки преподавателей и, как следствие, уровень обучения хинди в средних школах этого южноиндийского штата [391, с. 440].

Даже в Тамилнаде — штате, где наиболее сильна оппозиция к хинди, существуют три приравненных к колледжу учебных заведений, где проходят подготовку будущие преподаватели хинди для средних школ штата: это два «Хинди прачарак видьялай» (Институт пропагандистов хинди): один — в Трипуре, другой — в Мадрасе, и «Раштрабхаша вишарад видьялай» (Институт подготовки специалистов по национальному языку) в Тиручирапалли [391, с. 668].

Аналогичные заведения — государственные, добровольные, частные — действуют и в других штатах страны. Так, в штате Карнатака преподавателей хинди готовят два колледжа: один из них расположен в Майсуре, другой — в Бельгауме [391, с. 731—732].

Однако педагогические школы, педагогические колледжи и аналогичные им организации не могут пока полностью удовлетворить потребность школы в квалифицированных педагогических кадрах, в результате чего определенную часть (не менее 10%) преподавательских кадров составляют лица, не имеющие надлежащего уровня знаний или соответствующей педагогической подготовки, хотя их число неуклонно сокращается, в чем также проявляются успехи Индии в сфере народного образования. Так, если в 1950/51 учебном году учителя, получившие специальное педагогическое образование, в начальной школе составляли 58,8% преподавательского состава, то через десять лет, в 1960/61 учебном году, эта цифра поднялась до 64,1%, а в 1980/81 учебном году была равна уже 87,4%.

Сходная картина наблюдается и в неполной средней школе: в 1950/51 учебном году учителя со специальным педагогическим образованием составляли чуть больше половины (53,3%) преподавательских кадров данной ступени обучения; в 1960/61 учебном году эта цифра возросла до 66,5%; в 1980/81 учебном году была равна уже 89,4% [383, с. 49].

Не удовлетворяя систему народного образования в количественном плане, педагогические школы и колледжи тем более не способны удовлетворить ее в плане качественном: качество обучения в индийской школе, по всеобщему признанию, оставляет желать много лучшего, — и в этом нет ничего удивительного, ибо, как показали результаты обследования в штате Карнатака, на каждого учителя начальной школы (с I по IV класс) в среднем приходится 52 ученика [515, с. 74].

Еще в большей степени это положение относится к преподавателям, работающим в школах хиндиязычного ареала. Не касаясь качества обучения, затронем лишь один собственно лингвистический аспект. Учитель вряд ли может обучить ученика своему предмету, если сам не владеет им. Данное положение в полной степени относится и к хинди. Дело в том, что речь самих преподавателей, даже выходцев из данного ареала, не может служить для учащихся примером образцового, литературного хинди. Являясь уроженцами различных диалектных зон данного ареала, вместе с собой они приносят в классную комнату орфоэпические и иные навыки не того хинди, который принято считать образцовым, а его регионального варианта — западного или восточного.

«...Для обучения образцовому хинди приходится тратить столько же усилий, как и при обучении иностранному языку, — пишет в этой связи один из деятелей народного образования Индии. — Так, в штате Мадхья Прадеш преподавателями хинди являются обычно выходцы из диалектных зон соседнего штата Уттар Прадеш: это носители авадхи или бходжпури, браджа или каурави... а также те, для кого родным языком является маратхи или местный диалект (т.е. чхаттисгархи. — В.Ч.). К какой бы из этих групп ни принадлежал преподаватель, он обучает учащихся тому хинди, на который оказал воздействие его родной диалект» [225, с. 174] (курсив наш. — В.Ч.).

В результате, отвечая на хинди, учащиеся свободно используют диалектные глагольные формы, строят предложение по диалектным моделям и т.п., а их орфографические ошибки в большинстве своем связаны с произношением, которое им приходится слышать из уст учителя.

Иными словами, в школах хиндиязычного ареала процветает диглоссия: если учебник написан на книжно-литературном хинди, то в устной речи как учеников, так нередко и учителей находит применение один из его региональных вариантов.

Диглоссия принимает форму билингвизма в школах, расположенных в зонах распространения наиболее развитых региональных языков ареала хинди. И билингвизм, так сказать, «в чистой форме» характерен для школ, расположенных в иноязычных штатах (либо для школ, обслуживающих лингвистические меньшинства в самом хиндиязычном ареале), когда в ходе урока и преподаватель, и ученики то и дело «меняют коды», чередуя объяснение и ответы на родном языке с чтением, комментированием и пересказами прочитанного — на хинди.

Как и в школе, в системе ликбеза, функционирующей в хиндиязычном ареале, действует подход, который не учитывает лингвистической гетерогенности данного ареала и не принимает в расчет бытующие здесь региональные языки — бходжпури, авадхи, брадж и др., тем самым наглухо закрывая для них доступ как в школу, так и, вполне естественно, в систему ликбеза: весь процесс приобщения к грамоте в системе ликбеза в данном ареале ведется исключительно на хинди. Если для горожанина, даже если он выходец из деревни, это представляется вполне естественным, ибо он уже в какой-то мере приобщился к хинди, поскольку этот язык служит для него привычным средством общения за пределами семейного круга или стихийно сложившегося землячества, то для жителя деревни, где проживает основная масса неграмотного населения и где до сих пор преобладают диалектные формы региональных языков, такое положение вряд ли можно признать нормальным, ибо в процессе обучения слу-

шатель должен решить сразу две задачи — овладеть грамотой и обучиться хинди. И в этом плане система ликвидации неграмотности испытывает гораздо большие трудности, чем школа. И хотя, как уже упоминалось, для системы образования здесь разработана «стратегия билингвального обучения», эта рекомендация пока остается не более чем благим пожеланием: вся система ликбеза здесь ориентируется исключительно на хинди, хотя подобный подход вряд ли возможно признать оптимальным и способным привести к желаемой цели.

Хинди в высших учебных заведениях Индии

Университеты и колледжи — учреждения, образующие систему высшего образования, имеют весьма важное значение как для языковой ситуации, так и особенно для языковой политики, ибо из стен индийских вузов выходят те самые кадры, которые со временем пополняют индийскую элиту — административную, политическую, судебно-правовую, научную, военную. Язык, на котором ведется обучение в вузе, — тем более если этот язык находит благоприятную питательную среду в общественной языковой практике, — неизбежно становится языком делового, а подчас и семейного общения соответствующих слоев индийского общества. Это тем более важно, что именно элита — в подавляющей массе выпускники индийских вузов — является доминирующей силой в выработке и проведении определенного курса языковой политики. Так было в прошлом, так обстоит дело и сейчас. Поэтому изучение той роли, которую играет тот или иной язык в вузовском преподавании, помогает не только понять современную языковую ситуацию, но и в определенной степени прогнозировать ее развитие как в ближайшей, так и в более отдаленной перспективе.

Первые университеты, созданные по европейскому образцу, возникли в Индии еще в тот период, когда она являлась «самой крупной жемчужиной в британской короне»: первые индийские университеты были основаны в 1857 г. в административных центрах соответствующих президентств Британской Индии: в Калькутте, Бомбее и Мадрасе. Первым в хиндиязычном ареале стал Аллахабадский университет, основанный в 1887 г.

В первые десятилетия XX в. возникает еще целый ряд университетов: Бенаресский (1915), Майсурский (1916), Патнинский (1917), Османский (г. Хайдарабад-на-Декане, 1918), Алигархский (1920).

В 20—40-е годы к ним добавляется еще несколько университетов. Ряд из них был основан в хиндиязычном ареале: Лакхнау-ский (1921), Делийский (1922), Нагпурский (1923), Агрский (1926), Раджастханский (1946) [382, с. 517—520].

За годы независимого существования Индия достигла значительных успехов в сфере высшего образования. Достаточно сказать, что к началу 80-х годов общее число университетов в Индии по сравнению с 1951 г. возросло почти в пять раз (с 27 до 133) [383, с. 49]; по данным на 1982/83 учебный год, их количество составляло 137 [392, с. 258], а к 1985 г. возросло уже до 150 [384, с. 70].

За тридцатилетие (с 1950 по 1980 г.) число студентов, обучающихся в университетах страны, увеличилось почти в 11 раз. Если в 1950/51 учебном году в Индии насчитывалось 360 тыс. студентов, то в 1980/81 учебном году их численность возросла до 3990 тыс. [383, с. 49], а к 1985 г. эта цифра уже превысила 5 млн. человек [384, с. 69].

На каждую тысячу жителей Индии приходилось в среднем 5,5 студента, хотя в различных регионах страны эта цифра колеблется в весьма широком диапазоне: от 13,6 в Дели до 2,2 в Ориссе [351, с. 11].

Соответственно возросла и степень охвата высшим образованием в возрасте от 17 до 23 лет (см. табл. 37).

Таблица 37

Успехи Индии в университетском образовании,
1951—1981 гг., см. [383, с. 49]

Общие данные	1950/51 г.	1960/61 г.	1980/81 г.	1982/83 г.*
Число университетов	27	45	132	137
Численность студентов, тыс.	360	890	3990	4750
Процент к населению в возрасте 17—23 года	0,8	1,8	4,8	

*Данные за 1982/83 г. взяты из [392, с. 258].

Кроме университетов в систему высшего образования в Индии входят многочисленные колледжи гуманитарного, технического или коммерческого профиля, количество которых за годы независимости стремительно росло. Достаточно сказать, что число таких колледжей в период между 1950 и 1980 гг. возросло более чем в 13 раз. В 1950/51 учебном году их число равнялось 542, через десятилетие оно увеличилось вдвое — до 1122, а еще

через два десятилетия, в 1980/81 учебном году, уже составляло цифру 7311 [383, с. 49].

В 1982/83 учебном году их насчитывалось уже 8011 [392, с. 258].

Пропорционально росту числа университетов и колледжей в стране увеличивалась и численность занятого в них профессорско-преподавательского состава. Так, если в 1950/51 учебном году в Индии насчитывалось немногим более 18,5 тыс. преподавателей вузов, то к 1960/61 учебному году эта цифра возросла почти до 42 тыс. человек, т.е. в два с лишним раза, а еще через два десятилетия она уже равнялась почти 250 тыс. [392, с. 258], см. табл. 38.

Таблица 38

Численность профессорско-преподавательского состава в индийских вузах, 1950—1979 гг., см. [383, с. 49]

Учебный год	Общая численность	% роста
1950/51	18 648	—
1960/61	41 759	+ 124,5
1968/69*	91 069	+ 118,3
1978/79*	249 399	+ 175,1

* Данные за эти годы почерпнуты из [392, с. 258].

Иными словами, за три десятилетия численность профессорско-преподавательского состава, занятого в университетах и колледжах, выросла более чем в 13 раз, и это наряду с ростом общего числа вузов и обучающихся в них студентов можно было бы рассматривать как показатель прогресса в сфере высшего образования Индии, если бы новое пополнение вузовских кафедр отвечало тем требованиям, которые предъявляются к преподавателю высшего учебного заведения. Однако далеко не всегда преподаватели соответствуют той высокой миссии, которая возложена на них. Как свидетельствует один из индийских исследователей системы высшего образования в стране, «в подавляющем большинстве такие преподаватели — это люди скромных способностей, ограниченных познаний и полного отсутствия качеств, характерных для лидера» [351, с. 98], — и это, естественно, не может не отразиться как на качестве преподавания, так и на знаниях слушателей.

Инженерные кадры для индийской промышленности готовят политехнические институты. Общее их число достигает 400, и они ежегодно принимают на первый курс около 65 тыс. человек.

Кроме того, имеется еще 40 женских политехнических институтов, ежегодный прием в которые составляет около 4 тыс. человек [383, с. 52].

Вузы и колледжи хиндиязычного ареала

Как можно видеть из приведенного выше краткого перечня, значительная часть университетов, основанных в колониальный период, была связана с хиндиязычным ареалом.

За годы независимости их численность в данном ареале значительно возросла: за первые два десятилетия существования независимой Индии здесь были основаны такие университеты, как Джабальпурский (1956), Горакхпурский (1956), университет имени Викрама в Уджайне (1957) и целый ряд других общих и специализированных университетов [382, с. 517—520].

На 1971 г. в хиндиязычном ареале было сосредоточено 36 университетов и несколько научных учреждений, приравненных к ним.

В количественном плане университеты распределены по штатам данного ареала весьма неравномерно. Если, например, на территории штата Уттар Прадеш в 1971 г. располагалось 11 университетов, в Мадхья Прадеше — 10, в Бихаре — 7, то в Раджастанхана только 3, в Харьяне — 2, в Химачал Прадеше — всего лишь 1 [539, с. 13], см. табл. 39.

Таблица 39

Университеты, расположенные
в хиндиязычном ареале, 1970—1971 гг., см. [539, с. 13, 509—514]

Университеты Штаты/ союзные территории	Общее число	Название университета	Место- расположение	Год осно- вания
1	2	3	4	5
Бихар	7	Бихарский	Музаффарпур	1952
		Бхагальпурский	Бхагальпур	1960
		Санскритский им. Камешвара		
		Синха	Дарбханга	1961
		Магадхский	Гая	1962
		Патнинский	Патна	1917
		Сельскохозяйственный им. Раджендры	Пуса	1970

1	2	3	4	5
		Ранчийский	Ранчи	1960
Мадхья		Ун-т им. Авадхеш		
Прадеш	10	Пратапа Синха	Рева	1968
		Бхопальский	Бхопал	1970
		Ун-т искусства и музыки им. Индиры	Кхайрагарх	1956
		Индорский	Индор	1964
		Джабальпурский	Джабальпур	1957
		Сельскохозяйственный им. Дж. Неру	Джабальпур	1964
		Ун-т им. Дживаджи	Гвалиор	1964
		Ун-т им. Рави Шанкара	Райпур	1964
		Сагарский	Сагар	1946
		Ун-т им. Викрама	Уджайн	1957
Раджастхан	3	Джодхпурский	Джодхпур	1962
		Удайпурский	Удайпур	1962
		Раджастханский	Джайпур	1947
Уттар Прадеш	11	Агрский	Агра	1927
		Алигархский	Алигарх	1921
		Аллахабадский	Аллахабад	1887
		Бенаресский	Варанаси	1916
		Горакхпурский	Горакхпур	1957
		Канпурский	Канпур	1966
		Лакхнаууский	Лакхнау	1921
		Мератхский	Мератх	1966
		Ун-т Сельского хозяйства и техноло- гии им. Панта	Пантнагар	1960
		Руркийский	Рурки	1949
		Санскритский им. Сампурнананда	Варанаси	1958
Харьяна	2	Харьянский сельско- хозяйственный	Хисар	1970
		Курукшетрский	Курукшетра	1956
Химачал Прадеш	1	Химачал-прадешский	Симла	1970
Дели	2	Делийский	Дели	1922
		Ун-т им. Дж.Неру	Дели	1968
И т о г о	36			

Наряду с перечисленными выше университетами в хинди-язычном ареале действовал ряд научных учреждений, приравненных к университетам. К числу таких центров, в частности,

относятся «Гурукуль кангри» в Хардваре, Институт технологии и науки им.Бирлы в Пилани (Раджастан), Индийский сельскохозяйственный научно-исследовательский институт и «Джамия миллия исламия» в Дели, Индийская школа горного дела в Дханбаде (Бихар) [539, с. 302, 514]. По существу, это научно-исследовательские центры с ограниченным числом сотрудников и аспирантов. Из них только два — «Гурукуль кангри» и «Джамия миллия исламия» являются институтами гуманитарного профиля, остальные относятся к числу технических.

Ко всему изложенному выше следует лишь добавить, что в 70—80-е годы количество университетов в данном ареале возросло до 47 за счет вновь основанных вузов в ряде штатов данного ареала. Львиная доля досталась крупнейшему из них — штату Уттар Прадеш. В дополнение к существующим здесь было создано еще 8 университетов: Авадхский в Файзабаде (1975), Бунделькхандский в Джханси (1975), Рохилькхандский в Барели (1975), Гархвальский в Сринагаре-на-Гархвале (1973), Кумаонский в Найнитале (1973), Университет сельского хозяйства и технологии в Канпуре (1974), Университет сельского хозяйства и технологии им. Нарендры Дэва в Файзабаде (1974) и «Каши видьяпитх» в Бенаресе (1974).

Теперь в Уттар Прадеше насчитывается 19 университетов.

По одному вузу было основано в Бихаре, Харьяне и Химачал Прадеше.

Вузы Бихара пополнились Митхильским университетом им. Лалит Нарайна, который был основан в Дарбханге в 1972 г.

Харьяна получила университет им.Махарши Даянанда в Рохтаке (1976 г.).

В штате Химачал Прадеш в 1978 г. возник «Криши Вишва-видьялай» (Сельскохозяйственный университет) [382, с. 517—520].

Таким образом, из всего, что было сказано выше, можно заключить, что на территории хиндиязычного ареала имеется широкая и весьма разветвленная сеть университетов, где сосредоточены значительные контингенты студенчества, которые распределяются по университетам далеко не равномерно. Так, если в Агрском университете, объединяющем 42 колледжа, обучается свыше 44 тыс. человек, а в Канпурском с его 72 колледжами — более 56 тыс., то в Санскритском университете им. Сампурнанда в Бенаресе — лишь около 3 тыс. человек, а в Университете сельского хозяйства и технологии им. Чандрашекхара Азада — лишь немногим более тысячи человек.

Однако даже на фоне таких гигантов, как Агрский или Канпурский, выделяется своими размерами Раджастанский университет, располагающийся в столице штата Джайпуре: в этом уни-

верситете, объединяющем 170 колледжей, обучается свыше 113 тыс. человек.

По количеству студентов, обучающихся в университетах, первое место среди штатов данного ареала, естественно, занимает крупнейший из них — Уттар Прадеш (417 тыс. человек).

Второе место занимает штат Мадхья Прадеш — 200 тыс. человек.

За ними следуют Раджастан (135 тыс. человек), Бихар (125 тыс. человек), Дели (свыше 80 тыс. человек) и Харьяна (более 70 тыс. человек).

Замыкает список штат Химачал Прадеш, в двух университетах которого обучаются лишь немногим более 11 тыс. человек.

В целом же во всех университетах данного ареала к началу 1979 г. было сосредоточено свыше миллиона студентов [382, с. 517—520].

Кроме университетов на территории хиндиязычного ареала насчитывалось значительное число (около 1500) колледжей различного профиля, где обучалось свыше 900 тыс. студентов (см. табл. 40).

Таблица 40

Количество колледжей в хиндиязычном ареале,
1970—1971 гг., см. [539, с. 337]

Штаты/ союзная территория	Количество	
	колледжей	студентов
Бихар	270	190 024
Мадхья Прадеш	310	142 403
Раджастан	148	80 736
Уттар Прадеш	365	242 922
Харьяна и Панджаб*	255	190 387
Химачал Прадеш	34	12 659
Дели	55	62 221

* Данные отдельно по Харьяне в используемом источнике не приводятся.

Язык обучения в индийских вузах

На протяжении всего колониального периода, со дня основания первых университетов в Индии и до завоевания страной независимости, обучение в индийских вузах — и в старых, и в новых, открывшихся буквально в канун независимости, — велось исключительно на английском языке: он занимал монопольное положение в сфере вузовского образования в Индии.

На английском читались лекции, проводились семинарские занятия, сдавались экзамены, на английском была вся учебная литература, он становился основным языком общения не только между преподавателями и слушателями, но и между самими студентами. С самого первого дня пребывания в вузе студент становился активным билингом («родной язык — английский язык»), причем на первое место в функциональном плане выдвигался английский язык, который являлся для него неродным, усвоенным языком, — родной же язык в эти годы отодвигался на второй и третий план: ему отводилась лишь функция внутриземляческого, дружеского и семейного общения. Неродной язык за эти годы становился функционально первым, или функционально доминирующим, языком — родной язык, наоборот, превращался в функционально второй, или функционально ограниченный, язык, хотя сам факт смещения позиций родного и усвоенного языков в процессе общения не снимал возникшего билингвизма и не вел к полному вытеснению родного языка и становлению монолингвизма. На всем протяжении вузовского обучения, как, впрочем, и в последующие годы, используя английский как функционально доминирующий язык, студент оставался активным билингом, когда его родной, функционально второй язык, его произносительные навыки и лексико-грамматическая система существенно воздействовали на функционально доминирующий язык, в результате чего английский, используемый в Индии, и английский самой метрополии имеют весьма значительные отличия: по существу, в Индии сложился и функционирует индийский региональный вариант английского языка, который не всегда полностью понятен носителям других его региональных вариантов [406].

Подчас его квалифицируют даже как «плохо выученный иностранный язык, который временами не очень отличается от пиджина» [The Times of India. 23.06.1988].

Касаясь характера индийского варианта (или, точнее было бы сказать, вариантов) английского языка, используемого в школах и вузах Индии, один известный деятель индийского просвещения пишет: «Наши учащиеся, как, впрочем, и многие из их учителей, говорят на английском так, будто это хинди, бенгали, маратхи или телугу. Наши региональные речевые навыки абсорбировали разговорный английский и придали ему региональный колорит» [355, с. 74].

О том же — то ли с горечью, то ли с гордостью — говорит и выдающийся англоязычный писатель современной Индии, каким, несомненно, является Раджа Рао (род. в 1909 г.):

«Все мы подсознательно двуязычны, многие из нас пишут и на своем родном языке, и на английском. Поэтому мы не спо-

способны писать так, как пишут англичане. И не должны этого делать. Мы можем писать только как индийцы» [315, с. 196].

Следствием того, что каждый региональный вариант английского, используемый в том или ином культурно-лингвистическом ареале Индии, отмечен яркой спецификой прежде всего на фонетическом уровне, является то, что «начинает нарушаться взаимопонимание даже в межпровинциальных контактах. Общаясь на английском, типичный тамиль и типичный ассамец с трудом понимают друг друга» [355, с. 75].

Любопытно в этом плане и мнение самих англичан об их собственном языке, который они находят в произведениях индийских авторов. «Мне еще не попадалось ни одного созданного индийцем стихотворения, которое бы воспринималось английским читателем иначе, чем написанное иностранцем» [The Times of India. 05.07.1987].

Это об англоязычной поэзии. А вот мнение и об англоязычной прозе: «Англичане, которые на своем родном языке излагают мысль легко и изящно, должны, наверное, испытывать чувство неловкости, читая английский индийских писателей...» [The Times of India. 05.07.1987], — среди которых автор называет такие имена, как Рабиндранат Тагор, Джавахарлал Неру, Мульк Радж Ананд.

Однако, несмотря на возрастающую дивергенцию, что, несомненно, находит отражение и в суждениях (в том числе и вышеприведенных) английских авторов, позиции английского в Индии, тем более в системе ее высшего образования, не ослабевают, а скорее наоборот — еще более усиливаются. «Английскому языку в Индии живется привольно, — пишет К.К.Чаттерджи. — Уход англичан [из страны] не оказал на него никакого воздействия, и в нем не заметно ни малейшего признака ослабления [его позиций]» [315, с. 193].

На протяжении почти ста лет, со дня основания в стране первых университетов, английский занимал монопольное положение в сфере вузовского образования. Исключение составляли лишь так называемые национальные вузы (Бенаресский, Алигархский и Османский университеты), где некоторые курсы гуманитарного цикла читались на местных языках: на хинди — в первом, на урду — в двух вторых. Кроме того, обучение на местных языках практиковалось в ряде университетов, созданных в 20-е годы — в период подъема национально-освободительного движения в стране [516, с. 3—4]. Однако использование местных языков не могло сколько-нибудь серьезно поколебать позиций английского даже в этих вузах.

За годы существования независимой Индии вопрос о языке вузовского обучения рассматривался целым рядом комиссий, создававшихся различными официальными органами страны.

Первой такой комиссией был комитет, созданный в 1948 г. под председательством Тарачанда. Изучив вопрос, члены комитета пришли к выводу, что в течение ближайших пяти лет место английского в качестве средства обучения на университетском уровне должны занять индийские языки [499, с. 3—5].

Нет ничего удивительного в том, что комитет принял именно такое решение, ибо это был первый год существования независимой Индии, когда все жили в ожидании быстрых и радикальных перемен во всех сферах общественной жизни, в том числе, естественно, и в вопросе о языке вузовского обучения.

Как общий вывод, сделанный комитетом, так и сроки, определенные для перехода на индийские языки, а именно ближайшее пятилетие, говорили о том, что в своих рекомендациях члены комитета опирались больше на эмоции, чем на объективный анализ положения дел с языком преподавания на университетском уровне. Именно это обстоятельство, по-видимому, может служить объяснением того факта, что ныне редко кто упоминает о рекомендациях этого комитета.

Вопрос об английском языке занял значительное место в работе комиссии по вопросам университетского образования, работавшей в 1950—1951 гг. под председательством выдающегося индийского философа, в будущем президента Индии Сарвапалли Радхакришнана. В представленном докладе, признавая, что «английский язык был и остается одним из основных факторов в утверждении единства страны» и что «он в такой степени стал неотъемлемой частью национальной жизни, что переход к совершенно иной системе может быть связан со значительным риском», комиссия тем не менее признавала, что «такой переход неизбежен. Английский не может, как прежде, занимать место государственного языка. Использование английского как такового разделяет людей на две категории: незначительное меньшинство, которое управляет, и огромное большинство, которым управляют, — категории, неспособные понять язык друг друга».

Что же касается вопроса об использовании английского в вузовском обучении, основная рекомендация комиссии сводилась к тому, «чтобы английский язык изучался в средних школах и университетах с тем, чтобы мы могли поддерживать контакты со стремительным потоком постоянно возрастающего знания» [507, с. 316].

Вопросу о том, на каком языке должно вестись обучение в индийских вузах, прежде всего — в университетах, значительное внимание уделила уже упоминавшаяся выше комиссия, назначенная президентом Индии в 1955 г. специально для изучения аспектов проблемы перехода с английского на хинди в различных сферах жизни общества.

В представленном «Докладе» [502] большинство членов комиссии высказались в пользу замены английского языком хинди в качестве средства преподавания в индийских вузах, ссылаясь, в частности, и на то, что «многие университеты уже положили начало использованию индийских языков как средства обучения, а некоторые из них поставили перед собой четкую цель в плане прогрессирующей замены английского одним из индийских языков в качестве средства обучения на различных факультетах и для разных этапов университетского образования» [502, с. 75]. В «Докладе» особо подчеркивалось, что в ряде университетов, расположенных в хиндиязычном ареале, и на гуманитарных факультетах других вузов в качестве средства обучения используется хинди. Однако, высказываясь за хинди, члены комиссии были вынуждены признать ту роль, которую предстоит играть английскому и после перехода на индийские языки. «Даже тогда, когда английский уже перестанет быть средством обучения в наших университетах, — говорилось в „Докладе“, — мы еще долгое время будем ощущать необходимость в том, чтобы обладатели ученых степеней, выходящие из наших университетов, особенно по точным наукам, располагали достаточным знанием английского языка, ...которому предстоит служить в качестве своеобразного „ключа“ к сокровищнице знаний, не доступных на индийских языках, и в качестве „окна“ в современный мир с его стремительным прогрессом науки и технологии» [502, с. 77]. Это было единственное «послабление», которое допустила комиссия для английского языка. Все остальные сферы университетского обучения должны были, по мнению комиссии, перейти под эгиду хинди.

Мнение это, однако, не было единодушным.

Свое решительное несогласие с мнением большинства вместе с двумя другими членами комиссии выразил также известный знаток и ценитель хинди С.К.Чаттерджи. В противовес основному корпусу «Доклада» он представил так называемый «Доклад меньшинства» [320], в котором, протестуя против поспешного введения хинди в качестве единственного официального языка для всех основных сфер, в том числе и для высшей школы, он высказался за сохранение английского языка в системе высшего образования, исходя из того, что хинди не готов к осуществлению этой функции.

Признавая, что предлагаемый большинством комиссии немедленный переход на хинди «будет совершенно бесполезным и даже вредным», С.К.Чаттерджи высказал твердое убеждение, что «в жизни наших университетов английский как обязательный язык должен сохраниться не на несколько ближайших лет, а на очень длительный период. Было бы совершенно бесполез-

ным делом устанавливать какие-либо сроки на манер того, как это было задумано осуществить, к примеру, в Индийской Конституции» [502, с. 290].

Опровергая аргументы поборников хинди, С.К.Чаттерджи писал: «Английский язык является для нас Ценнейшим Средством обретения Знания (сохраняем написание автора. — В.Ч.) и великим наследством, которое мы получили от Европы. Подобно железным дорогам, автомобилю, телеграфу, телевидению и другим достижениям Современной Цивилизации, английский язык представляет собой могучее средство коммуникации — средство, которое помогает поддерживать не только политическое, но и культурное Единство Индии, точно так же, как и достигнутый ею высокий уровень науки» [502, с. 291].

И заключая свои соображения о роли английского языка в Индии — его настоящем и будущем, С.К.Чаттерджи писал: «Вместо того чтобы отбрасывать его (английский. — В.Ч.), нам его следует культивировать и сделать еще более полезным для нашего национального блага» [502, с. 293].

Хотя особое мнение ученого вызвало приступ ярости среди поборников хинди, которые тут же поспешили наградить его рядом нелестных эпитетов, в исторической перспективе С.К.Чаттерджи был прав: переход с английского на хинди оказался совсем не таким простым делом, как это представлялось в первые годы независимости.

Поэтому в 60-е годы, на основе более тщательной оценки роли английского языка, в языковую политику были внесены существенные изменения.

Правда, в 1965 г. правительство Индии предприняло-таки попытку реализовать установки Конституции и провозгласить хинди в качестве единственного официального языка страны, однако потерпело сокрушительное фиаско.

Недовольство и возмущение в определенных кругах страны вызвало заявление, сделанное министром образования Индии в Лок сабха (Народном собрании — нижней палате) индийского парламента по вопросу о языке обучения в университетах страны.

Опираясь на мнения ряда выдающихся деятелей национально-освободительного движения, решения и рекомендации ряда комиссий и комитетов, создававшихся в независимой Индии для изучения проблем университетского образования в стране, министр заявил: «Правительство Индии исходит из принципа, что индийские языки в настоящее время должны быть приняты в качестве средства образования на всех ступенях и по всем предметам, в том числе по сельскому хозяйству, технике, праву, медицине и технологии» [516, с. 5].

Против такого шага выступили многие общественные деятели, политики, представители научного мира. Указывая на неподготовленность индийских языков, опасность резкого снижения уровня образования, возможные негативные результаты для единства страны и т.п., они требовали сохранить английский как язык высшего образования. «Это огромное счастье для нас, что английский язык является привычным языком высшего образования по всей Индии, — заявил один из них. — Английский не только выступает как язык — посредник для образованных слоев общества, но и распахивает перед нами ворота богатейшей и стремительно пополняющейся сокровищницы современного знания и позволяет приобщиться к фундаментальным ценностям современной цивилизации» [516, с. 5].

Против подобного шага выступили также многие органы индийской прессы, главным образом англоязычной; ряд научных организаций (Медицинский совет Индии, Совет технологического института в Пуне, Коллегия адвокатов Индии) принял специальные резолюции с требованием сохранить английский язык как язык обучения в соответствующих вузах и на соответствующих факультетах [516, с. 167—168].

Острая дискуссия, развернувшаяся в стране по вопросу о том, какой язык должен служить средством обучения в индийских вузах, не могла не повлиять на позицию официальных кругов. В результате дискуссии, а также изменения в соотношении политических сил [413, с. 27—28] индийский парламент в 1967 г. принял Закон об официальных языках, который придал адекватную форму официальной политике в отношении английского языка.

Согласно закону, английский должен использоваться для целей коммуникации между Центральным правительством и штатом, который не принял хинди в качестве официального языка, а там, где в качестве средства коммуникации между штатами принят хинди, любой документ, составленный на хинди, должен сопровождаться переводом на английский.

Сохранив позиции английского в официальном делопроизводстве — основной сфере приложения сил для выпускников индийских университетов, закон надолго предопределил позиции английского языка в вузах страны.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что преподавание в подавляющем большинстве индийских университетов по-прежнему ведется на английском языке. В частности, как показало обследование, проведенное в 1979 г. по инициативе министерства внутренних дел и комиссии по делам гражданской службы, в 29 университетах английский является единственным языком обучения. Большинство из них, правда, расположено в иноязычных областях (Ориссе, Керале, Тамилнаде, Андхра Прадеше,

Панджабе), однако три из числа такого рода вузов размещались в пределах хиндиязычного ареала: это Индийский сельскохозяйственный научно-исследовательский институт в Дели, Технологический институт имени Бирлы в Пилани и Индийская школа горного дела в Дханбаде (Бихар) [476, с. 36].

Автор исследования особо отмечает, что «английский продолжает оставаться единственным языком обучения и сдачи экзаменов во всех технологических институтах, медицинских и технических колледжах, а также на спецкурсах на степень магистра науки, бакалавра права, финансов и т.п.» [476, с. 37].

Такое же монопольное положение занимает английский язык и в деятельности всех сельскохозяйственных университетов (даже если они носят индийское название — «криши вишвавидьялай» или «криши видьяпитх»). Исключение составляют лишь три вуза данного профиля: Харьянский сельскохозяйственный университет, Сельскохозяйственный университет имени Раджендры в Бихаре и Гуджаратский сельскохозяйственный университет: в этих вузах на непрофилирующих факультетах находят частичное применение также и индийские языки (хинди — в первых двух, гуджарати — в последнем) [476, с. 37]. Так, в Харьянском сельскохозяйственном университете, где, как и во всех других вузах данного профиля, основные курсы читаются на английском, хинди используется лишь на факультете физкультуры да на одногодичных курсах ветеринарных фельдшеров и фармацевтов [476, с. 84—85], а в Сельскохозяйственном университете им. Раджендры (Бихар) хинди находит применение только при чтении курса для сдачи экзаменов на бакалавра сельскохозяйственных наук [476, с. 109], все остальные курсы читаются на английском.

Индийские языки в вузовском обучении находят применение, как правило, лишь на гуманитарных факультетах. По данным на 1978 г., основные индийские языки в той или иной степени использовались для преподавания на различных уровнях в 83 университетах и колледжах университетского типа (см. табл. 41), хотя, как отмечают исследователи, «университетская программа по родному языку (в том числе, естественно, и по хинди. — В.Ч.) является одной из самых слабых во всем курсе обучения» [400, с. 27].

Однако сразу же следует сказать, что далеко не все индийские языки находят применение в вузовском обучении. Из 15 основных языков, перечисленных в Приложении VIII к Конституции Индии, по состоянию на 1973 г. не находили никакого применения по меньшей мере четыре языка: ассами, малаялам, кашмири и синдхи. Даже классический язык древности — санскрит находится в более выгодном положении: на нем ведется обучение в трех университетах Индии, причем он используется не только в процессе обучения студентов, но и в ходе подготовки аспирантов.

Другие языки используются как языки обучения в университетах, расположенных в соответствующих штатах страны.

Самое скромное место в университетском образовании Индии занимал ория: в 1973 г. он использовался лишь в одном университете штата Орисса.

В двух-трех, самое большее — шести университетах находят применение другие языки страны (за исключением хинди), входящие в число основных: в двух университетах штата Тамилнад используется тамил; в трех университетах штата Андхра Прадеш — телугу, в аналогичном положении находятся каннада (штат Карнатака) и панджаби (Панджаб); в четырех университетах Западной Бенгалии как язык обучения выступает бенгальский.

Более заметное место в университетском образовании занимают гуджарати, маратхи и урду: они находят применение в шести университетах каждый.

Несколько изменилось положение с использованием индийских языков в вузовском обучении к 1979 г.: общее число индийских языков, находящихся применение в этой сфере, увеличилось за счет ассамского и малаялам. К 1979 г. оба эти языка использовались на первых двух курсах гуманитарных факультетов соответствующих университетов: ассами — в Гаухатском университете (Ассам), малаялам — в Керальском и Каликутском университетах (Керала) [476, с. 80, 82, 96].

За пределами сферы вузовского обучения к концу 70-х годов оставались лишь два языка — кашмири и синдхи, перспективы которых в этом плане практически равны нулю.

Самое значительное место в университетском образовании Индии, естественно, занимает хинди: в 1973 г. как язык обучения он использовался в 45 университетах страны, в работе с аспирантами — в 35 университетах (см. табл. 41).

Таблица 41

Индийские языки как языки преподавания
в университетах Индии, 1973 г., см. [19, с. 177]

Язык	Количество университетов, где на данном языке ведется	
	обучение студентов	подготовка аспирантов
1. Хинди	45	32
2. Ассамский	—	—
3. Бенгальский	4	3
4. Гуджарати	6	5
5. Каннада	3	—
6. Кашмири	—	—

Язык	Количество университетов, где на данном языке ведется	
	обучение студентов	подготовка аспирантов
7. Малаялам	— **	—
8. Маратхи	6	2
9. Ория	1	—
10. Панджаби	3	1
11. Санскрит	3	3
12. Синдхи	—	—
13. Тамили	2	—
14. Телугу	3	—
15. Урду	6	—
Итого	83	46

* К 1979 г. ассамский уже использовался на первых двух курсах университета, расположенного в Гаухати.

** К 1979 г. малаялам использовался наряду с английским на первых курсах Керальского и Каликутского университетов.

При этом следует отметить, что использование хинди как языка обучения ограничено в основном университетами, расположенными на территории хиндиязычного ареала. Даже в таком университете, как Бенаресский, хинди находит применение лишь в гуманитарных курсах, все курсы по естественным и точным наукам читаются исключительно на английском языке [476, с. 73].

Подобное отношение к хинди как языку вузовского обучения объясняется не только поддерживаемыми традицией социально-психологическими установками, но и таким, в частности, сугубо объективным фактором, как отсутствие необходимой терминологии. Об этом уже много сказано и написано. Об этом пишут языковеды и представители точных наук, публицисты и общественные деятели. Поэтому в данном случае ограничимся лишь ссылкой на мнение тогдашнего премьер-министра Индии г-на Раджива Ганди, который, открывая торжества по случаю 30-летия со дня основания Центрального института хинди, заявил, что, если хинди намеревается идти в ногу со временем, он должен интенсивно обогащаться научной и технической терминологией [The Times of India. 14.02.1989].

Хинди является единственным языком обучения лишь в четырех вузах данного ареала, созданных, кстати, в последние полтора десятилетия. В штате Уттар Прадеш это «Каши видья-

питх» (основан в 1974 г.), Авадхский университет в Файзабаде и Бунделькхандский университет в Джханси (оба основаны в 1975 г.). В Мадхья Прадеше хинди является единственным языком обучения в Университете искусства и музыки им. Индиры в Хайрагархе [476, с. 67—119].

Хинди как язык обучения используется также еще в пяти университетах данного ареала: в Бихарском, Горакхпурском, Кумаонском, Лакхнауском, Магадском, однако в каждом из них студенту предоставлено право выбирать, на каком языке он предпочитает отвечать на экзаменах — на хинди или на английском, и в современных условиях этот выбор далеко не всегда делается в пользу хинди. Принимая во внимание положение на рынке труда, студент чаще отдает предпочтение английскому.

Таким образом, даже в университетах хиндиязычного ареала английский по-прежнему занимает весьма прочные позиции, а на факультетах точных наук, финансов, коммерции и права в большинстве вузов данного ареала он является единственным языком обучения.

За пределами хиндиязычного ареала хинди находит применение лишь в отдельных университетах сопредельных областей — Гуджарата, Махараштры и Панджаба. Так, всем гуманитарным и торговым колледжам, входящим в Бомбейский университет, предоставляется право в дополнение к английскому в качестве языка обучения вводить также маратхи, хинди или гуджарати [476, с. 75].

Хинди разрешается также использовать в Гуджаратском университете (Ахмадабад), где основным языком на гуманитарных факультетах является гуджарати [476, с. 83].

Находит применение хинди и на гуманитарных факультетах Панджабского университета (Чандigarх), наряду с панджаби и урду [476, с. 105].

При этом следует особо отметить, что в индийских вузах, даже расположенных в хиндиязычном ареале, по существу нет хинди как особого предмета: знание языка студентом принимается здесь как нечто само собой разумеющееся. Поэтому изучение хинди как предмета ограничено курсами литературы и общего языкознания. Имея в виду именно это обстоятельство, известный деятель просвещения, директор Центрального института индийских языков Д.П.Паттанаяк указывал: «Составители программ по индийским языкам в колледжах и университетах должны избегать смешения (курсов) языка, литературы и языкознания» [468, с. 72].

Хинди, как, впрочем, и другие индийские языки, находит применение прежде всего в курсах литературы, которые читаются в вузах. Однако и здесь его роль весьма ограничена, по-

сколько, как справедливо отмечает Д.П.Паттанаяк, «основное внимание в курсе литературы уделяется древнему и средневековому периодам» [468, с. 39], т.е. текстам, написанным на древних формах раджастхани, браджа, авадхи или майтхили, когда хинди используется лишь в процессе более или менее лапидарного комментирования текстов.

В первые десятилетия существования независимой Индии, когда настоятельно звучали требования о быстрейшем переводе вузов на местные языки, в ряде университетов хиндиязычного ареала английский из числа обязательных предметов был переведен в разряд факультативных. Как следствие такого шага студенты оканчивали вузы, не имея достаточных знаний по английскому языку. Это обстоятельство тотчас же создало для них значительные трудности при устройстве на работу. В результате даже в университетах хиндиязычных штатов снова отмечается процесс возвращения к английскому в качестве обязательного предмета [476, с. 41].

Принимая во внимание общую тенденцию к переходу на местные языки, газета «Индиан экспресс» провела опрос медицинских работников в штате Керала. Все опрошенные высказали единодушное мнение о том, что предложения о введении малаялам в качестве языка обучения в университетах и колледжах не учитывают требований практики и, будучи претворены в жизнь, могут иметь катастрофические последствия для медицинского образования.

В качестве мотивов подобного суждения были высказаны следующие:

1. Отсутствие учебников на местном языке.
2. Отсутствие преподавателей, способных вести обучение на местном языке.
3. Огромные расходы, которые потребуются для перевода на местный язык большого числа медицинской литературы.
4. Неспособность местных языков выразить понятия и термины современной медицины.
5. Как следствие этого, неадекватность переводов, которые к тому же успевают устареть еще до их выхода в свет.
6. В случае получения образования на местном языке невозможность получить работу за пределами своего штата или выехать за рубеж для продолжения образования или исследовательской работы.

7. Изоляция медицины рамками штата, которая последует вслед за переводом медицинского образования на местные языки; невозможность поддержания контактов с представителями как отечественной, так и зарубежной медицинской науки [328, с. 158—159].

Аналогичные суждения были высказаны также студентами различных вузов страны, когда заходил вопрос о языке обучения [476, с. 40—41].

К этому следует добавить, что студенты, оканчивающие другие факультеты без знания или с плохим знанием английского языка, сталкиваются с большими трудностями при устройстве на работу, так как и в общественном, и в частном секторе предпочтение отдается тем, кто получил образование на английском языке. Даже на конкурсных экзаменах, которые проводятся комиссией по делам Индийской гражданской службы как на общеиндийском, так и на уровне штата, английский по-прежнему остается обязательным предметом [476, с. 40—41]. «Пока английский остается языком-посредником, обеспечивая работу и статус в обществе, — заключает Н.Н.Прасад, — студенты в процессе обучения будут отдавать предпочтение английскому языку» [476, с. 41].

Язык учебной литературы для вузов

В связи с тем, что английский является основным, а во многих вузах — и единственным языком обучения, подавляющая масса учебников для колледжей и университетов издается на английском языке.

В связи с этим необходимо, по-видимому, сказать о том положении, которое занимает английский язык в издательском деле Индии.

Как известно, по числу названий книг, публикуемых на английском языке, Индия относится к ведущим державам мира, занимая третье место вслед за США и Англией: в 1980 г. на английском издавалась почти половина (точнее, 46%) всех книг, выходящих в стране [396; Mainstream. 27.04.1985].

Правда, в последние десятилетия наметилась тенденция к увеличению издания учебной литературы для вузов на индийских языках, в первую очередь, естественно, на хинди. Так, по данным на 1978 г., на хинди было издано 1029 названий книг университетского уровня, из них 597 — по гуманитарным и 432 — по всем остальным предметам.

Второе место после хинди по названному показателю занимал тамилский язык: на тамили в 1978 г. было издано 629 книг, из них 273 — по гуманитарным, 356 — по другим дисциплинам.

Третье место занимал язык малаялам (553 названия), четвертое — гуджарати (551 название), на пятом месте стоял язык каннада (516 названий).

Менее всего было издано книг университетского уровня на панджаби и бенгали: на панджаби — 65 названий, на бенгали — всего лишь 50 (см. табл. 42).

Таблица 42

Издание книг университетского уровня
на индийских языках,
1978 г., см. [19, с. 173—174]

Язык	По гуманитарным предметам	По другим предметам	Всего
1. Хинди	597	432	1029
2. Ассамский	206	161	367
3. Бенгальский	25	25	50
4. Гуджарати	268	283	551
5. Каннада	297	219	516
6. Малаялам	202	331	533
7. Маратхи	94	62	156
8. Ория	154	71	225
9. Панджаби	46	19	65
10. Тамилу	273	356	629
11. Телугу	190	217	407
Итого	2352	2176	4528

Если же учесть то обстоятельство, что значительная часть учебной литературы на индийских языках представляет собой переводы с английского, которым студенты предпочитают оригинал, то можно с уверенностью сказать, что эта тенденция еще не стала преобладающей.

Если к тому же проанализировать приведенные цифры, взяв в качестве примера книги, изданные на хинди (1029), то в дополнение к сказанному выясняется, что на хинди в 1978 г. не появилось ни одной работы по таким отраслям современного знания, как физика, биология, статистика, социология; по ветеринарии издано всего лишь 2 работы, по праву — 4, по журналистике и полиграфии — 6, по библиотечному делу — 7, по военному делу — 7 и т.д.

Зато издано большое число книг по таким гуманитарным дисциплинам, как политика и управление (66), философия и логика (63), просвещение (53) и т.д.

Однако вряд ли стоит обольщаться достигнутыми успехами, ибо значительную часть публикаций, посвященных гуманитарным наукам, составляют переводы с английского.

К тому же данные о количестве публикаций университетского уровня мало о чем говорят, сколь бы внушительными ни выглядели приведенные цифры. Сами по себе они не способны внести ясность в вопрос о том месте, которое занимает тот или иной язык в деятельности индийской высшей школы. Эти данные заговoryт полным голосом лишь в том случае, если будет известно, в какой степени все эти публикации используются в учебном процессе — в качестве обязательных учебных пособий, насущно необходимых для студента.

И в этом плане картина далеко не радужная, ибо, как отмечает газета «Таймс оф Индия», «даже изучение истории таких предметов, как индийская архитектура, скульптура или живопись, в значительной степени зависит от учебников, написанных на английском» [The Times of India. 28.01.1989].

Касаясь вопроса об учебной и научной литературе университетского уровня, Д.П.Паттанаяк пишет: «Носители различных индийских языков не примут хинди в научной сфере до тех пор, пока на хинди не будут созданы книги по различным отраслям знания» [468, с. 37].

Однако этого, как показывает практика, оказывается явно недостаточно: для того чтобы хинди был принят в мире науки, в том числе и вузовской, нужно, чтобы научные тексты, созданные на хинди, могли не только по количеству, но и, главное, по качеству выдержать конкуренцию с текстами на английском.

Как видно из приведенных выше данных, книги университетского уровня по многим отраслям современного знания уже созданы на хинди. Однако это лишь первая стадия решения вопроса об учебной литературе на местных языках для индийских вузов. Эти книги лишь частично вошли в научный обиход студента даже в самом хиндиязычном ареале, что связано с вопросом о том, на каком языке ведется в вузе преподавание данной дисциплины. Слушая лекции на английском языке, студент, даже зная о существовании литературы на хинди, будет тянуться к английским источникам, ибо обращение к учебным пособиям на хинди означает для него переключение на другой язык. Последний, даже являясь его родным языком, вряд ли способен облегчить его задачу, поскольку и в языковом, и в собственно научном плане это будет переход на совершенно иную систему терминов, которые, как это ни парадоксально, в подобной билингвальной ситуации оказываются явно избыточными, что, естественно, не будет способствовать процессу овладения знаниями.

Завершая изложение об использовании хинди в индийских вузах, можно с полным основанием утверждать, что, несмотря на ширококвещательные заявления и декларации, хинди по-преж-

нему занимает весьма скромное место в вузовском обучении даже в штатах хиндиязычного ареала.

Хинди, как правило, используется лишь в курсах гуманитарных дисциплин, таких, как литература, языкознание, отчасти — управление и торговое дело.

Все курсы по точным наукам, математике, инженерным дисциплинам, горному делу, медицине, праву, ветеринарии и сельскому хозяйству читаются на английском языке. Все материалы и пособия по этим дисциплинам написаны на английском языке. Соответственно на английском языке проводятся семинары и практические занятия, на английском же сдаются экзамены. Попытки перевести эти дисциплины на хинди успеха не имели.

Таким образом, если применительно к отдельным дисциплинам обучение в индийских вузах является монолингвальным — на английском или на хинди, то для всей системы вузовского обучения в Индии характерен билингвизм, который является отражением билингвальной ситуации, существующей в обществе, и в свою очередь способствует ее закреплению и развитию. И нет поэтому ничего удивительного в том, что многие индийские ученые ратуют за сохранение подобной ситуации. «Нам нужен и английский, и хинди, — пишет, в частности, один из них, — только для различных целей, и роль каждого из них следует пересмотреть в контексте складывающегося социального окружения. Мы должны усилить преподавание хинди для сохранения и развития наших региональных и локальных традиций, и одновременно — со всей серьезностью отнестись к обучению английскому языку для целей внутригосударственной и международной коммуникации» [352, с. 148].

Если заглянуть в будущее вузовского обучения в Индии, то, видимо, можно утверждать, что такая билингвальная ситуация сохранится в вузовском обучении и на ближайшее будущее, ибо в такой консервативной среде, какой является индийский вуз, сила инерции действует значительно сильнее и дольше.

В настоящее время (да, видимо, и в ближайшем будущем) индийские вузы, даже те из них, что расположены в самом хиндиязычном ареале, не готовы принять хинди в качестве единственного языка обучения, чем препятствует не только сложившаяся и ревностно поддерживаемая традиция преподавания на английском языке, но и степень готовности самого хинди в плане наличия многообразной, прочно вошедшей в языковую практику терминологии, и кадровый состав индийских вузов, и обеспеченность учебной литературой, и запросы практики, и сформировавшаяся в соответствии с ними социальная психология населения, в которой приоритет в любом случае отдается английскому языку: последний до сих пор служит своеобразным

«социальным маркером», воспринимаясь как средство социального успеха, показатель принадлежности к высшей среде общества, общности к достижениям западной и мировой науки.

Унаследовав подобное восприятие английского языка и уже в школе став билингвом, в стенах вуза студент профессионально совершенствует свое знание английского языка, еще более утверждаясь в мысли, что для его профессии, тем более если она связана с точными науками, современной технологией, медициной, ветеринарией, агрономией и т.п., английский является тем языком, без которого невозможно его становление как специалиста.

И наоборот, обучаясь на одном из гуманитарных факультетов, он выносит из вуза убеждение, что изучение дисциплин этого цикла вполне возможно вести и на хинди, не прибегая к помощи английского языка, и это свое убеждение по окончании вуза — уже как специалист — он реализует в своей общественной практике, однако и для гуманитария знание английского является обязательным, поскольку основной сферой приложения его знаний является государственная служба, где официальное делопроизводство ведется на английском.

Таким образом, индийский вуз — это та социальная сфера, где отмечается четко выраженная билингвальная ситуация, доминирующим компонентом которой — и не только в иноязычных областях, но и в самом хиндиязычном ареале — до сих пор остается английский язык. Использование хинди в вузах хиндиязычного ареала постепенно расширяется, однако процесс этот идет медленно и трудно, встречая многочисленные препятствия и препоны как субъективного, так и объективного плана.

Хинди в средствах массовой информации

Средства массовой информации в современном мире, являясь мощным инструментом реализации языковой политики, играют важную роль в языковых процессах, способствуя расширению сферы социального функционирования одних языковых образований в противовес другим, повышению их престижа и тем самым воздействуя на внутрисистемные свойства языка путем обогащения его лексического состава, создания новых структурных моделей и т.д.

Ниже рассмотрена деятельность таких средств массовой информации в Индии, как пресса, кино, радио, в меньшей степени — телевидение, поскольку оно еще только начинает входить в быт и пока ограничивается лишь узкой прослойкой по преиму-

шеству городского населения, поэтому его воздействие, в том числе и языковое, пока еще весьма незначительно, однако оно обладает огромными потенциями и имеет тенденцию к стремительному росту и охвату все больших территорий и масс населения.

С развитием народного просвещения и повышением грамотности печатное слово проникает в самые отдаленные уголки Индии, которые до недавнего времени можно было с полным основанием квалифицировать как «медвежий», и чаще всего оно проникает сюда в форме газеты. В силу дешевизны, общедоступности и насыщенности информацией газета в современных условиях является весьма эффективным средством воздействия, в том числе и языкового, на массы населения, способствуя утверждению и повышению престижности хинди.

Хотя возникновение собственной периодики в Индии восходит к 1780 г. (а на хинди — и того позже, к 1826 г.), пресса в этой стране получила широчайшее развитие. Достаточно сказать, что к концу 1981 г. в Индии выходило свыше 19 тыс. различных периодических изданий, суммарный тираж которых составлял более 51 млн. экземпляров [383, с. 160] (см. табл. 43).

А к концу 1984 г. численность периодических изданий в Индии возросла уже до 21 784, а их суммарный тираж достиг рекордной цифры — 61 147 тыс. экземпляров [384, с. 224—225].

К этому следует лишь добавить, что периодика в Индии издается на 92 языках, в число которых наряду с английским и 15 основными языками страны входят также 76 других индийских языков, не упомянутых в Приложении VIII к Основному закону страны (иностранные языки в данном случае в расчет не принимаются), см. [384, с. 224].

Таблица 43

Количество и суммарный тираж
периодических изданий на различных языках Индии,
1981 г., см. [383, с. 160—161]

Периодические издания Язык	Еженедельные	2-3-недельные	Еженедельники	Все другие	Общее число	Суммарный тираж (в тыс. экз.)
Английский	105	8	407	3 063	3 583	11 039
Хинди	409	26	2 432	2 432	5 329	13 984
Ассами	3	2	23	43	71	249
Бенгали	41	8	387	1 027	1 463	3 299
Гуджарати	39	3	165	489	696	2 540
Каннада	77	3	145	386	611	1 888

Периодические издания Язык	Еженедельные	2-3-недельные	Еженедельники	Все другие	Общее число	Суммарный тираж (в тыс. экз.)
Кашмири	—	—	1	—	1	—
Малаялам	101	2	115	548	766	4 127
Маратхи	120	17	361	600	1 098	2 883
Ория	10	—	31	214	255	415
Панджаби	22	1	159	225	407	1 028
Санскрит	2	—	4	24	30	11
Синдхи	4	—	20	38	62	38
Тамили	99	4	121	580	804	4 502
Телугу	31	1	149	365	546	1 556
Урау	128	7	637	527	1 299	2 254
Двуязычные	31	12	345	1 118	1 506	1 020
Многоязычные	8	1	68	273	350	177
Другие	34	3	54	176	267	92
Итого	1 264	98	5 624	12 158	19 144	51 102

Переходя непосредственно к периодике на хинди после 1947 г., следует подчеркнуть, что даже в условиях, когда хинди законодательно получил статус официального языка Индийского Союза, в прессе почти до конца 70-х годов и по количеству названий, и по их суммарному тиражу он значительно уступал английскому.

К исходу 70-х годов положение, однако, стало заметно меняться, и ведущие позиции в этом альянсе уже на рубеже 70-х и 80-х годов от английского бесповоротно перешли к хинди.

В 1978 г. периодика на хинди по всем параметрам — и по численности изданий, и по их суммарному тиражу — намного опередила англоязычную прессу. В 1978 г. на хинди насчитывалось 4196 изданий с суммарным тиражом в 9706 тыс. экз., на английском же — всего 3085 изданий, суммарный тираж которых лишь немногим превышал 9 млн. экз. [382, с. 145—146].

Подобного преимущества периодика на хинди не достигла лишь в ежедневных изданиях, однако и это отставание было ликвидировано уже в 1980 г.

Если в 1978 г. по суммарному тиражу ежедневные газеты на хинди значительно уступали аналогичным англоязычным изданиям (тираж газет на хинди и англоязычных составлял соответственно 2475 тыс. экз. и 2555 тыс. экз. [382, с. 146]), то в 1980 г. положение кардинально изменилось: суммарный тираж еже-

дневных газет на хинди почти на полмиллиона превысил общий тираж англоязычных газет: разовый тираж ежедневных газет на хинди составил 3664 тыс. экз., англоязычных — всего лишь 3089 тыс. экз. [Джан-юг. 04.05.1983].

В наиболее же рельефной форме это преобладание проявилось в 1981 г. Количество периодических изданий (газет, журналов и т.п.) на этих двух языках — английском и хинди — в 1981 г. составляло почти половину всех изданий по стране и более половины их суммарного тиража: из общего числа 19 144 периодических изданий по стране 8912 приходилось на эти два языка, а их тираж составлял цифру в 26 023 тыс. экз. из 51 102 тыс. суммарного тиража всех периодических изданий, выходявших на 82 языках Индии к началу 80-х годов [383, с. 160].

Количество периодических изданий на хинди (5329) в 1981 г. было на 1740 названий больше, чем на английском (3589), а их суммарный тираж (13 984 тыс. экз.) почти на 3 млн. экз. превышал тираж периодических изданий на английском языке (11 039 тыс. экз.) [383, с. 161].

Ощутимым этот разрыв стал в 1982 г., когда перевес периодических изданий на хинди над англоязычными выразился еще более внушительными цифрами: количество периодических изданий на хинди было почти на 2 тыс. названий больше, чем на английском языке, а их суммарный тираж (13 763 тыс. экз.) превосходил англоязычные издания более чем на 4 млн. экз. [Джан-юг. 08.05.1985].

В 1993 г. количество периодических изданий на хинди (12 506) уже почти в 2,5 раза превышало число англоязычной периодики, см. [385b, с. 275].

Самое скромное положение в этом «альянсе» продолжала занимать периодика на урду.

К концу 1978 г. количество периодических изданий на урду составляло 1130 названий (по сравнению с 3085 на английском и 4196 на хинди) с суммарным тиражом 1696 тыс. экз. (по сравнению с 9030 тыс. экз. на английском и 9706 тыс. экз. на хинди) [382, с. 145—146].

На исходе 1981 г. количество периодических изданий на урду было почти втрое меньше, чем на английском (1299 против 3583), а их суммарный тираж составлял всего лишь $\frac{1}{5}$ часть общего тиража англоязычных изданий (соответственно 2254 тыс. экз. против 11 039 тыс. экз.) [383, с. 160—161].

Еще более значительным представляется разрыв между прессой на урду, с одной стороны, и периодикой на хинди — с другой.

По всем показателям — и по количеству названий, и по их суммарному тиражу — периодика на хинди в 1981 г. более чем в шесть раз превышала прессу на урду (см. табл. 44).

Таблица 44

Пресса на хинди, английском и урду (в тыс. экз.),
1978, 1981, 1989 гг.

Язык	Данные о периодических изданиях	1978 г.			1981 г.			1989 г.
		численность периодических изданий	суммарный тираж	%*	численность периодических изданий	суммарный тираж	%*	численность периодических изданий**
Хинди		4 196	9 706	23,6	5 329	13 984	27,9	8 924
Английский		3 085	9 030	22,1	3 583	11 039	22,0	4 627
Урду		1 130	1 696	4,1	1 299	2 254	4,5	1 795
Всего		8 411	20 432		10 211	27 277		

* Подсчет наш.

** Данные приводятся по [385а, с. 320].

Более разительным стал разрыв в количестве изданий на хинди, английском и урду к концу 1984 г.: на хинди выходило 6370 газет и журналов, на английском — 3961, на урду же — всего лишь 1492 названия [384, с. 224].

Еще более контрастной стала картина в индийской прессе в конце 80-х годов: в 1989 г. на хинди выходило уже 8924 периодических издания, что почти вдвое превышало численность периодики на английском языке (4627 экз.) и без малого в пять раз — на урду (1795 экз.), см. табл. 44.

В 1993 г. на урду выходило 2224 издания, на английском — 5316, см. [385b, с. 275].

По количеству периодических изданий первое место среди всех остальных регионов Индии занимал в 1981 г. хиндиязычный ареал; свое лидирующее положение он еще более закрепил к исходу 80-х годов (см. табл. 45).

Таблица 45

Пресса в хиндиязычном ареале,
1981, 1989 гг., см. [383, с. 159—160]

<div> <div>Периодические издания</div> <div>Штаты/ союзная территория</div> </div>	Общая численность, 1981 г.	Из них			Общая численность, 1989 г.*
		ежедневных	еженедельных	прочих	
Бихар	614	43	304	267	1 190
Мадхья Прадеш	691	102	357	232	1 534
Раджастхан	1 031	87	414	530	1 735
Уттар Прадеш	2 702	178	1 342	1 182	3 711
Харьяна	368	12	134	222	— **
Химачал Прадеш	77	1	21	55	— **
Дели	2 325	48	342	1 935	3 565
Всего	7 808	471	2 914	4 423	

* Данные приводятся по [385а, с. 319].

** Данные по этим штатам не приводятся из-за малочисленности изданий.

При знакомстве с таблицей невольно обращает на себя внимание численность периодических изданий в штате Уттар Прадеш. По их численности (2702 названия) Уттар Прадеш в 1981 г. занимал первое место не только среди штатов, входящих в хиндиязычный ареал, но и среди всех остальных штатов Индии [383, с. 159]. (Кстати, в 1981 г. здесь публиковалось и наибольшее число ежедневных газет — 178.)

Свое лидирующее положение среди штатов Индии Уттар Прадеш сохранил и в 1984 г. Более того, положение пресс-лидера штат еще более упрочил: в 1984 г. здесь выходило уже свыше трех тысяч периодических изданий (если быть точным — 3063) [384, с. 224].

Немногим уступал своему «собрату» в 1981 г. и столичный округ (союзная территория) Дели: в общендийском масштабе Дели в 1981 г. занимал третье место (вслед за Махараштрой). На его долю в 1981 г. приходилось 2395 периодических изданий.

В рассматриваемом нами аспекте — развитие периодики на хинди — заслуживает особого внимания такой факт, как коренное изменение роли и значения Дели в этом процессе.

Из литературно-лингвистической окраины, какой Дели оставался на всем протяжении XIX и первой половины XX в., вплоть до завоевания страной независимости (о чем подробно было сказано выше), Дели ныне превратился в крупнейший центр развития периодики на хинди, где располагаются основные издательства, выходят ведущие газеты и значительное число других периодических изданий на хинди, концентрируются главные литературные силы, действуют лексикографические и лингвистические комитеты, Академия хинди и т.п. [100, с. 43]. Как по количеству периодических изданий на хинди, так и по их тиражам Дели давно уже оставил позади и Бенарес, и другие города хиндиязычного ареала, уступая здесь лишь штату Уттар Прадеш.

Еще более возросло значение Дели в 1984 г., когда по численности периодических изданий (2772) столичный округ с третьего места, которое он занимал в 1981 г., передвинулся на второе, уступив пальму первенства лишь своему «великому собрату» — штату Уттар Прадеш [384, с. 224].

Здесь наряду с влиятельными газетами «Хиндустан таймс», «Таймс оф Индия», «Индиан экспресс», выходящими на английском языке, издается также ряд газет на хинди, имеющих общендийское значение. Причем делийские ежедневные газеты на хинди по тиражам нисколько не уступают своим англоязычным «собратьям», а в ряде случаев — даже значительно превосходят их (см. табл. 46).

Таким образом, центр периодики на хинди с конца 40-х годов переместился из восточных областей данного ареала в зону его опорного диалекта, однако это нисколько не повлияло на лингвистические характеристики литературного языка: сформировавшись в Бенаресе, Аллахабаде и других городах на востоке хиндиязычного ареала и утвердившись в результате почти векового употребления в прессе и литературе, хинди и в Дели следу-

Тираж крупнейших делийских газет на хинди
и на английском (в тыс. экз.), см. [382, с. 147]

Название газеты	Язык	Разовый тираж		Динамика	Разовый тираж
		1977 г.	1978 г.		1990 г.*
«Нав Бхарат таймс»	хинди	280,2	287,4	+ 7,2	517,8
«Хиндустан таймс»	английский	199,1	213,8	+ 14,7	332,9
«Хиндустан»	хинди	159,6	171,2	+ 11,6	—
«Таймс оф Индия»	английский	131,9	146,2	+ 14,3	432,6
«Индиан экспресс»	английский	136,9	105,7	— 30,8	581,0

* Данные приводятся по [438а, с. 545].

ет бенаресским образцам, развиваясь как высокосанскритизованный книжно-литературный стиль, который через прессу и другие средства массовой информации все более воздействует на устно-разговорную речь его носителей. Ознакомившись с прессой на хинди, трудно согласиться с утверждением о том, что «на практике его употребление ограничено лишь некоторыми неразговорными ситуациями, произнесением официальных речей да кругом посвященных в его тайны образованных людей» [472; 540, с. 254].

Утверждая высокосанскритизованный стиль в графике деванагари, газета на хинди нередко осуществляет одновременно и другую социальную функцию — функцию поддержания интереса к региональным языкам данного ареала. Интерес к региональным языкам поддерживается благодаря тому, что местные газеты, издающиеся на хинди, регулярно публикуют материалы на соответствующих «лок-бхаша» («народных языках»): брадже, авадхи, бходжпури, раджастанхрани и др. [100, с. 82].

Кроме того, в условиях независимой Индии на региональных языках постепенно складывается и собственная пресса — правда, пока крайне нерегулярная [100, с. 82—85], что, естественно, не может поколебать того высокого положения, которое занимает хинди в жизни данного ареала.

Из всего сказанного вовсе, однако, не следует, что пресса на хинди уже охватила весь хиндиязычный ареал (не говоря уже обо всей Индии) и проникла во все, даже самые «медвежьи» его уголки. Не секрет, что наряду с такими селениями, как Мукхмельпур — деревня, расположенная всего лишь в 12 милях от индийской столицы и связанная с нею тысячами нитей, где относительно высок уровень грамотности (25%) и где наряду с книгами, которые имеются в местной библиотеке и в частных

руках, а также могут быть приобретены в трех книжных киосках действующих на ярмарке, широкой популярностью, особенно среди молодежи, пользуется газета [535, с. 14—15], — в хиндиязычном ареале имеются и такие уголки, как деревня Исмаилпур в Бихаре, которая, хотя и расположена неподалеку (всего лишь в 37 км) от университетского центра — города Музаффарпур — и поддерживает с ним более или менее регулярные связи, однако почти не знакома с газетой; в Исмаилпуре, как пишет А.К.Синха, занимавшийся социологическим обследованием деревни, «распространение информации с помощью газеты или какой-либо иной формы печатного слова является минимальным. Жители деревни не подписываются ни на одну газету. Газеты изредка приобретает в соседнем городе мукхия (староста). Иногда газеты приносят с собой также учителя средней школы, живущие в деревне, однако это случается крайне редко» [528, с. 58]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что влияние прессы на жителей Исмаилпура и подобных ей деревень крайне незначительно — и не только как результат отсутствия газет и неграмотности подавляющего большинства населения (свыше $\frac{4}{5}$), но в немалой степени и от того, что язык газеты — стандартный хинди — непонятен жителям Исмаилпура, точно так же, кстати, как и язык радио и телевидения [528, с. 74, 84].

Индийское кино

За почти девять десятилетий, прошедших с той поры, как Индия создала свой первый фильм (1913 г.), индийский кинематограф вырос в колосса, превратив Индию в одну из величайших кинодержав мира: по данным на 1979 г., в Индии было создано 714 кинофильмов (по сравнению с 619 лентами в 1978 г.); в 1981 г. эта цифра поднялась до 737, в 1982 г. — до 763 (из которых, кстати, 720 были цветными), см. [383, с. 165]. А в 1985 г. киноиндустрия Индии побила даже собственные рекорды, создав 912 полнометражных художественных фильмов, из которых 187 приходилось на долю хинди [384, с. 232].

Современный индийский кинематограф — явление сложное как в региональном, так и в лингвистическом аспектах.

Основными центрами индийской киноиндустрии являются Бомбей, Калькутта и Мадрас. Как свидетельствуют данные последних лет, годовая кинопродукция Мадраса значительно превосходит все, что произведено за год в Бомбее и Калькутте, вместе взятых, и составляет около 64% общего числа снятых фильмов. В частности, из 763 фильмов, произведенных в 1982 г., на долю Мадраса приходилось 487, в то время как на долю его

«собратьев» — всего лишь 276 (из этого числа в Бомбее произведено 210, в Калькутте — 66 фильмов).

За последние годы в число ведущих киноцентров Индии постепенно выдвигается также Бангалор — столица штата Карнатака [383, с. 165].

Индийский кинематограф сегодня — это в подлинном смысле индустрия кино, которая в конце 60-х годов насчитывала 59 киностудий (58 частных и одну государственную), около тысячи кинокомпаний (в их числе 300 — чисто производственных) и в которой занято свыше 130 тыс. человек.

Индийскую киноиндустрию обеспечивает кадрами самый крупный в Азии киноинститут, расположенный в Пуне (штат Махараштра). Подавляющее большинство фильмов, созданных в первые десятилетия существования звукового кино, было поставлено на упрощенном хинди (или хиндустани), доступном основной массе городского населения Северной Индии.

Подобное положение существовало в индийском кино вплоть до середины 50-х годов, когда все громче и настойчивее зазвучал голос киностудий, создававших фильмы на других языках Индии. В частности, за тридцатилетие между 1951 и 1981 гг. резко возросло количество фильмов на основных дравидийских языках: так, если число фильмов на тамили за этот период выросло в 5 раз (с 26 в 1951 г. до 137 в 1981 г.), на телугу — в 6,5 раза (с 20 до 132), то на малаялам — в 16 раз (с 7 до 111), а на каннада — более чем в 30 раз (с 2 до 65).

Появились фильмы на тех языках Индии, которые не входят в число названных в Приложении VIII к Конституции страны: бходжпури, раджастанхрани, догри и ряде других.

Следовательно, первый вывод, который можно сделать после знакомства с индийским кино, заключается в том, что современный индийский кинематограф — явление многонациональное и многоязычное (см. табл. 47).

Однако отснятый, озвученный и размноженный фильм создает лишь возможность языкового воздействия; для того чтобы данная функция смогла реализоваться на практике, картина должна выйти на экран, стать достоянием массового зрителя. Иными словами, картина способна достигнуть зрителя и оказать на него воздействие — эмоциональное, духовное, эстетическое, языковое, — если имеется специально отведенное для этого место, т.е. кинотеатр, пусть даже самый примитивный, типа передвижки и натянутого на стену полотна.

Индия, являясь одним из крупнейших производителей фильмов — своеобразной «кинодержавой» (что было показано выше), располагает широко разветвленной сетью кинотеатров, сосредоточенных главным образом в крупных и средних городах.

Производство кинофильмов на языках Индии,
1951—1982 гг., см. [383, с. 156]; 1990 г., см. [438а, с. 539];
1991 г., см. [438б, с. 575]

Язык	Годы						
	1951	1961	1971	1981	1982	1990*	1991**
Хинди	100***	98	115****	153	148	200	215
Английский	—	—	1	2	1	4	1
Ассамский	—	2	5	5	5	8	9
Бенгальский	38	36	30	42	49	50	51
Бходжпури	—	—	1	5	3	5	8
Гуджарати	6	7	3	34	39	14	16
Каннада	2	12	33	65	51	81	91
Конкани	—	—	1	—	1	—	—
Малаялам	7	11	52	111	117	126	94
Манипури	—	—	—	—	—	2	1
Маратхи	16	15	23	27	24	25	29
Непали	—	—	—	—	2	4	8
Ория	—	2	1	10	9	13	11
Панджаби	4	5	2	8	6	7	9
Синдхи	—	—	1	—	—	—	—
Тамили	26	49	73	137	141	194	186
Телугу	20	55	85	132	154	204	174
Тулу	—	—	2	1	—	1	—
Раджастхани	—	1	—	2	3	5	5
Браджбхаша	—	—	—	—	1	—	—
Майтхили	—	—	1	—	1	—	—
Мальви	—	—	—	—	1	—	—
Урду	—	10	4	—	7	—	—
Всего	219	303	433	737	763	948	910

*За 1990 г. не отражены один фильм на языке бодо и один на диалекте хариани.

** За 1991 г. не отражены еще два фильма: один на языке нага и один на диалекте хариани.

*** Сюда включены также фильмы на урду и хиндустани.

**** Сюда включены также 14 фильмов на хиндустани и один фильм на чхаттисгархи.

Причем эта сеть постоянно расширяется и уплотняется: создаются новые кинотеатры, совершенствуются старые, увеличивается число кинопередвижек. Так, всего лишь за семь лет (с 1975 по 1982 г.) численность кинотеатров в Индии с 9 тыс. увеличи-

лась почти до 12 тыс., т.е. возросла почти на треть, а если быть точным — на 29,6% (см. табл. 48).

Таблица 48

Число кинотеатров в Индии в 1975—1983 гг.,
см. [383, с. 168]

Годы	Кинотеатры		
	постоянные	передвижные	общее число
1975/76	5 650	3 367	9 017
1976/77	5 845	3 332	9 167
1977/78	6 030	3 521	9 551
1978/79	6 216	3 744	9 960
1979/80	6 405	4 157	10 562
1980/81	6 667	4 146	10 813
1981/82	6 991	4 248	11 239
1982/83	7 149	4 553	11 682

Как уже было сказано выше, эра звукового кино в Индии началась с картины, поставленной на хиндустани, и до середины 50-х годов этот язык являлся преобладающим в индийском кинематографе: подавляющая часть фильмов создавалась на упрощенном хинди. Так, по данным Центрального бюро киноцензоров, в общей массе фильмов, получивших разрешение на прокат за пятилетие с 1951 по 1955 г. (2835 фильмов, снятых на широкую пленку, и 236 узкоплёночных), большинство, а именно 1726, составляли фильмы, созданные на хинди [502, с. 47].

К концу 50-х годов положение, однако, начинает постепенно меняться — тенденция, которая достаточно отчетливо проявилась уже к 1961 г. Хотя в 1961 г. киноиндустрия Индии, как и прежде, основную часть своей продукции, а именно 108 из 303, выпустила на одной из форм кхари боли (98 — на хинди и 10 — на урду), эта цифра составляла уже примерно $\frac{1}{3}$ общего числа фильмов, сделанных в Индии, см. [381, с. 153].

В последующие годы доля фильмов, созданных на хинди и урду, продолжает сокращаться: в 1971 г. она составляла уже примерно $\frac{1}{4}$ всей кинопродукции (119 из 433); в 1981 г. падает до $\frac{1}{5}$ числа произведенных лент (153 из 737); та же пропорция (с тенденцией к дальнейшему сокращению) сохранилась и в 1982 г., когда на хинди и урду было отснято 155 фильмов (из общего числа 763).

Как видно из табл. 47, стремительный рост числа фильмов на хинди отмечается в конце 80-х—начале 90-х годов: если в 1990 г.

на хинди было выпущено 200 фильмов, то в 1991 г. — 215. В последующие годы в производстве фильмов на хинди отмечается тенденция к снижению: в 1993 г. было создано 183 фильма, в 1995 г. всего лишь 157.

Однако как бы ни уменьшалась доля картин на хинди в общей массе индийской кинопродукции, по количеству они неизменно занимают первое место, намного опережая в этом плане картины на других языках (за исключением телугу, которому хинди несколько уступил в 1982 г.).

С начала 70-х годов все более заметное место в кинематографии хинди занимает экранизация. Экранизируются многие произведения современной литературы хинди: романы и рассказы, повести и драматические произведения.

Создана картина по повести Премчанда «Габан» («Растрата»), снят блестящий фильм, в основу которого лег его же рассказ «Шатарандж ке кхилари» («Игроки в шахматы»), завоевавший ряд призов и наград на всеиндийских фестивалях.

Из произведений живого классика литературы хинди Джайнендры Кумара экранизирована повесть «Тьяг-патр» («Прощение об отставке»), получил вторую жизнь на экране ряд произведений других писателей старшего поколения.

В числе экранизаций — много фильмов, созданных по произведениям писателей хинди младшего поколения.

Успехом до сих пор пользуется фильм «Тисри касам» («Третья клятва»), поставленный по одноименному рассказу Пханишварнатха Рену (1921—1977).

Большой успех выпал на долю таких картин, как «Пхир бхи» («Тем не менее») и «Баднам чали» («Поселок с дурною славой»), представляющих собой экранизацию повестей известного писателя хинди Камалешвара (род. в 1932 г.), «Уски роти» («Лепешки для мужа») и «Ашарх ка эк дин» («Один день в месяце ашарх») по произведениям (первый — по рассказу, второй — по пьесе) ныне покойного Мохана Ракеша (1925—1972).

Неизменный успех сопутствовал фильму «Сара акаш» («Все небо»), созданному по одноименному роману выдающегося мастера слова хинди Раджендры Ядава (род. в 1929 г.).

Из числа фильмов, созданных в тот период на основе произведений писателей урду, с успехом прошли по экранам страны картины «Дастак» («Стук в дверь»), которую видный прозаик урду (он же продюсер) Раджендра Синх Беди поставил по одному из рассказов Саадата Хасана Манто, и «Гарм хава» («Горячий ветер»), в основу которого легла новелла известной писательницы Исмат Чугтаи [Дайник джагаран. Канпур. 07.01.1973].

Волна экранизаций продолжается. В частности, режиссер-постановщик Кайлаш Капур в основу своего фильма «Жил-был

Чандар, жила-была Судха» положил роман «Бог грешников» известного прозаика и поэта хинди Дхармавира Бхарати; воодушевленный успехом своего фильма «Стук в дверь», Раджендра Синх Беди экранизировал другое свое произведение — рассказ «Месяц пхагун» и т.д.

В связи с этим не может не привлечь внимание тот факт, что многие произведения современной литературы хинди, в особенности повести и романы, подчас создаются с учетом возможной переработки в сценарии.

Экранизации еще более усиливают нормирующую функцию кино, что имеет особое значение для хинди как языка, наделенного статусом официального языка страны.

Той же цели способствует и сеть кинопроката, ибо на штаты, входящие в хиндиязычный ареал, приходится значительная часть (до $\frac{1}{3}$) всех кинотеатров, имеющих в стране. Так, к 1983 г. в хиндиязычном ареале насчитывалось около 4 тыс. кинотеатров, где демонстрировались главным образом или исключительно картины на хинди.

Наличие такого числа кинотеатров, естественно, предполагает широкий охват зрительской аудитории, которая в интересующем нас специфическом плане выступает как объект речевого воздействия кинематографа.

В связи с развитием индийской киноиндустрии, в том числе и на хинди, следует особо подчеркнуть, что кино до сих пор остается преимущественно городским зрелищем, индийская деревня остается по существу за пределами воздействия кинематографа, поскольку даже передвижки — редкие гости в деревне, да и то главным образом пригородной [528, с. 118]. Деревня, особенно отдаленная, лишь в очень незначительной степени входит в сферу воздействия кинематографа. Это воздействие к тому же ограничено относительно узким слоем деревенского населения, имеющего возможность изредка наведываться в город и посещать кино, что можно видеть на примере уже упоминавшейся выше деревни Исмаилпур (неподалеку от Музаффарпура в штате Бихар), где, как пишет исследователь, «лишь отдельные жители деревни, преимущественно молодые и грамотные, смотрят кино, когда, случается, посещают близлежащие города — Хаджиपुर, Музаффарпур или Патну» [528, с. 59].

Показательно, что более или менее регулярно ходят в кино члены отдельных крестьянских дворов, составляющих примерно $\frac{1}{10}$ (точнее, 11%) общего числа дворов деревни. Причем здесь четко просматривается прямая зависимость фактов посещения кино от материального положения той или иной семьи: кино — это городское и, по деревенским понятиям, весьма дорогое зрелище — могут посещать лишь те, у кого есть деньги, т.е. зажи-

точные крестьяне. Безземельные и малоземельные практически лишены этой возможности. Наиболее мобильной в этом плане частью населения деревни являются именно середняки, имеющие и определенный достаток, и минимум свободного времени для посещения кинотеатров при наездах в город: среди них более половины дворов относятся к числу посещающих кино. Безземельные и малоземельные практически лишены этой возможности.

В целом, как показало социологическое обследование деревни Исмаилпур, посещают кино лишь 11% общего числа жителей деревни, — 89% относятся к числу тех, кто даже сейчас, в последней четверти XX в., по существу, не знаком с таким популярным и массовым зрелищем, каким в современном мире является кинематограф.

Поскольку кино посещают преимущественно молодые крестьяне, уже приобщившиеся к грамоте, т.е. уже в какой-то степени овладевшие хинди, то, естественно, языкового барьера для этой группы населения практически не существует. Однако языковой барьер в кино остается для малограмотных и особенно неграмотных: для них недостаток в восприятии речи, звучащей с экрана, в какой-то степени компенсируется зрелищностью и динамизмом картины, позволяющими, в сочетании с отдельными словами и репликами, следить за развитием сюжетной линией фильма.

Пока кино оставалось исключительно (или преимущественно) городским зрелищем, кинематограф мог ограничиться созданием фильмов на кхари боли — языке, который давно уже стал привычным средством коммуникации во всех основных сферах жизни североиндийского города.

Когда же по мере роста сознательности и политической активности деревни выдвигается задача — вовлечь в сферу воздействия кинематографа огромные массы сельского населения, составляющие в хиндиязычном ареале свыше $\frac{4}{5}$ числа всех его жителей, которые прежде находились за пределами влияния кинематографа, фильмов, создаваемых на кхари боли, оказывается явно недостаточно — возникает объективная необходимость создания фильмов на отдельных, наиболее развитых региональных языках.

В этом плане определенным рубежом в развитии индийского кино явился 1961 год, когда был создан первый фильм на раджастхани [381, с. 153].

Во второй половине 60-х годов создание фильмов на региональных языках ареала хинди стало своеобразной модой.

Ныне существуют фильмы почти на всех языках, входящих в орбиту распространения хинди и по традиции рассматриваемых как диалекты хинди: на брадже, бходжпури, майтхили, раджастхани, чхаттисгархи и ряде других [100, с. 89—91].

Универсальным средством массовой информации в современных условиях является радио, поскольку практически оно доступно всем, кто хоть в какой-то степени владеет кхари боли, безотносительно к уровню грамотности, — обстоятельство, которое в нынешней Индии с ее весьма невысоким процентом грамотности населения приобретает исключительное значение.

В 1947 г., когда Индия обрела независимость, в стране действовало только шесть радиостанций, которые выходили в эфир как на индийских, так и на ряде иностранных языков.

В настоящее время Всеиндийское радио — крупнейший орган массовой информации в министерстве информации и радиовещания: в его системе действуют 172 радиостанции, которые в совокупности покрывают все культурно-лингвистические регионы Индии — почти 90% территории страны и свыше 97% ее населения [385b, с. 264].

Информационные программы в централизованном порядке передаются не только на английском и хинди, но и на всех основных языках Индии, даже на санскрите [294, с. 67].

Радиовещание в стране ведется на 60 языках и диалектах. Только из Дели в эфир идут передачи на 19 различных языках [383, с. 151].

Основное место в работе делийской радиостанции занимают передачи на официальных языках страны — хинди и английском: на хинди ежедневно выходят в эфир 10 программ, на английском — 11, причем две программы — утренняя и вечерняя продолжительностью от 10 до 15 минут каждая — транслируются всеми радиостанциями страны [294, с. 68—70].

Суммарное время радиовещания внутри страны превышает 500 тыс. часов ежегодно.

Около 40% времени индийских радиостанций отводится музыке — классической и современной, около $\frac{1}{4}$ — программам новостей, 11% — интервью, беседам и дискуссиям, 5,6% занимают так называемые программы для деревни [382, с. 135].

Песни, радиоспектакли, интервью, беседы и программы для деревни передаются, как правило, на языке того штата (либо региона), где находится радиостанция.

На всех радиостанциях, расположенных в хиндиязычном ареале, вещание, естественно, ведется на хинди.

На хинди ведут вещание радиостанции, расположенные в Патне и Ранчи (штат Бихар), в Индоре и Бхопале (Мадхья Прадеш), в Лакхнау и Горакхпуре (Уттар Прадеш), в Джайпуре (штат Раджастхан), в Симле (штат Химачал Прадеш), в Чанди-

гархе (штат Харьяна) и, естественно, в индийской столице — Дели [294, с. 266—269].

Из числа радиостанций, расположенных за пределами данного ареала, хинди широко используется в работе радиостанции Порт-Блэра (союзная территория Андаманские и Никобарские о-ва) [294, с. 269].

Определенное, подчас весьма значительное место на радио даже в хиндиязычном ареале отводится также передачам на английском языке, гораздо меньшее место — передачам на региональных языках.

Оценивая значение радио как средства массовой информации (и, как следствие, лингвистического воздействия на массы) применительно к Индии, следует принять во внимание одно немало важное обстоятельство.

Хотя к исходу 80-х годов в Индии насчитывалось уже около 70 млн. радиоприемников, на долю хиндиязычного ареала приходилась лишь незначительная их часть. По числу зарегистрированных радиоприемников хиндиязычный ареал занимает одно из последних мест в Индии: так, в Бихаре было почти втрое меньше радиоприемников, чем в соседней Западной Бенгалии, такое же соотношение между штатами Мадхья Прадеш и Махараштра, между Раджастханом и Тамилнадом и т.д. [48, с. 96]. Однако роль радио, особенно в деревне, значительно выше, чем газеты: небольшое число радиоприемников, находящихся в частном пользовании, в определенной степени компенсируется наличием приемников, которыми располагают панчаяты, что делает каждый такой радиоприемник в подлинном смысле средством массовой информации — на прослушивание передач собирается все свободное, главным образом мужское, население деревни [436, с. 821].

Что касается радиоприемников, находящихся в частном пользовании, то следует особо подчеркнуть, что даже такой инструмент приобщения к массовой информации, как радиоприемник, доступен в Индии далеко не всем, тем более в деревне. Обладателями радиоприемников в Индии могут быть только те, у кого есть лишние средства, т.е. верхние и средние слои общества в городе, зажиточные и середняки — в деревне. Здесь наблюдается прямо пропорциональная зависимость: на долю более зажиточных хозяйств приходится и большее количество радиоприемников, чем на долю середняцких хозяйств. Безземельные и малоземельные практически лишены такой возможности. Так, по данным упоминавшегося выше обследования в деревне Исмаилпур (Бихар), среди зажиточных крестьян (имевших более 10 акров земли) приемниками располагали свыше трети их числа (33,6%), среди середняков (от 6 до 10 акров) — около $\frac{1}{6}$ (17,6%),

среди малоземельных (до 5 акров земли) — менее $\frac{1}{20}$ их общего числа (4,9%) [528, с. 59].

Конечно, количество приемников, имеющих в том или ином регионе, в какой-то степени может служить показателем воздействия радио на слушателей, в том числе, естественно, и воздействия собственно лингвистического в плане приближения местных речевых навыков к литературной орфоэпической норме. Однако для полной оценки этого феномена данный показатель явно недостаточен.

Для того чтобы получить более полное представление о воздействии радио на слушателей, следует принять в расчет еще один показатель, а именно «уровень слушаемости», т.е. процент взрослого населения, регулярно слушающего радио. В этом плане заслуживают самого пристального внимания результаты опросов населения, проведенных Всеиндийским радио в конце 70-х годов.

Как показало проведенное обследование, наиболее высоким был процент респондентов в Центральной зоне, обслуживаемой радиостанциями, расположенными в Лакхнау, Патне и Бхопале (и соответственно покрывающими территории основных штатов данного ареала: Уттар Прадеша, Бихара и Мадхья Прадеша). Так, из числа городских жителей, обслуживаемых патнинской радиостанцией, утренний (8.00) выпуск новостей на хинди регулярно слушали 87,5% респондентов, вечерний (20.45) — 69,4%.

Из числа сельских респондентов утренний выпуск новостей на хинди регулярно слушают 83,9%, вечерний выпуск — 69,0%.

Для городских респондентов, обслуживаемых бхопальской радиостанцией, «уровень слушаемости» равнялся 72,8% (утренний выпуск новостей) и 76,5% (вечерний выпуск); для сельских — соответственно — 66,3 и 78,9% [294, с. 270].

Примерно такой же процент был отмечен и для респондентов, обслуживаемых радиостанцией в Симле: это жители штатов Химачал Прадеш, Харьяна, северо-восточной части штата Уттар Прадеш и восточной части Пенджаба [294, с. 270].

Несколько ниже был процент респондентов, обслуживаемых джайпурской станцией (это в основном штат Раджастан): если в городе этот показатель составлял около 66%, то в деревне — 52,1%, см. [294, с. 270].

В Восточной зоне, охватывающей территории Западной Бенгалии, Ориссы и штатов Северо-Востока (Ассам, Аруначал Прадеш, Манипур и др.), которые обслуживаются радиостанциями в Гаухати (Ассам), Агартале (Трипура), Калькутте (Западная Бенгалия) и Каттаке (Орисса), уровень респондентов, регулярно слушающих выпуски новостей на хинди, резко падает: здесь он колеблется от 14,5% (среди городских респондентов, обслужи-

ваемых радиостанцией Каттака) до 0,3% (среди сельских респондентов, обслуживаемых калькуттской радиостанцией; в обоих случаях речь идет об утреннем выпуске) [294, с. 271].

Особенно же низок процент респондентов хинди в Южной зоне, куда входят территории, обслуживаемые радиостанциями в Хайдарабаде (штат Андхра Прадеш), Мадрасе (Тамилнад), Бангалоре (Карнатака) и Тривандруме (Керала). Удручающе низким был процент респондентов хинди в штате Тамилнад: если среди городских респондентов, обслуживаемых мадрасской радиостанцией, этот показатель равнялся примерно 3%, то среди сельских респондентов он практически был равен нулю [294, с. 271]. Иными словами, если в городах штата еще находятся отдельные респонденты, регулярно слушающие программу новостей на хинди, то в сельской местности из-за незнания языка передачи на хинди не слушает никто.

Совершенно противоположную (в плане распределения по регионам) картину представляют данные о респондентах, регулярно слушающих сводки новостей на английском языке (которые, кстати, идут в эфир вслед за аналогичными передачами на хинди).

Наиболее высокий процент таких респондентов был зафиксирован в Южной зоне. Так, среди имеющих образование этот показатель равнялся 55% — в городах, обслуживаемых хайдарабадской радиостанцией (штат Андхра Прадеш), 54,6% — в городах, обслуживаемых бангалорской радиостанцией (штат Карнатака и прилегающие территории штата Тамилнад), 54% — в городских центрах, входящих в сферу действия радиостанции Мадраса (штат Тамилнад), и 53,1% — на территориях, входящих в сферу действия радиостанции в Тривандруме (штат Керала) [294, с. 273].

Самый же низкий процент среди обеих категорий респондентов, как это ни парадоксально, зафиксирован в Восточной зоне, а именно в городах, обслуживаемых калькуттской радиостанцией (Западная Бенгалия): для первой категории респондентов (без образования) этот показатель равнялся 4,7%, для второй (имеющих образование) — 6,2% [294, с. 273].

Хиндиязычный ареал в этом плане занимал промежуточное положение: здесь процент респондентов, регулярно слушающих сводки новостей на английском языке, колебался в весьма широком диапазоне — от 5,7% среди респондентов первой категории (вечерние передачи бхопальской радиостанции) до 41% среди респондентов второй категории [294, с. 272].

Таким образом, если по самым низким своим показателям хиндиязычный ареал смыкается с Восточной и Западной зонами, то по самым высоким показателям приближается к Южной зоне.

Особо следует сказать о языке передач, идущих в эфир со станций хиндиязычного ареала.

Основное время на всех радиостанциях, расположенных в хиндиязычном ареале, естественно, занимают передачи на хинди — литературной форме, которая в силу насыщенности санскритской лексикой доступна далеко не всем слоям даже городского населения.

«Вместо того чтобы использовать понятные всем разговорно-бытовые слова и выражения, радио напичкивает слушателя словами и выражениями, относящимися к высоколитературному и академическому стилю [хинди], — писала газета „Стейтсмен“. — Поэтому ему не удастся донести такой хинди до сознания слушателей даже в Северной Индии, не говоря уже о тех, кто живет на Юге» [The Statesman. 23.10.1989].

В результате непомерной санскритизации текста хинди из средства общения нередко превращается в свою противоположность, воздвигая языковой барьер между говорящим и слушающим. «Для большинства слушателей, даже в Северной Индии, передачи Всеиндийского радио стали непонятны, — пишет в этой связи газета „Таймс оф Индия“. — Слушатель должен иметь под рукой словарь, чтобы воспринять простую сводку новостей, передаваемых Всеиндийским радио на хинди» [The Times of India. 21.08.1989].

Касаясь этого вопроса, один известный писатель, связанный с Всеиндийским радио, отмечает: «Мы постоянно сражаемся против санскритизованного хинди, который культивируется на радио его протагонистами» [338, с. 83].

Однако было бы неверно думать, что все передачи, идущие в эфир, звучат на языке, отличающемся высоким уровнем санскритизации, как пишет тот же автор: «Хинди, используемый на Всеиндийском радио, можно разделить на две категории. К первой относятся пьесы, беседы, дискуссии, где хинди используется в речи персонажей или участников передачи, на которую (речь) работники радио не могут повлиять сколько-нибудь заметно.

Другую категорию составляют передачи новостей и объявления. Язык этих передач часто служит объектом критики, хотя в общем он не отличается от языка прессы» [338, с. 160].

Отличаясь высоким уровнем санскритизации, такой язык понятен лишь определенным прослойкам городского населения.

Еще менее понятен такой хинди для жителя деревни. Если передачи, носящие диалогический характер (пьесы, беседы у микрофона, обсуждения близких ему тем — сельского хозяйства, жизни деревни и т.п.), еще в какой-то степени доступны ему, то передачи-монологи (программы новостей, объявления, выступления деятелей науки, культуры и т.п.) остаются за пределами

его понимания, и в своей практической деятельности Всеиндийское радио вынуждено считаться с этим обстоятельством.

С тем чтобы поддерживать постоянный контакт с крестьянскими массами, Всеиндийское радио ежедневно отводит часть времени (обычно в вечерние часы) передачам для деревни: программа «Радио в деревне» («Акашвани гаон мен») передается многими станциями страны и пользуется успехом, кстати, не только у деревенских жителей.

На радиостанциях хиндиязычного ареала, сохраняя хинди в качестве основного языка массовой информации, Всеиндийское радио часть времени отводит так называемым «Программам для панчаятов» («Панчаят гхар програм»), в которых используются основные региональные языки данного ареала: брадж, авадхи, бходжпури, майтхили, раджастхани и ряд других. Такие передачи ведутся всеми радиостанциями, расположенными на территории хиндиязычного ареала. Так, делийская радиостанция каждое утро передает в эфир часовую программу на брадже «Брадж мадхури» («Сладость браджа»), предназначенную для деревенского населения Браджадэши; радиостанция в Лакхнау передает песни, стихи, рассказы, одноактные пьесы на авадхи; аллахабадская, бенаресская и патнинская радиостанции значительное время отводят передачам на бходжпури; среди населения, говорящего на бходжпури, весьма популярна программа «Чаупаль» («Деревенский форум»), которая идет в эфир с патнинской радиостанции, и т.д.

Именно таким программам отдает предпочтение житель деревни, что можно видеть, в частности, на примере упоминавшейся выше деревни Ислампур (неподалеку от Музаффарпура в штате Бихар), где, как пишет исследователь, «программа „Чаупаль“... является любимой передачей жителей деревни, потому что в ней используется местный диалект (т.е. баджика. — В.Ч.)» [528, с. 59].

Как показало обследование, проведенное в 1972 г. Центральным институтом индийских языков (ЦИИЯз, Майсур) в штате Химачал Прадеш, радиовещание здесь ведется на четырех языках — хинди, английском, урду и панджаби — и, кроме того, на ряде местных (западнопахарских) диалектов: биласпури, чамбеали, кангри, кулуи, мандеали, махасуи, сирмаури. Как свидетельствуют данные обследования, хотя подавляющая часть респондентов (46,9% общей численности) предпочитает слушать сводки новостей на хинди, тем не менее значительное число (более $\frac{1}{5}$, или 21,89%) респондентов отвечало, что регулярно слушает сводки новостей на местных диалектах [444, с. 97].

Вместе с тем в обследовании отмечалось, что число слушателей других диалектных программ, которые включали рассказы, пьесы, беседы и народные песни, было значительно выше и со-

ставляло более 90% всех респондентов, причем самый высокий процент слушателей (28,37%) приходился на кангри (на мандеали несколько меньше — 24,21% слушателей, на биласпури — 18,3% и т.д.), в то время как число слушателей аналогичных программ, транслировавшихся на хинди, составляло лишь 42,1% всех респондентов [444, с. 97].

Как отмечают исследователи, особенно большое место региональные языки занимают в передачах для женщин [338, с. 26].

Время от времени у микрофона устраиваются даже целые «кави-саммелан» (состязания поэтов) на том или ином территориальном диалекте или региональном языке, близкие и понятные деревенскому слушателю [184, с. 19—20; 245, с. 91, 97].

Ведя регулярные передачи на брадже и авадхи, бходжпури и т.д., радиостанции тем самым *способствуют повышению престижа региональных языков* в глазах самих носителей: передача на местном языке, идущая вслед за передачей на хинди либо предшествующая ей, ставит оба языка как бы в равное положение, уменьшая разрыв между ними на шкале ценностей, выработавшейся у слушателя [100, с. 89].

Естественно, подобная практика, когда значительная часть времени на местных радиостанциях отводится передачам на региональных языках и диалектах, вызывает беспокойство в стане поборников хинди и нарекания с их стороны. Так, один из читателей газеты «Адж» в письме редактору отмечал, что, слушая передачи местной радиостанции, он невольно приходит в отчаяние, ибо «основное время в ее программах отводится народным песням и танцевально-песенным номерам, в результате чего создается впечатление, что бходжпури здесь отдается явный приоритет перед хинди» [Адж. Бенарес. 14.03.1969].

Под давлением поборников хинди радиостанции, действующие в хиндиязычном ареале, вынуждены урезать время для передач на диалектах и региональных языках, как это случилось, например, в 70-е годы на лакхнауской радиостанции с программой передач на авадхи.

Хинди на телевидении

Телевидение, в котором органично сплелись театральное действие и звуковое кино, ныне входит в каждый дом, меняя привычный ритм жизни и все более выдвигаясь на первое место в общем ряду средств массовой информации. Выступая прежде всего как один из видов зрелищного искусства, оно вместе с тем оказывает мощное воздействие на речевые навыки тех, кто регулярно им пользуется.

Телевидение — относительно новый феномен даже для развитых стран. Еще более «юным» является оно в развивающихся странах. Достаточно сказать, что возраст телевидения в Индии не насчитывает и четырех десятилетий.

Хотя экспериментальный телецентр начал действовать в Дели с сентября 1959 г., регулярные телепередачи из индийской столицы начались лишь с 1965 г. Интенсивное же развитие телесети в стране развертывается позднее — в начале 70-х годов. Поначалу телевидение существовало как одно из подразделений Всеиндийского радио. В 1976 г. оно было выделено из его состава, получив официальное название «Дурдаршан» и статус самостоятельного директората министерства информации и радиовещания.

В 1979 г. в Индии действовало 8 телевизионных центров: в Дели, Бомбее, Калькутте, Мадрасе, Сринагаре, Джалландаре, Амритсаре и Лакхнау, 3 ретрансляционных центра (Пуна, Массури, Канпур) и 7 ретрансляторов.

На 1979 г. телевидение охватывало лишь немногим более 6% территории страны и около 15% ее населения [382, с. 143].

До середины 70-х годов телевидение в Индии, как, впрочем, и в других странах на первых этапах его существования, оставалось исключительной привилегией городов, в которых действовали телестанции, и прилегающих к ним местностей в радиусе от 50 до 80 км [528, с. 3].

Телевидение впервые пришло в индийскую деревню в августе 1975 г., когда в период между августом 1975 г. и июнем 1976 г. здесь проводился эксперимент по использованию спутников для нужд телевидения в ряде штатов Индии, в число которых входили такие штаты хиндиязычного ареала, как Мадхья Прадеш, Бихар и Раджастан.

«Использование спутников произвело в подлинном смысле революцию в сфере систем связи, поставив людей из самых удаленных уголков страны лицом к лицу с новой реальностью», — пишет в этой связи А.К.Синха [528, с. 3].

Регулярными эти передачи становятся лишь с 15 августа 1982 г.

В ноябре 1982 г., т.е. в самый канун открытия IX Азиатских игр, в различных городах страны было открыто сразу 20 телестанций малой мощности. Таким образом, в 1983 г. в Индии действовала довольно густая телесеть, состоящая из телевизионных станций различной мощности и ретрансляционных центров, общее число которых достигало 41 [383, с. 156].

К концу 1983 г. телевидение охватывало уже 221 790 кв. км (6,8% территории) с населением в 125 млн. человек (19,1% населения), см. [383, с. 156]. К 1993 г. телевидение охватывало уже

85% территории и свыше 90% населения страны, см. [385b, с. 270—271].

К концу 1986 г. в Индии насчитывалось уже 11 телевизионных станций с 5 ретрансляционными центрами и 10 станций спутниковой связи. Кроме того, со столицей было связано 159 ретрансляторов малой мощности. В общей сложности на 1 декабря 1986 г. телевидением было охвачено около 70% населения страны [384, с. 222].

Четвертая часть общего количества телестанций и ретрансляционных центров, имеющих в стране, приходится на хиндиязычный ареал: кроме телестанций в Дели и Лакхнау имеются собственные телестудии в Джайпуре, Музаффарпуре и Райпуре, ретрансляционный центр в Массури и телепередатчики малой мощности в Патне, Деории и Индоре, сеть которых в совокупности покрывает всю территорию данного ареала [383, с. 157—158].

Действенность телевидения, и в частности степень его воздействия в языковом плане, естественно, зависит от числа телевизоров, имеющих у населения: без принимающего устройства телевизионная сеть, сколь бы плотной она ни была, никаким эффектом не обладает.

Поскольку телевидением охвачена большая часть страны, количество телевизоров у населения неуклонно (и можно даже сказать, стремительно) растет. Так, в конце 1978 г. в стране насчитывалось около 900 тыс. телевизоров, из которых более половины, однако, приходилось на Махараштру (около 290 тыс.) и Дели (250 тыс.) [382, с. 143]. Однако уже к исходу 1981 г., т.е. всего лишь за три года, количество телевизионных приемников в стране почти удвоилось и составило около 1700 тыс. единиц [383, с. 154].

Первенство по количеству телевизоров в 1981 г., как и прежде, удерживал штат Махараштра, где было сосредоточено около 500 тыс. — почти треть всех телеприемников, имевшихся в стране.

Что касается хиндиязычных областей, то, если не считать Дели, который по числу телевизоров, 350 тыс., шел следом за Махараштрой, на этот обширный ареал, охватывающий крупнейшие штаты страны, в 1981 г. приходилось лишь около 190 тыс., т.е. немногим более $\frac{1}{10}$ общего числа телевизионных приемников по Индии, а в Бихаре их вообще насчитывается смехотворно мало — чуть больше тысячи.

Однако к началу 90-х годов положение кардинально изменилось: по оценочным данным, в 1993 г. уже свыше 45 млн. семей имели телевизоры. К этому числу следует добавить телевизоры, находящиеся в пользовании сельских и городских общин, см. [385b, с. 274].

Распределение телепередач по языкам примерно такое же, как и на радио: песни, спектакли, интервью, беседы, программы для деревни транслируются на языке того штата, где находится телецентр. Несколько иное положение с программой новостей. «Основными компонентами Национальной программы, которая передается в эфир из Дели начиная с раннего утра и затем ретранслируется всеми „дурдаршан-кендр“ (телевизионными центрами) страны, — пишет известный литератор К.С.Дуттал, много лет связанный с телевидением, — являются две общенациональные сводки новостей по 15 минут каждая: одна — на хинди, другая — на английском» [338, с. 46]. В дополнение к ним основные телецентры передают подобные сводки на языке соответствующего культурно-лингвистического региона. Так, Бомбей передает такой бюллетень на маратхи, Калькутта — на бенгали, Мадрас — на тамили и т.д.

В связи с тем, что значительную часть времени на телевидении занимают передачи на хинди, все чаще начинают раздаваться голоса протеста. Поскольку в работе всех телестанций значительную и, кстати, наиболее удобную для зрителей часть времени занимают телевизионные программы, транслируемые из Дели, «дурдаршан» подвергается все большей критике за навязывание *хинди* (курсив наш. — В.Ч.) и уклон в политику» [The Times of India. 14.03.1989].

Поэтому отнюдь не случайно одна из авторитетных комиссий, изучавших проблему отношений между центром и штатами, высказала недвусмысленную рекомендацию: «Крайне необходимо, чтобы языком как радио, так и телевидения стал местный язык, [поскольку] лишь очень немногие жители страны являются билингвами, еще меньше — трилингвами» [The Times of India. 14.03.1989].

В хиндиязычном ареале основное время на телевидении, естественно, занимает хинди, однако значительная его часть отводится также передачам на английском языке: чаще всего это сводки новостей и многосерийные фильмы — английские или американские.

Содержание программы может варьироваться, однако распределение времени между передачами на хинди, с одной стороны, и на английском — с другой, остается неизменным: две трети общего лимита времени делийского телецентра отводится передачам на хинди (около 5 часов) и лишь одна треть — передачам на английском языке (около 2,5 часа). Видимо, аналогичная раскладка характерна и для других телецентров, действующих в хиндиязычном ареале.

Поэтому содержание телепередач, даже посвященных сельскому хозяйству и быту, в большинстве случаев остается за пре-

делами понимания жителей деревни. Так, подавляющее большинство населения деревни Исмаилпур, особенно женщины, не понимают того языка, на котором ведется передача. Значительные трудности испытывают и полуграмотные, в число которых входят и те, кто закончил начальную школу: они не понимают литературного хинди, который слышат из уст ведущих, экспертов и специалистов, выступающих в телепередачах. Содержание передач, таким образом, доступно в деревне лишь крайне ограниченному кругу грамотных, которые умеют говорить на хинди и понимают его в достаточной степени, хотя и они в повседневном быту отдают предпочтение местному диалекту — баджика [528, с. 73—74]. Даже в специальных программах для деревни, в которых принимают участие работники сельского хозяйства, слушателей сбивает с толку использование технических терминов, непонятных им. «Слушатели жалуются на язык, используемый в телепередачах: по их словам, язык передач имеет городской характер и труден для понимания» [528, с. 87].

Никаких проблем не возникает лишь с музыкальными передачами: телезрители с удовольствием слушают песни, на каком бы языке они ни исполнялись, однако и здесь, как осторожно замечает автор, «они предпочитают те программы, в которых звучат песни на баджика, бходжпури или майтхили» [528, с. 74].

Значительную часть времени на индийском телевидении занимают фильмы на хинди. Так, в 1982—1983 гг. на телеэкране демонстрировались свыше 40 полнометражных художественных фильмов, среди которых были такие известные картины, как «Два бигха земли» с Балраджем Сахни в главной роли, «Игроки в шахматы» — кинолента, снятая по одноименной новелле Премчанда, и «Третья клятва» — экранизация одного из лучших рассказов Пханишварнатха Рену [338, с. 58, 104].

Правда, следует сразу же сказать, что потенциальные возможности телевидения в Индии вообще и в хиндиязычном ареале в частности используются еще далеко не в полной мере, поскольку, имея незначительный опыт, оно еще не обрело собственного лица, что, кстати, постоянно обыгрывается карикатурами.

Однако, каким бы ни было содержание и качество кинофильмов и спектаклей, радио- и телепередач, главное в плане социалингвистическом заключается в том, что, звуча из репродукторов, с экранов кино и телевизоров, со сцены и трибуны собрания, санскритизованный хинди все более приобретает характер речевой нормы, которая получает все большее распространение в речевой практике индийского города.

Хинди в официальном делопроизводстве

Официальное делопроизводство, т.е. деятельность государственного механизма в самых различных его звеньях — в парламенте и других представительных органах (применительно к хиндиязычному ареалу это законодательные собрания и назначаемые ими правительства штатов), в аппарате управления, в полиции, армии и органах правосудия, — представляет собой важную сферу функционирования языка, сферу, которая является решающей для реализации концепции официального (общегосударственного) языка, что на деле означает предоставление ему более высокого — в сравнении с другими языками страны — социального статуса.

Согласно данной концепции использование официального языка в деятельности государственного аппарата и сопредельных сферах становится обязательным: в качестве орудия реализации названной концепции выступает непосредственно государственный аппарат, формально открытый для всех, однако на деле наглухо закрытый для тех, кто данным языком не владеет.

При этом следует особо подчеркнуть, что предоставление тому или иному языку статуса официального языка страны, как правило, происходит не только и не столько как результат давления со стороны политически доминирующей лингвистической группировки господствующего класса — что тоже, кстати, не следует сбрасывать со счета, — сколько прежде всего на основе учета объективных факторов его существования, а именно: численности населения, для которой данный язык является родным или усвоенным, широты расселения его носителей по всей территории страны, степени его распространения как языка-посредника, а также учета той роли, которую играл данный язык на исторически решающих отрезках истории страны, в частности применительно к Индии — в период национально-освободительного движения, непосредственно предшествовавший завоеванию страной независимости.

Все названные факторы действовали и принимались в расчет, когда решался вопрос о предоставлении хинди статуса официального языка страны: хинди получил статус официального языка не только вследствие активной деятельности сплоченной общими целями «группы давления» в Учредительном собрании Индии, как это иногда пытаются изобразить, но и прежде всего и главным образом благодаря тому, что хинди является родным или усвоенным языком значительной части (свыше $\frac{2}{5}$) населения Индии, его носители живут по всей территории страны, хинди со времен средневековья активно функционирует в качестве языка межэтнического (межобластного или межпровинци-

ального) общения, а в исторически переломный период истории страны — в годы национально-освободительного движения, непосредственно предшествовавшие независимости, он воспринимался как своеобразный символ или знамя борьбы всех народов Индии против чужеземного владычества. Так что присвоение хинди статуса официального языка страны, по существу, являлось лишь юридическим оформлением его реальной значимости в социальной жизни Индии прошлого и современности. Следовательно, когда заходит речь о статусе хинди, следует помнить, что хинди как официальный язык — это широко употребительный и к тому же конституционно санкционированный язык, на котором должны функционировать государственные органы и учреждения.

Хинди в парламенте страны и законодательных собраниях штатов хиндиязычного ареала

Прежде всего стоит, вероятно, посмотреть, какие языки используются в деятельности высшего законодательного органа страны, каким является индийский парламент, состоящий из двух палат: Лок-сабха (Народная палата) и Раджья-сабха (Совет штатов).

Согласно ст. 120 Конституции страны, «работа в Парламенте ведется на языке хинди или на английском языке», хотя председателю Совета штатов и спикеру Народной палаты предоставлено право давать разрешение использовать свой родной язык любому депутату, «который не владеет в достаточной степени языком хинди или английским языком» [51, с. 113].

Знакомство с парламентской статистикой показывает, однако, что основным языком индийского парламента является английский. Так, по данным Комиссии по официальному языку, 83,2% всех речей в Народной палате парламента в 1954 г. были произнесены на английском, на долю хинди пришлось лишь примерно $\frac{1}{6}$ часть (16,2%). Десятыми долями процента исчислялось число речей, произнесенных на урду, бенгали, телугу и тамили.

Примерно такое же соотношение наблюдалось в 1954 г. и в деятельности Совета штатов: 85% всех речей было произнесено здесь на английском и лишь 13,1% — на хинди [502, с. 451].

Однако соотношение этих двух основных языков в деятельности парламента не остается постоянной величиной, оно постепенно меняется, и происходящие в нем сдвиги явно не в пользу английского. Так, на сессии парламента, проходившей в марте — апреле 1976 г., т.е. двадцать с лишним лет спустя после данных, зафиксированных в «Докладе комиссии по официальному языку», доля речей, произнесенных на хинди, поднялась почти до

$\frac{1}{3}$ (30,91%) их общего количества, а доля речей, произнесенных на английском, соответственно упала до 67,12% [19, с. 153].

Однако, несмотря на происшедший сдвиг, ведущее место в деятельности индийского парламента по-прежнему принадлежит английскому, который, таким образом, выступает как основной язык верховного законодательного органа страны.

Совершенно иная картина наблюдается в деятельности законодательных собраний — однопалатных парламентов, имеющих-ся в каждом штате страны, в том числе, естественно, и во всех штатах хиндиязычного ареала. Если в деятельности законодательных собраний многих штатов, расположенных за пределами «хиндиязычного пояса», наряду с местным языком определенное (иногда весьма значительное) место в 1954 г. занимал английский (в Западной Бенгалии на английском было произнесено 50,4% всех речей, в Мадрасе — 52,4, а в Ассаме — даже 89,67% и т.д.), то в штатах хиндиязычного ареала доминирующие позиции в этой сфере сразу же занял хинди.

Так, в том же, 1954 г. в законодательном собрании штата Уттар Прадеш на хинди были произнесены все до единой речи (100,0%), в законодательном собрании Раджастан — 98,2% (на английском — лишь 1,3%), в законодательном собрании Бихар — 95% (на английском — лишь 5%) и т.д. [502, с. 451—455].

На основе всего изложенного можно было бы прийти к заключению, что в законодательной деятельности этих штатов хинди занимает монопольное положение, однако подобный вывод вошел бы в явное противоречие с реальным положением вещей, ибо, согласно ст. 348 Конституции,

«официальные тексты

(1) всех законопроектов или поправок к ним, внесенных или предложенных в любой из Палат Парламента или в Палате или любой из Палат Легислатуры Штата,

(2) всех актов, принятых Парламентом или Легислатурой Штата, и всех указов, обнародованных Президентом или Губернатором, ... и

(3) всех приказов, правил, предписаний и обязательных постановлений местных органов власти, изданных на основании настоящей конституции или на основании любого закона, изданного Парламентом или Легислатурой штата,

должны быть на английском языке» [51, с. 223].

Иными словами, английский остается единственным языком не только вносимых законопроектов и законов, принимаемых парламентом или законодательным собранием штата, но и всех подзаконных актов, которые издаются органами власти на местах. Иными словами, несмотря на все происшедшие перемены, английский по-прежнему остается в Индии языком *реального делопроизводства* на всех этажах государственного механизма.

Хинди в формировании кадрового состава и деятельности общиндийских служб

Одним из важнейших «сегментов» сферы официального делопроизводства является мощный централизованный аппарат управления (административный аппарат), унаследованный Индией от колониальных времен, развитый и усовершенствованный за годы независимого существования страны. Ведущим механизмом административного аппарата Индии до 1947 г. являлась Индийская гражданская служба (ИГС), представлявшая собой своеобразный «становой хребет» колониальной власти в стране. До конца 20-х годов ИГС формировалась по преимуществу из числа англичан и конкурсные экзамены для пополнения ИГС и других всеиндийских служб также проводились в Англии [34; 41, с. 36—48].

В конце 20-х годов под давлением индийских буржуазно-либеральных кругов колониальные власти облегчили для индийцев доступ в аппарат управления страной, согласившись устраивать конкурсные экзамены не только в Англии, но и непосредственно в Индии и тем самым облегчив для индийцев возможность поступления в ИГС и другие службы, что не замедлило сказаться на их кадровом составе. Так, если в 1919 г. в составе ИГС насчитывалось лишь 19 индийцев, то к 1939 г. они составляли уже более $\frac{1}{3}$ общей ее численности [34, с. 40].

Конкурсные экзамены, естественно, проводились исключительно на английском, на нем же осуществлялась и вся деятельность административного аппарата сверху донизу: без знания английского путь в аппарат управления был для индийца наглухо закрыт.

Завоевание страной независимости, знаменовавшее ликвидацию колониального господства и введение буржуазно-республиканского строя, означало, что «административно-управленческий аппарат из инструмента, предназначенного для утверждения... чужеземной власти, стал превращаться в составную часть государственно-политической структуры суверенного государства, занимая в ней конституционно подчиненное положение по отношению к законодательным органам» [34, с. 42—43].

В 1947 г. ИГС, служившая инструментом реализации имперской политики и поэтому воспринимавшаяся массами как символ чужеземной власти, была ликвидирована. Вместо нее были созданы Индийская административная служба (ИАС) и Индийская полицейская служба (ИПС), которые комплектовались уже исключительно за счет местных кадров, обучавшихся и проходивших подготовку непосредственно в Индии; административный аппарат страны ныне пополняется за счет выпускников индийских вузов, отобранных по результатам конкурсных экзаменов. Основным условием для поступления в ИАС и другие служ-

бы является наличие университетского диплома, что неизбежно ограничивает контингент и экзаменующихся, и особенно зачисленных в состав госаппарата представителями состоятельных слоев индийского общества: земельных собственников, предпринимателей, крупного чиновничества и т.п.

Конкурсные экзамены, необходимые для поступления в административный аппарат, проводятся специально учрежденными Конституцией комиссиями по делам государственной службы.

Абитуриент, решивший поступить на административную службу, должен сдать комплекс письменных и устных экзаменов, среди которых значительное место занимает экзамен по языку, являющийся, таким образом, своеобразным «лингвистическим камертоном», который задает тон будущему работнику госаппарата.

Если прежде, в колониальный период, основным языком конкурсных экзаменов (и, естественно, всей последующей деятельности) был английский, то теперь, как сказано в положении об экзаменах, для поступления в ИАС и другие центральные административные службы разрешается сдача экзаменов как на английском, так и на индийских языках, перечисленных в Приложении VIII к Конституции Индии, причем для приема на вспомогательные должности экзамены разрешено сдавать как на английском, так и на хинди, для приема же на остальные службы — только на английском [476, с. 120—121].

Что касается конкурсных экзаменов для поступления на местную административную службу, то здесь требования весьма существенно варьируются от штата к штату. Так, если в ряде штатов (Ассам, Джамму и Кашмир, Карнатака, Керала, Мегхалая, Манипур, Нагаленд, Орисса и Пенджаб) языком конкурсных экзаменов является — исключительно или по преимуществу — английский, то в других штатах, а таких большинство, разрешается билингвальная практика, т.е. экзамены можно сдавать как на английском, так и на языке, который признан официальным языком данного штата. Так, в Гуджарате экзамены для поступления на административную службу штата разрешается сдавать как на английском, так и на гуджарати, в Махараштре — на английском и маратхи, в Тамилнаде — на английском и тамили, в Западной Бенгалии и Трипуре — на английском и бенгали [476, с. 122—123].

Билингвальная практика преобладает и в штатах хиндиязычного ареала: экзамены здесь разрешается сдавать как на английском, так и на хинди (причем на первом месте всюду — английский).

Особняком стоит здесь лишь штат Химачал Прадеш, где конкурсные экзамены проводятся главным образом на английском и

лишь отдельные письменные экзамены по выбору абитуриента можно сдавать на хинди [476, с. 121—123].

Таким образом, в большинстве штатов абитуриент имеет право выбора: он может сдавать экзамены как на английском, так и на том языке, который является для него родным, будь то бенгальский, тамильский, телугу или хинди. Следует, однако, сказать, что абитуриент далеко не всегда пользуется предоставленной ему возможностью. Более того, можно даже, не боясь впасть в преувеличение, утверждать, что такая возможность используется весьма редко. Так, анализ данных об использовании индийских языков при сдаче экзаменов для поступления на административную службу показывает, что численность абитуриентов, использовавших право выбора, была весьма невелика и колебалась между 16 и 18,5% по сочинению и 9,5 и 13,6% — на устных экзаменах (по так называемой общей эрудиции, см. табл. 49).

Таблица 49

Использование индийских языков
при сдаче экзаменов в ИАС,
1969—1972 гг., см. [19, с. 171]

Число абитуриентов	Сочинение				Общая эрудиция			
	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
	6507	6724	7619	8424	6396	6635	7514	8424
Язык								
Ассами	8	6	4	8	3	3	4	5
Бенгали	106	84	91	90	68	46	54	46
Гуджарати	17	23	28	34	17	20	27	33
Хинди	877	791	932	1148	630	458	539	648
Каннада	11	3	10	9	9	2	8	6
Кашмири	—	1	—	2	—	—	—	—
Малаялам	25	17	18	16	21	12	12	10
Маратхи	30	27	30	23	28	17	21	18
Ория	18	12	15	16	15	8	6	9
Панджаби	35	40	57	57	26	24	30	21
Санскрит	—	1	—	1	—	1	—	1
Синдхи	1	1	2	2	1	1	2	1
Тамили	30	29	27	47	24	24	17	30
Телугу	27	14	10	20	20	9	6	17
Урду	22	19	19	16	10	8	12	9
Итого	1207	1068	1243	1489	872	633	738	854
% к общему числу	18,55	15,88	16,31	17,68	13,63	9,54	9,82	10,14

Из таблицы видно, что доля абитуриентов, избравших один из индийских языков для сдачи экзаменов в ИАС, колебалась между $\frac{1}{10}$ и $\frac{1}{6}$ их общей численности, причем основную их часть составляли те, кто пожелал сдавать экзамены на хинди: они составляли от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ численности «иноязычных» абитуриентов — от 7 до 13% общего числа сдававших конкурсные экзамены, что свидетельствует, на наш взгляд, об определенной (можно даже сказать — заметной), однако вовсе не возрастающей и уж никак не доминирующей роли хинди в деятельности комиссий по делам Индийской административной службы. И хотя таблица не содержит данных о местожительстве абитуриентов, можно предположить, что хинди в качестве языка конкурсных экзаменов избрали главным образом уроженцы хиндиязычного ареала.

Иными словами, можно сказать так: хотя за годы независимости роль индийских языков, в первую очередь хинди, при отборе лиц на государственную службу несколько возросла, доминирующее положение в этом по-прежнему занимает английский язык. Из той же таблицы, в частности, видно, что основная масса абитуриентов (от $\frac{5}{6}$ до $\frac{9}{10}$ их общего числа) предпочла сдавать конкурсные экзамены — как по сочинению, так и по общей эрудиции — не на родном языке, как можно было бы предположить, а на усвоенном — английском. Так, в 1969 г. из 6507 абитуриентов, претендовавших на место в ИАС, писать сочинение на английском предпочли 5300 (т.е. 81,45%), в 1970 г. из 6724 на английском сдавали 5656 (84,12%), в 1971 г. из 7619 — 6376 (83,69%), в 1972 г. из 8424 — 7935 (82,34%).

Еще более впечатляющими были результаты устных экзаменов: в 1969 г. доля сдававших экзамен по общей эрудиции на английском составляла 86,37%, в 1970 г. — 90,44, в 1971 г. — 90,18, в 1972 г. — 89,86%.

Иными словами, если на письменных экзаменах (сочинение) доля тех, кто предпочел сдавать их на английском, была около $\frac{4}{5}$ их общего числа, то на устных экзаменах она почти во все рассматриваемые годы была значительно больше и составляла до $\frac{9}{10}$ их общего числа.

Таково было положение в конце 60-х — начале 70-х годов. Таким же оно осталось и к концу 70-х: никаких перемен здесь не произошло, ибо, как свидетельствуют факты, из 7500 финалистов, сдававших экзамены для поступления на государственную службу в 1980 г., только 14% абитуриентов избрали один из основных индийских языков, 86% отдали предпочтение английскому [281; The Times of India. 04.01.1980]. «Столь скромный процент (тех, кто избрал на экзаменах индийские языки. — В.Ч.) является показателем того, насколько престижным является анг-

лийский язык, — комментирует этот факт известный индийский ученый С.Дживеди, одновременно пытаясь заглянуть в будущее, — и ожидается, что с течением времени его позиции укрепятся еще более» [339, с. 177—178].

Доминирующее положение английского в деятельности комиссий по делам Индийской административной службы — не случайное явление: причина его кроется в том, что английский по-прежнему является тем языком, на котором практически осуществляется вся деятельность административного аппарата, что, несомненно, повышает как престиж, так и реальную значимость английского в глазах тех, кто стремится, прорвавшись через конкурсные барьеры, «занять свое место под солнцем».

«Так сложились обстоятельства, — говорится по этому поводу в „Докладе комиссии по официальному языку“, — что английский был и до сих пор в значительной мере является языком не только Центрального правительства, но также и на всех более или менее высоких уровнях штатовских правительств; к тому же английский — это язык, имеющий широкое распространение среди высших слоев (общества) во всех сферах жизни всех лингвистических регионов (страны)» [502, с. 118].

Поэтому после зачисления на государственную службу прежний робкий абитуриент — ныне преисполненный чувства собственной исключительности чиновник старается всюду, где только возможно, использовать английский язык, рассматривая его в качестве своеобразного «маркера» собственного положения в обществе, а также инструмента власти: став частью бюрократической системы, прежний студент-вольнодумец и фрондер, независимо от своих прежних лингвистических симпатий и антипатий, бесповоротно переходит в стан сторонников английского языка.

«Весьма странным является тот факт, что те, кто выступает за сохранение английского языка в административном аппарате и в юриспруденции, — это люди, чьи знания и навыки в языке вызывают большое сомнение, — пишет, в частности, Кишор Ганди. — Большинство из них — это клерки и правительственные служащие среднего ранга, живущие в постоянной атмосфере самообмана, без устали твердя, что вести дела на английском языке им гораздо удобнее, чем на индийских языках, хотя, в сущности, все их познания (в языке) ограничиваются лишь умением сочинять докладные записки да с грехом пополам составлять ведомости» [351, с. 144].

В сентябре 1970 г. всем заинтересованным ведомствам был разослан циркуляр министерства внутренних дел, обязывающий обеспечить переход на хинди в общении и переписке между учреждениями центрального подчинения, расположенными в

хиндиязычном ареале, — такими, к примеру, как железнодорожные станции, банки, отделения связи и т.п. Однако циркуляр этот остался на бумаге, и положение в перечисленных выше учреждениях к концу 1972/73 финансового года не претерпело по существу никаких изменений.

Для того чтобы хоть как-то подтолкнуть процесс перехода на хинди, на последующие два года были разработаны контрольные цифры: к исходу 1973/74 г. общий объем корреспонденции на хинди должен был составлять не менее 30%, в следующем, 1974/75 г. его предполагалось довести до 50%, а в 1975/76 г. — до 60% [339, с. 128 — 129].

К концу 70-х годов общий объем корреспонденции на хинди в перечисленных выше учреждениях центрального подчинения, расположенных в пределах хиндиязычного ареала, должен был составлять уже 100% — иными словами, вся переписка между ними должна была вестись исключительно на хинди [339, с. 129]. Таковы были планы.

Однако даже 10 лет спустя положение здесь практически не изменилось: реальность оказалась весьма далекой от тех предначертаний, которые сочинялись в тиши министерских кабинетов, о чем убедительно свидетельствуют данные индийской прессы конца 80-х годов. «Если вам придется обратиться в национализированный банк, — пишет, в частности, влиятельная делийская газета „Стэйтсмен“, — ваше внимание невольно привлекут красочные афиши, призывающие заполнять чеки на хинди, однако чиновник, сидящий за конторкой, взглянет на вас с усмешкой, а нередко и примется объяснять, как несмысленно, что было бы проще, если бы подпись ваша была выполнена латиницей. Словом, в конце концов к вам обратятся с просьбой заполнить чек целиком на английском языке.

В любом почтовом отделении, тем более на центральном почтамте, — продолжает „Стэйтсмен“, — даже простые клерки, с трудом различающие написание простейших английских слов, станут настоятельно советовать вам заполнять бланки только по-английски. А если ваши познания в английском недостаточны для этого, вам предложат помощь сидящих тут же „писарей“, которые за небольшую плату охотно оформят ваше отправление» [398; The Statesman. 17.09.1987].

Ситуация здесь, однако, не остается неизменной: несмотря на доминирующую роль английского, хинди уже с первых лет независимого существования страны стал проникать в деятельность административного аппарата.

Первые шаги по использованию хинди для официальных целей были сделаны сразу же после введения Конституции. Так, в 1956 г., отвечая на вопросы, поставленные Комиссией по офици-

альному языку, представитель министерства внутренних дел сообщил, что на хинди составляются тексты указов о назначении губернаторов, членов высших судов и т.п., гравировались надписи на медалях, проводятся официальные церемонии [502, с. 106].

В системе министерства обороны Индии в 1956 г. хинди являлся языком обучения рядового состава, за исключением технических войск. Кроме того, министерством был произведен отбор команд на хинди для всех видов вооруженных сил [502, с. 107].

Департамент почт и телеграфа к 1956 г. выпустил на хинди бланки денежных переводов и телеграмм.

Хинди нашел ограниченное применение даже в делах министерства иностранных дел, где хинди наряду с английским стал использоваться как язык верительных грамот, программ пребывания в Индии высоких официальных гостей из других стран, приглашений и т.п. [502, с. 107].

Подытоживая все изложенное выше об использовании хинди для официальных целей в первое десятилетие существования независимой Индии, можно сделать вывод, что применение хинди в административном аппарате носило в основном косметический и декларативно-рекламный характер. Оно не затрагивало ни официального делопроизводства, ни речевых навыков сотрудников госаппарата: во всех административных службах, особенно в высших их эшелонах, безраздельно господствовал английский. Функционировавший с помощью английского административный аппарат неизбежно отторгал хинди, как иммунная система организма отторгает чужеродное тело. Чтобы подавить «лингво-иммунную систему» административного аппарата, основанную на английском языке, было использовано типично бюрократическое средство. В 50—60-е годы правительство Индии учреждает ряд организаций, на которые возлагалась задача содействовать развитию и всемерному распространению хинди.

Хронологически первым был создан Совет по научной и технической терминологии (1951 г.).

В 1960 г. учреждается Центральный директорат по вопросам языка хинди («Кендрия хинди нидешалай»).

В 1959 г. в Агре создается Центральный институт хинди, в задачу которого входили разработка новейшей методики и обеспечение научно-методического руководства в деле преподавания хинди среди нехиндиязычного населения страны.

В 1964 г. в Дели возникает Всеиндийское объединение (добровольных) обществ по пропаганде хинди («Акхиль бхаратия хинди санстха сангх»), на которую была возложена задача изучения и координации деятельности добровольных организаций по пропаганде хинди в масштабах всей страны, а также консуль-

тирование Центрального правительства и правительств штатов по вопросам развития языка хинди [262, с. 300—301].

В 1967 г. был создан Центральный совет по вопросам языка хинди, председателем которого является премьер-министр.

Кроме того, ряду министерств были приданы консультативные комитеты по вопросам языка хинди. В состав такого комитета, возглавляемого соответствующим министром, входят члены парламента и другие официальные лица. Время от времени комитеты изучают положение дел с использованием хинди в деятельности аппарата соответствующего министерства и вносят необходимые рекомендации [19, с. 97].

Кроме министерства образования ответственность за развитие и распространение хинди несут еще по меньшей мере три министерства: юстиции, информации и радиовещания и, наконец, — последнее по счету, но не по значению — министерство внутренних дел.

Дело, однако, не ограничилось лишь созданием специальных органов, обязанных следить за прогрессирующим использованием хинди в административном аппарате, — нужно было задействовать и сам административный аппарат, приобщить его к хинди. С этой целью правительство Индии с июля 1952 г. создало курсы по обучению хинди для лиц, находящихся на государственной службе. Курсы были бесплатные и создавались на сугубо добровольной основе. Занятия проводились трижды в неделю в нерабочее время по месту службы или жительства. Контингент слушателей был ограничен жителями Дели. По окончании курсов слушатели сдавали экзамен по хинди за начальную школу. Наиболее отличившиеся отмечались наградами и поощрениями [502, с. 120].

С октября 1955 г. курсы хинди для государственных служащих были значительно расширены. Посещение занятий стало обязательным, так как они проводились уже в рабочее время и рассматривались как составная часть служебных обязанностей.

Для того чтобы обеспечить большую эффективность занятий, все служащие центрального аппарата были разделены по лингвистическому признаку на четыре категории, для каждой из которых предусматривались курсы различной продолжительности — от 6 до 18 месяцев. По окончании курсов сдавался экзамен за среднюю школу [502, с. 120—121].

Руководство работой по обучению служащих центрального аппарата, контроль за этой деятельностью, а также всемерное поощрение употребления хинди в официальном делопроизводстве осуществляет министерство внутренних дел, в составе которого с этой целью был создан специальный департамент официального языка [413, с. 45].

О степени эффективности всех этих курсов можно судить хотя бы по тому, что из 20 тыс. служащих центрального административного аппарата, обязанных изучать хинди, в феврале 1956 г. реально обучалось хинди лишь 2,5 тыс., т.е. около 12,5% их общего числа. Для них в различных учреждениях Дели действовало 75 учебных групп [502, с. 121 — 122].

К 1975 г. положение дел с изучением хинди служащими центрального аппарата значительно улучшилось: число служащих, сдавших экзамены по хинди за курс начальной, неполной средней и средней школы, достигло 320 тыс. человек и составило 57,3% из числа служащих, которым вменялось в обязанность сдавать эти экзамены, причем большая их часть, а именно — 172 тыс. человек, или 53,8%, сдали эти экзамены за десятилетие между 1965 и 1975 гг. Что касается тех, кто сдавал на хинди экзамены по машинописи и стенографии, то их доля составляла соответственно 50,7 и 59,6% общего числа тех, для кого это было необходимо [19, с. 99—100].

Однако численность тех, кто сдавал экзамены по хинди, не составляла стабильную величину, она была подвержена существенным колебаниям, о чем свидетельствуют приведенные ниже данные (см. табл. 50).

Таблица 50

Численность служащих центрального аппарата,
сдавших экзамены по хинди,
1965—1975 гг., см. [19, с. 99]

Экзамен по хинди Учебный год	За курс начальной школы	За курс неполной средней школы	За курс средней школы	Машинопись	Стенография	Всего	Рост в % к предыдущему году
1965/66	4 888	8 371	9 382	1 038	201	24 240	
1966/67	3 131	5 875	7 398	915	203	17 522	— 27,7
1967/68	3 533	5 378	6 332	840	183	16 266	— 14,3
1968/69	2 166	4 371	6 061	919	278	13 765	— 15,6
1969/70	6 760	5 937	6 082	1 121	427	20 327	+ 47,6
1970/71	6 954	7 184	7 207	1 368	548	23 261	+ 14,4
1971/72	5 723	6 287	6 469	1 283	408	20 170	— 13,2
1972/73	5 188	5 922	5 490	1 388	258	18 246	— 9,5
1973/74	5 383	5 120	5 695	1 388	193	17 779	— 5,8
1974/75	5 183	4 913	4 306	1 139	152	15 693	— 8,6
Итого	48 909	59 688	64 422	11 399	2 851	187 269	
% от общего числа	26,2	32,0	34,2	6,1	1,5	100,0	

Из таблицы видно, что за пятилетие с середины и до конца 60-х годов отмечалось неуклонное сокращение числа тех, кто сдавал экзамены по хинди. Минимальное число сдавших экзамены приходилось на 1969 г., когда численность экзаменующихся составляла лишь около 14 тыс. человек, что по отношению даже к не весьма благополучному 1965 г. составляло немногим более 50%. Энергичные меры, предпринятые в 1969 г., обеспечили резкое (на 47,7% в 1969/70 и еще на 14,4% в 1970/71 учебном году) повышение числа экзаменующихся. Однако в последующее пятилетие (1971–1975) снова началось сокращение, и к 1975 г. их число лишь ненамного превышало показатели за 1969 г.

В основе указанного феномена лежит отсутствие стимулов, что, как предполагают, являлось прямым следствием принятого в 1967 г. Закона об официальных языках, который по существу на неопределенное время санкционировал использование английского в официальном делопроизводстве.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что интерес к изучению хинди среди служащих центрального аппарата страны поддерживается мерами административно-дисциплинарного плана: по данным на 1975/76 учебный год, около 90% служащих, которые не знают официального языка страны, было охвачено курсами по обучению хинди [373, с. 41].

Курсы для государственных служащих по изучению хинди, долгосрочные или чаще краткосрочные, продолжают создаваться и, просуществовав какое-то время, прекращают свою деятельность. Так, в мае 1987 г. департамент официального языка, действующий в составе министерства внутренних дел, организовал в столице постоянно действующие курсы хинди для государственных служащих, рассчитанные на пять дней, и эти курсы, по мнению прессы, «завоевывают все большую популярность и привлекают все большее число среднего чиновничества» [The Statesman. 27.05.1987].

Однако побудительным мотивом, по мнению газеты, является не стремление овладеть хинди, а бесплатное питание и чай (что, естественно, позволяет сэкономить определенную часть жалованья), а также возможность за пять дней оторваться от рутинной канцелярской работы. Показательны в этом плане ответы слушателей на вопросы корреспондента о том, что полезного они вынесли для себя с этих курсов. Значительная часть слушателей заявила, что по роду своей деятельности им никогда не пригодится даже то небольшое, что они почерпнули на курсах [The Statesman. 27.05.1987].

В связи с этим невольно возникает вопрос, в какой же все-таки мере находит хинди реальное применение в деятельности центрального административного аппарата? Ответ на этот во-

прос весьма далек от оптимизма. Как указывает один из авторов, сам многие годы возглавлявший работу по распространению хинди, «большинство тех, кто обучался хинди на таких курсах, очень скоро утрачивают даже элементарные знания хинди и переходят в разряд практически неграмотных на этом языке. Основная причина подобного явления заключается в том, что в правительственных учреждениях ни одно мало-мальски серьезное дело на хинди не ведется. Окончившие курсы, таким образом, лишены практики и необходимых стимулов совершенствоваться или хотя бы поддерживать свои знания на хинди. Поэтому они постепенно забывают даже то небольшое, чему их обучали, прежде всего — графику деванагари, использовать которую они не имеют ни возможности, ни желания» [373, с. 42].

Хинди в судопроизводстве страны

Определенную роль в распространении хинди в официальной сфере играет также министерство юстиции. На него возложена ответственность за перевод на хинди основных законодательных актов. Оно же обязано способствовать их использованию в деятельности судов [413, с. 45].

Надо сказать, что хинди служит языком судопроизводства лишь в судах низшей инстанции, расположенных в ареале хинди. В судах высшей инстанции (высшие суды штатов, Верховный суд страны) языком судопроизводства по-прежнему является английский, что полностью соответствует Конституции страны, где, в частности (ст. 348, п. 1), говорится: «...впредь до принятия Парламентом посредством закона иного решения

а) все производство в Верховном суде и во всех Высших судах...

должно быть на английском языке».

Назначенная указом президента комиссия по изучению проблемы официального языка страны, основываясь на данных языковой практики и официальных документов, полученных из различных штатов, в своем докладе отмечала:

«Создается впечатление, что на самых низших ступенях системы правосудия. — *В.Ч.*), т.е. в деятельности деревенских панчайтов, в судах низшей инстанции как по гражданским, так и по уголовным делам, на уровне талуки (волости. — *В.Ч.*) языком, на котором вершится правосудие, является официальный язык данного штата. По мере же того как мы поднимаемся вверх по ступеням иерархической пирамиды правосудия, в ней все большее место начинает занимать английский язык, хотя реальная доля непосредственных составляющих этого лингвистического конг-

ломерата существенно разнится от штата к штату, а нередко — и от дистрикта к дистрикту внутри одного штата. Если брать в целом хинди не находит применения в деятельности системы правосудия в нехиндиязычных областях... хотя прослеживается нарастающая тенденция к вытеснению английского и на среднем уровне юриспруденции, особенно в хиндиязычном ареале» (курсив наш. — В.Ч.), см. [502, с. 160].

И это действительно так, что подтверждается данными об использовании английского и местных языков в системе индийского правосудия.

Утверждая английский в качестве языка верхних эшелонов делопроизводства, вместе с тем Конституция (ст. 348, п. 2) предусматривает: «Губернатор... штата может с предварительного согласия Президента разрешить применение языка хинди или любого другого языка, употребляемого для любых официальных целей Штата, при производстве в Высшем суде, основное местонахождение которого находится в этом штате» [51, с. 233].

В соответствии с этим положением Основного закона принимаются меры с тем, чтобы распространить на суды высшей инстанции в самом хиндиязычном ареале практику использования хинди. Так, в начале 70-х годов президент Индии, в полном соответствии с Конституцией страны, согласился с предложениями губернаторов штатов Уттар Прадеш, Бихар и Мадхья Прадеш и санкционировал употребление хинди в судопроизводстве (в свидетельских показаниях, ведении протоколов и т.п.) высших судов этих штатов.

Однако использование хинди в этой сфере носило факультативный характер, поскольку все документы на хинди, направляемые в суд, будь то заявление, протокол или какая-либо другая бумага, должны были сопровождаться английским переводом. Точно так же приговор, вынесенный на хинди, должен в обязательном порядке сопровождаться английским переводом, к тому же санкционированным соответствующим высшим судом [19, с. 102].

Поэтому высшие суды не спешат воспользоваться предоставленным им правом: навыки ведения судопроизводства на английском языке, вырабатывавшиеся десятилетиями, обладают такой устойчивостью, что все требования демократической общественности о переводе судопроизводства на хинди разбиваются о стены высших судов, словно океанские волны о гранитные утесы. О том, какими темпами идет процесс введения хинди как языка судопроизводства в верхнем эшелоне судебноправовой системы штата, достаточно сказать, что за целый год (1976/77) из всей массы дел, проходивших через высший суд штата Мадхья Прадеш, на хинди было принято лишь 35 рас-

поряжений [339, с. 238], в высшем суде штата Раджастан — один приговор и 10 распоряжений [339, с. 240], а в высшем суде штата Бихар — и того меньше, всего четыре (!) распоряжения [339, с. 245].

Иными словами, в высших судах даже тех штатов, что входят в хиндиязычный ареал, по-прежнему безраздельно господствует английский.

Принимая во внимание трудности с использованием хинди в судебно-правовой системе Индии, Совет штатов в 1976 г. учредил специальный комитет с целью изучения возможности употребления хинди для ведения протоколов и вынесения приговоров в Верховном суде страны, однако решения этого комитета носили не более как декларативно-рекомендательный характер и, естественно, остались лишь на бумаге.

Поэтому весьма знаменательным в этом плане является день 25 ноября 1977 г., когда высший суд штата Уттар Прадеш, располагающийся в Аллахабаде, впервые в истории Индии вынес приговор и отдал распоряжение на языке хинди по делу, все судопроизводство по которому велось на этом языке [19, с. 102].

Однако воспринимаемые скорее как лингвистический курьез, такие единичные акты использования хинди в судах высшей инстанции не могут изменить существующей практики, и высшие эшелоны судебно-правовой системы современной Индии по-прежнему функционируют на английском языке. Для хинди место в ней мыслится лишь где-то в весьма отдаленной перспективе.

Хинди в деятельности государственного аппарата в хиндиязычном ареале

Если на общеиндийском уровне вся деятельность государственного аппарата, как было показано выше, осуществляется в основном на английском языке, а хинди пока еще не вышел за рамки курсов для государственных служащих, и это положение, кстати, полностью применимо к штатам, расположенным за пределами хиндиязычного пояса, то совершенно по-иному обстоит дело с использованием хинди как языка официального делопроизводства в штатах хиндиязычного ареала.

В отличие от других штатов страны, таких, как Тамилнад, Махараштра, Западная Бенгалия и др., где на уровне штата в качестве официального функционирует соответствующий национальный язык (в Тамилнаде — тамильский, в Махараштре — маратхи, в Западной Бенгалии — бенгальский и т.д.), во всех штатах хиндиязычного ареала, независимо от лингвистического со-

става населения, официальным языком законодательно утверждены хинди.

Для того чтобы выполнить требование закона и обеспечить перевод на хинди всего официального делопроизводства, в штатах хиндиязычного ареала нередко прибегают к весьма жестким волевым командно-административным мерам — таким, как ограничения (или даже полный запрет) на приобретение пишущих машинок с латинским шрифтом. Так, в 1964 г. подобные ограничения были введены в штате Мадхья Прадеш [339, с. 237], в 1985 г. — в штате Уттар Прадеш [339, с. 233—234], в 1980 г. запрет на закупку таких машинок был введен в столичном округе Дели [339, с. 245].

Той же цели служат и ограничения при зачислении на службу лиц, умеющих работать только на машинках с латинской графикой и владеющих лишь английской стенографией. В 1972 г. подобные ограничения были введены, например, в штате Уттар Прадеш, когда от всех, претендующих на место в госаппарате, требовалось умение работать на машинке с графикой деванагари [339, с. 233—234].

Штат Уттар Прадеш, кстати, лидирует в деле использования хинди в официальном делопроизводстве.

Десятилетие с 1961 по 1970 г. отмечено здесь ускорением процесса по реализации языковой политики, зафиксированной в принятом ранее Законе об официальном языке штата. Так, в марте 1961 г. было принято решение — переписку с Центральным правительством по мере возможности вести на хинди, с тем чтобы к 1965 г. хинди стал единственным языком, используемым для этих целей.

Были заключены соглашения с другими хиндиязычными, а также сопредельными штатами (Гуджарат, Махараштра, Панджаб) об использовании хинди в официальной переписке с ними.

Всем государственным учреждениям штата было рекомендовано с представителями местных общественных организаций и делового мира, депутатами законодательного собрания и т.п. вести переписку исключительно на хинди. Словом, употребление хинди в данной сфере медленно, но неуклонно расширялось — с тем чтобы к 26 января 1968 г. все официальное делопроизводство в штате полностью перевести на хинди [339, с. 234].

Однако и десять лет спустя достигнуть этого так и не удалось. Согласно данным, представленным на Всеиндийской конференции по официальным языкам, проходившей в начале марта 1978 г., в Уттар Прадеше на хинди велось до 75% общего объема переписки с представителями местной общественности, точно так же, как и с Центральным правительством страны [339, с. 234—235].

Исключительно медленными темпами вводится хинди в налоговом ведомстве, в юриспруденции и судопроизводстве штата.

Налоговое ведомство штата лишь к апрелю 1970 г. должно было перевести на хинди только 20% общего объема своей работы (правда, с обязательством уже через год поднять эту цифру до 100%) [339, с. 235].

Несколько лучше положение в судопроизводстве штата. Хотя хинди еще в октябре 1947 г. был провозглашен в качестве языка, на котором теперь будет вестись все производство во всех судах низшей инстанции, однако и 30 лет спустя, в 1978 г., министру юстиции штата пришлось давать заверения, что хинди будет введен как обязательный язык делопроизводства в деятельности всех судов низшей инстанции (вплоть до уровня дистрикта) лишь к 1 января 1980 г. [339, с. 235—236].

По Закону об официальном языке [штата] Мадхья Прадеш, принятому в 1957 г., хинди предписывалось использовать во всех правительственных учреждениях штата (за исключением ряда специально оговоренных случаев). Закон был принят несмотря на то, что всем было ясно, что претворение его в жизнь потребует времени и значительных финансовых затрат в связи с необходимостью переподготовки административного персонала, переводом на хинди законодательных актов, инструкций, циркуляров и т.п.

Лишь семь лет спустя, в 1964 г., государственным инспекторам было отдано указание выявить те трудности, которые испытывают служащие в связи с использованием хинди в официальном делопроизводстве. Следом за этим последовал ряд жестких административных мер.

Так, в сентябре того же года правительство штата издало специальный циркуляр, согласно которому нежелание или неспособность исполнять распоряжения, касающиеся использования хинди в официальном делопроизводстве, будет рассматриваться как нарушение служебных обязанностей и повлечет за собой дисциплинарные меры [339, с. 238].

Как и в других штатах данного ареала, хинди уже с первых лет независимого существования страны используется здесь во всех судах низшей инстанции, хотя официально в уголовных судах он объявлен языком судопроизводства лишь с марта 1975 г., а в гражданских — и того позже, с января 1977 г. [339, с. 238].

Не менее прочные позиции занимает хинди и во втором по численности населения штате страны — Бихаре, где хинди получил статус официального языка еще в 1948 г., хотя Закон об официальном языке был принят здесь лишь в 1950 г.

Хотя закон был введен в действие лишь с ноября 1960 г., к середине 60-х годов, по официальной оценке, «хинди был при-

нят в качестве языка значительной части официального делопроизводства в правительственных учреждениях штата Бихар» [391, с. 502].

Было предусмотрено, однако, что для тех районов, где лингвистические меньшинства составляют не менее 15% населения, основное содержание законов, постановлений, инструкций и т.п. должно излагаться на языке соответствующего лингвистического меньшинства [339, с. 242], хотя следует сказать, что данное положение осталось не более как благим пожеланием.

С июня 1948 г. хинди был провозглашен в качестве языка, на котором ведется делопроизводство в судах низшей инстанции, кроме некоторых территорий дистриктов Манбхум и Сантал-паргана, где из-за большинства бенгалоязычного населения языком судов низшей инстанции стал бенгали.

Использование хинди в судах, начавшись с ведения на хинди протоколов судебного заседания, постепенно распространилось и на решения и приговоры, выносимые судом. И уже к 1971 г. все суды низшей инстанции штата должны были выносить приговоры только на хинди [339, с. 244].

Говоря об использовании хинди в официальном делопроизводстве штата Бихар, следует иметь в виду одно немаловажное обстоятельство: в штате создана разветвленная сеть «хинди самити» (комитетов хинди), которые, будучи созданы в каждом дистрикте, следят за процессом последовательного введения хинди в официальное делопроизводство [339, с. 244].

Контрольные функции возложены на «Хинди прагати самити» («Комитет по вопросам прогресса хинди»), члены которого инспектируют правительственные учреждения и ежегодно представляют правительству штата доклад о положении дел с использованием хинди в официальном делопроизводстве и свои рекомендации по координации усилий в этом направлении [339, с. 244].

Наряду со всеми этими комитетами в сентябре 1977 г. при правительстве штата создан Департамент официального языка, призванный следить за процессом перехода с английского на хинди [339, с. 244].

В штате Раджастан уже к середине 60-х годов было официально заявлено, что «использование хинди в официальной переписке неуклонно возрастает» [391, с. 636] — процесс, которому в определенной степени способствовало то обстоятельство, что при правительстве штата был учрежден Директорат по проблемам языков, на который возлагалось проведение в жизнь языковой политики, направленной на планомерный переход с английского на хинди в сфере официального делопроизводства [339, с. 239].

И надо сказать, Раджастан добился значительных успехов в этом деле: к началу 1978 г. на хинди осуществлялось от 80 до 90% официального делопроизводства на уровне дистрикта, от 50 до 75% — в самом правительстве штата и около 40% — в тех департаментах, которые имеют отношение к технике [339, с. 239].

В настоящее время во всех государственных учреждениях Раджастана вплоть до уровня дистрикта языком официального делопроизводства является хинди, поэтому все, кто претендует на место в административном аппарате штата, должны сдать обязательный экзамен по хинди в объеме средней школы [391, с. 814—815].

Что касается использования хинди в судопроизводстве, то здесь картина совершенно такая же, как и в других штатах хиндиязычного ареала: в 1957 г., т.е. после реорганизации штатов, хинди был признан в качестве языка, на котором ведется делопроизводство во всех судах низшей инстанции, и к концу 80-х годов, как сообщалось на Всеиндийской конференции по официальным языкам, все судопроизводство на этом уровне в штате Раджастан велось на хинди [339, с. 240].

В Харьяне — штате, который был создан почти 20 лет спустя после провозглашения независимости, а именно в 1966 г., хинди стал использоваться в качестве официального языка уже в первый год существования Харьяны как самостоятельной административной единицы — в 1967 г., хотя Закон об официальном языке [штата] Харьяна был принят законодательным собранием несколько позже, а именно в 1969 г.

Следует особо отметить, что Харьяна являет собой пример штата, где хинди в деятельности госаппарата используется, пожалуй, в меньшей степени, чем в других штатах «хиндиязычного пояса», что в значительной степени, по-видимому, объясняется тем, что в свое время это была цитадель урду, в официальной сфере которой, однако, безраздельно господствовал английский.

Поэтому сразу же после принятия Закона об официальном языке правительство штата предприняло шаги по обучению хинди всех служащих государственного аппарата, они также обучались стенографии и работе на машинках с графикой деванагари.

В составе департамента юстиции был создан специальный сектор официального языка, на который возлагалась задача осуществлять перевод на хинди законодательных актов, инструкций и циркуляров. Как сообщалось на Всеиндийской конференции по официальным языкам, значительная часть такого рода текстов была не только переведена на хинди, но и опубликована в «Официальном вестнике штата Харьяна» («Haryana Gazette»), см. [339, с. 248].

Время от времени правительство Харьяны возвращается к вопросу об использовании английского языка в деятельности административного аппарата, с каждым разом стремясь еще более сузить сферу его применения.

На Всеиндийской конференции по официальным языкам (март 1978 г.) было заявлено, что до 75% всей официальной переписки в штате ведется на хинди [339, с. 249—250].

Не лучше обстоит дело с применением хинди в судопроизводстве. Даже в судах низшей инстанции — сфере, которая в других штатах данного ареала целиком отдана хинди, в Харьяне использование хинди на рубеже 80-х годов ограничивалось лишь ведением протокола — вся остальная документация велась на английском [339, с. 250].

В штате Химачал Прадеш политика внедрения хинди в деятельность государственного аппарата проводится с 1965 г., хотя статус штата он получил только в 1975 г., и в том же году хинди законодательно был провозглашен его официальным языком [339, с. 246].

В 1968 г. правительством штата была разработана программа поэтапного введения хинди как языка официального делопроизводства. В том же году в Симле был создан Институт официального языка, на который возлагалась обязанность следить за своевременной реализацией принятой программы [339, с. 246].

В 1971 г. было принято решение организовать обучение хинди всего административного аппарата штата [339, с. 246].

Значительным достижением в процессе возрастающего использования хинди явилась принятая в 1972 г. программа из 10 пунктов, которая практически означала перевод на хинди всего официального делопроизводства.

В 1975 г. правительство приняло решение прекратить закупки пишущих машинок с латинской графикой и прием на работу машинисток и стенографисток, умевших оперировать только с английским текстом. С 26 января 1978 г. все официальное делопроизводство в штате должно было вестись только на хинди, кроме департаментов законодательства и технического образования [339, с. 247—248].

Как показало обследование, проведенное Центральным институтом индийских языков, хинди здесь не только провозглашен как официальный язык, но и находит широкое применение в деятельности местной администрации.

Обследование показало, что в наибольшей степени хинди используется в низших звеньях госаппарата, а именно в деятельности деревенских панчаятов. В обследовании отмечается определенная закономерность: чем выше уровень данного эшелона управления, тем меньше процент использования хинди в качест-

ве языка официального делопроизводства. Так, если на уровне панчаята употребление хинди достигает 63,28%, то на уровне зила (волости) или городского муниципалитета колеблется между 52 и 55%, а на уровне дистрикта (округа) и штата в целом падает до 48,57% [444, с. 149—150]. Причем употребление хинди гораздо выше в тех органах власти, которые располагаются в городе. Так, если в управлении волости или муниципалитета (т.е. в городе) использование хинди составляет где-то около 60%, то в деревне оно значительно ниже и колеблется от 48 до 52% [44, с. 151].

Как видим, в штате Химачал Прадеш сферу официального делопроизводства хинди охватывает далеко не в полной степени. Деятельность административного аппарата он обслуживает лишь частично. Причем степень использования хинди в этой сфере варьируется в весьма широком диапазоне в зависимости от ранга и местоположения данного органа власти. Это связано и с тем, что весьма значительное место в деятельности государственного аппарата здесь занимает английский язык. Так, согласно данным уже упоминавшегося обследования, на уровне дистрикта или штата английский язык используют $\frac{3}{5}$ (точнее, от 59 до 61%) общего числа официальных лиц, в то время как на уровне волости — только $\frac{1}{5}$ (от 19 до 22%), а на уровне панчаята — лишь немногим более 2% кадрового состава данного органа власти [444, с. 152].

О том, в какой степени используются хинди и английский в деятельности госаппарата, свидетельствует приводимая ниже таблица (см. табл. 51).

Таблица 51

Использование хинди и английского
в административном аппарате
штата Химачал Прадеш
(по данным обследования 1974—1975 гг.), см. [444, с. 151]

Используемый язык	Уровень административного аппарата	Панчаят	Управление блока деревень	Волость (зила)	Муниципалитет	Округ (дистрикт)	Штат
	Местоположение						
Хинди	в деревне	60,08	52,45	49,39	48,5	47,34	46,73
	в городе	69,8	60,54	59,4	60,69	53,28	52,42
Английский	в деревне	0,68	6,47	6,27	6,81	22,28	23,09
	в городе	1,99	21,37	22,22	23,08	38,18	39,6

По другим штатам хиндиязычного ареала подобного обследования не проводилось, однако, надо полагать, соотношение между английским и хинди в деятельности административного аппарата мало чем отличается от того, что отмечено в штате Химачал Прадеш.

Из всех союзных территорий хинди в качестве официального языка принят только в Дели. Это произошло в 1968 г. после серии консультаций с Центральным правительством Индии, и ныне муниципалитет индийской столицы прилагает усилия, чтобы добиться постоянно возрастающего применения хинди в официальном делопроизводстве.

Однако, несмотря на усилия всех распорядительных и контрольных органов по внедрению хинди, английский по-прежнему занимает заметное место в делийском муниципалитете. Так, если в городском совете, директорате информации и рекламы, департаментах полиции и образования основная часть работы ведется на хинди, то в департаментах, имеющих отношение к технике, таких, к примеру, как директорат промышленности или директорат технического образования, на хинди осуществляется только около половины общего объема работы. В таких же подразделениях муниципалитета, как департамент по законодательству, юридический отдел, директорат экономики и статистики, безраздельно господствует английский, а хинди используется лишь спорадически, и то преимущественно в устном общении [339, с. 245—246].

Как можно заключить из сказанного, за прошедшие годы позиции хинди в официальном делопроизводстве хиндиязычного ареала значительно упрочились, хотя это ни в коей мере не означает, что английский язык утратил свое значение в этой сфере. Несмотря на серию строгих приказов и все принятые, в том числе и дисциплинарные, меры, английский и поныне продолжает занимать значительное место в деятельности административного аппарата всех штатов данного ареала. Некоторые косвенные данные (в частности, соотношение машинок с латинским шрифтом и графикой деванагари) позволяют утверждать, что реальное употребление хинди здесь значительно ниже официально объявленных цифр (и следовательно, доля использования английского значительно выше) [339, с. 238—240, 244—245, 249—250].

Поэтому английский и поныне выступает как своеобразный маркер, свидетельствующий о принадлежности человека к элите индийского общества — судебно-бюрократической, военной, технической, медицинской, научной.

Хинди занимает определенное место в деятельности административного аппарата также и в таких граничащих с «поясом хинди» штатах, как Махараштра и Гуджарат.

Среди населения штата Гуджарат, в том числе и среди работников административного аппарата, отмечается большая тяга к овладению хинди: сказывается близкое родство языков, общность исторических судеб, уходящие в глубь веков культурные и экономические связи. Кроме того, в штате проживает значительный контингент хиндиязычного населения (свыше 720 тыс., по данным переписи 1981 г.), который при обращении в официальные учреждения, естественно, пользуется родным языком. Поэтому уже к середине 60-х годов служащие административного аппарата, от простого рассыльного до высокопоставленного чиновника, обязаны были сдать экзамен по языку хинди [391, с. 554].

Заметное место занимает хинди в административном аппарате и другого сопредельного штата — Махараштра. Причины, видимо, те же, что и в штате Гуджарат; главное же, по-видимому, заключается в том, что, согласно данным переписи 1981 г., около 4,2 млн. человек, проживающих здесь, назвали хинди в качестве своего родного языка. Основная часть хиндиязычного населения сосредоточена в столице штата — Бомбее, а также в восточной части штата — той его области, что традиционно именуется Видарбха (центр области — Нагпур), которая до реорганизации штатов 1956 г. входила в состав прежнего штата Мадхья Прадеш, а в 1956 г. отошла к штату Махараштра. Поэтому каждый претендент на место в административном аппарате штата должен сдать экзамен по хинди [391, с. 701]. Знание хинди необходимо также и для успешного продвижения по служебной лестнице.

Вопрос об использовании хинди в деятельности других штатов, расположенных за пределами «пояса хинди», прежде всего дравидоязычных, даже не поднимается. Более того, стремление поборников хинди любыми средствами сделать хинди единственным официальным языком страны встречает здесь, в иноязычных штатах, активное противодействие, порождая недовольство политикой центра, способствуя росту националистических настроений. Так, правительство штата Тамилнад (где, к слову, всегда была сильна оппозиция хинди) в феврале 1979 г. — а это было во времена нахождения у власти Джаната парти — уведомило Центральное правительство, что хинди отныне не будет преподаваться в школах штата... «Это не меньший фанатизм, чем фанатизм протагонистов хинди», — расценила тогда эту меру индийская пресса [The Times of India. 12.02.1979].

Примеру Тамилнада несколько позже последовало также правительство другого южноиндийского штата — Карнатака, где в противовес Тамилнаду с его полным и безоговорочным приоритетом, отдаваемым английскому языку, особый упор делается на внедрение местного языка — каннада — во все звенья административного и кредитно-финансового аппарата.

Противодействие использованию хинди нередко наблюдается даже в штатах Северной Индии, особенно восточных, население которых говорит на генетически родственных хинди языках (бенгали, ассам, ория). Так, в докладе комиссара по делам лингвистических меньшинств за 1963 г. сообщалось о поступившей к нему жалобе на действия судьи в дистрикте Калаханди (штат Орисса), который отказал истцу в приеме заявления, поскольку оно было составлено на хинди, без перевода на ория. В ответе на официальный запрос комиссара говорилось, что в соответствии с действующими правилами и инструкциями на указанной территории штата Орисса, подпадающей под юрисдикцию данного суда, языком всех судов низшей инстанции является ория — наряду с английским [493, с. 241].

Аналогичный случай произошел также в одном из судов города Джаландхара (штат Пенджаб), где заместитель судьи отказал истцу в приеме заявления, мотивируя это тем, что оно было составлено на хинди [493, с. 253].

Запрос комиссара остался без ответа.

Урду и региональные языки ареала хинди в деятельности госаппарата

Чрезмерным упрощением было бы всю сложность проблемы языка в деятельности госаппарата сводить лишь к противоборству между хинди и английским. Такая постановка вопроса неверна даже применительно к хиндиязычному ареалу. Противоречия здесь более сложны и многоаспектны, ибо наряду с дихотомией «хинди — английский» они охватывают весь комплекс отношений между хинди и урду, с одной стороны, между хинди и региональными языками области его распространения — с другой.

За прошедшие годы правительством Индии предприняты определенные шаги, отвечающие желаниям и чаяниям той части населения, которая считает урду неотъемлемой частью своего социального бытия: на урду издаются официальные акты, постановления и циркуляры; в Дели и Лакхнау созданы Урду академии (Академии урду); учреждены специальные поощрительные премии для литераторов, которые пишут на урду. Все это смягчило отношения между хинди и урду, однако не сняло (да, по-

видимому, и не могло снять) их окончательно, так как за каждой из литературных форм кхари боли — будь то хинди или урду — стоят интересы определенных слоев и прослоек индийского общества, интересы, которые, сталкиваясь главным образом по вопросу о степени охвата каждым из них сферы официального делопроизводства, в индийских условиях тотчас же приобретают конфессиональную окраску, что, естественно, сразу же переводит вопрос о языке в область религиозно-общинных отношений, представляющих собой одну из наиболее жгучих политических проблем современной Индии вообще, хиндиязычного ареала — прежде всего [300, с. 186]. К середине 70-х годов сложилось такое положение, когда, как отмечают исследователи, «урду, некогда доминирующий язык Северной Индии и официальный язык Соединенных Провинций и Бихара, практически устранен как язык администрации в обоих штатах» [300, с. 233].

В 80-е годы позиции урду, однако, существенно изменились: как уже отмечалось выше, в 1980 г. урду провозглашен в качестве второго официального языка в Бихаре [Джан-юг. 12.07.1980]; в октябре 1989 г. статус второго официального языка был предоставлен урду в штате Уттар Прадеш [The Times of India. 04.10.1989].

Официальная языковая политика в штатах хиндиязычного ареала ныне, как и прежде, направлена на всемерное распространение хинди в качестве официального языка и основного языка коммуникации.

Взаимодействие между хинди и урду в пределах данного ареала по-прежнему характеризуется тем, что хинди неуклонно теснит урду, последовательно сокращая сферу его социального функционирования. В таких условиях, несмотря на неоднократные заявления о необходимости неукоснительного соблюдения гарантий, предусмотренных для лингвистических меньшинств (а урду отнесен именно к их числу), процесс территориальной и функциональной локализации урду продолжается, угрожая уже самому его существованию.

Что касается региональных языков хиндиязычного ареала, то в полном соответствии с буквой и духом закона ни один из них, даже те, что признаны Литературной академией Индии, не получил доступа в сферу официального делопроизводства.

События последних лет показывают, что ныне среди носителей региональных языков отмечается стремление к литературно-лингвистическому самоутверждению, которое в ряде случаев выливается в требование автономии.

Хотя зарождение идеи объединения этнических территорий с населением, говорящим на одном языке, относится к началу XX в., требования создания так называемых лингвистических

штатов стали выдвигаться лишь в 40-е и особенно в 60-е годы, получив мощный импульс в 1966 г. в результате реорганизации прежнего штата Панджаб на лингвистической основе, и в 1972 г., когда среди народа телугу развернулось движение за выделение области Телингана из состава штата Андхра Прадеш [100, с. 154—163].

На современном этапе развития языковой ситуации в ареале хинди с требованиями использовать в официальном делопроизводстве свои языки наряду с хинди выступают лишь определенные слои раджастханской и майтхильской интеллигенции, т.е. представители тех языков, что получили признание со стороны Литературной академии Индии, признание, которое, в сущности, является полуофициальным (ибо Сахитья академи — не законодательный орган) и к тому же в высшей степени ограниченным, т.е. носит, по существу, символический характер [100, с. 127, 140—141].

Подавляющее же большинство населения хиндиязычного ареала, в первую очередь интеллигенция, сходится на том, что, являясь наиболее ответственной и жизненно важной, сфера официального делопроизводства должна быть целиком отдана хинди как наиболее развитому языку, обладающему высоким социальным престижем, высокой степенью нормирования и к тому же осуществляющему функцию языка-посредника как в каждом отдельно взятом штате, так и в пределах всего хиндиязычного ареала. При этом следует, однако, сказать, что региональные языки данного ареала все же находят ограниченное применение в официальном делопроизводстве, особенно в низших звеньях государственного аппарата, непосредственно связанных с деревней (в полиции, налоговом ведомстве и т.п.). И дело не ограничивается лишь устной формой общения. Когда возникает потребность апеллировать к широким массам — прежде всего крестьянским — соответствующего штата, правительственные учреждения издадут материалы на региональном языке данной области.

Хинди в деятельности министерства иностранных дел

Как уже упоминалось, наряду с аспектами внутрииндийскими (региональным и межэтническим) хинди давно уже имеет также и аспект международный, который после введения в действие Конституции и провозглашения хинди официальным языком страны приобрел особую социальную значимость.

Этот аспект находит свое проявление прежде всего в том, что во всем мире резко возрос интерес к хинди. Хинди изучается

ныне более чем в 100 странах мира, он значится в программах 95 университетов, расположенных на всех пяти континентах земного шара.

Интерес к хинди поддерживается не только его официальным статусом, но и теми мерами, которые предпринимаются Индией для популяризации хинди за рубежом.

В этой связи заслуживают упоминания такие факты, как создание журнала «Всемирное обозрение хинди» («Вишва-хинди-даршан»), выходящего на хинди один раз в три месяца и рассчитанного в основном на зарубежного читателя, и учреждение международной премии, присуждаемой как индийским, так и зарубежным ученым и общественным деятелям за вклад в дело изучения и популяризации хинди.

Оба эти шага, и создание специального журнала, и учреждение международной премии, были произведены в соответствии с решениями I Всемирной конференции по хинди (Вишва-хинди-саммелан — ВХС), состоявшейся в 1975 г. в Нагпуре.

На этой же конференции была принята также резолюция с требованием к Организации Объединенных Наций признать хинди «мировым языком», т.е. рабочим языком ООН. Это же требование явилось одним из основных пунктов в работе и двух последующих ВХС: II — на Маврикии в 1976 г. и III — в Дели в 1983 г.

Решения ВХС, точно так же как и обращение к ООН на хинди, с которым выступил в феврале 1978 г. тогдашний министр иностранных дел А.Б.Ваджпейи, были с пониманием встречены индийской общественностью, которая расценила их как акты самоутверждения Индии в мировом содружестве. Как писала в те дни индийская пресса, «...главная цель заключалась в том, чтобы сказать мировой организации (имеется в виду ООН. — В.Ч.), что миллионы людей страны, представленной в ней, говорят на хинди» [Hindustan Times. 25.02.1978].

В отличие от других аспектов официального языка международный его аспект не вызывает противодействия ни в самой Индии, ни за ее пределами. Способствуя повышению престижа Индии на международной арене, данный аспект не затрагивает ни экономических или социально-политических интересов, ни национальных чувств народов страны. Главное же, по-видимому, заключается в том, что использование хинди в деятельности индийского МИДа по-прежнему остается не более чем благом пожеланием. Несмотря на давление определенных кругов и их призывы признать хинди в качестве рабочего языка ООН, несмотря даже на отданное еще в декабре 1955 г. распоряжение президента, по которому хинди уже с указанного срока мог употребляться наряду с английским и для таких целей, как за-

ключение договоров и соглашений, для официальной переписки с правительствами других стран и их представителями, а также международными организациями, для официальных документов, направляемых дипломатическим и консульским работникам Индии за рубежом и представителям страны в международных организациях [502, с. 106], хинди до сих пор не стал рабочим языком ни для министерства иностранных дел Индии, ни для его дипломатических представительств за рубежом. И если изредка он, случается, и находит применение в деятельности посольств и консульств Индии за рубежом, то не как привычный язык делопроизводства, а скорее как парадно-официальный язык, применение которого сводится к произнесению протокольных речей по особо торжественным случаям. Рабочим языком внешнеполитического ведомства Индии, точно так же и его зарубежных представительств, по-прежнему остается английский.

Парадно-официальный характер сохраняется за хинди и во время зарубежных поездок руководящих деятелей Индии. Так, во время визита в Советский Союз осенью 1961 г. первый премьер-министр Индии Дж.Неру на хинди произносил лишь краткие заявления и давал интервью у борта самолета, официальные же переговоры и беседы велись исключительно на английском.

Исключением из этого правила являлся, пожалуй, лишь государственный визит первого президента Индии — большого поборника хинди Раджендры Прасада в Советский Союз, состоявшийся летом 1960 г., когда хинди служил рабочим языком на протяжении всего пребывания высокого гостя в СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя хинди распространен практически по всей Индии, однако прежде всего это язык того ареала, который именуется «хиндиязычным». Данный ареал не является, однако, лингвистически гомогенным. Языковая ситуация здесь характеризуется многокомпонентностью: в ее состав входят по меньшей мере шесть основных элементов (хинди, урду, генетически родственные им региональные языки, английский — по всей территории рассматриваемого ареала; языки группы мунда — на востоке данного ареала; языки ряда малых народов дравидийской семьи — на юге и юго-востоке ареала). Сосуществование и взаимодействие всех этих компонентов и составляет неповторимое лингвистическое своеобразие указанного ареала.

Поскольку специфику протекающих здесь процессов составляет расширение сферы социального функционирования хинди как доминирующей литературной формы, с одной стороны, и его взаимодействие с урду — с другой, в перспективе направленное на формирование единого литературного языка — основы складывающегося национального языка, вполне закономерным является то, что обе литературные формы наряду с общими для них городским просторечием кхари боли и единой территориально-диалектной базой, а также пиджинизированными образованиями типа калькуттского или бомбейского хиндустани, функционирующими, как правило, в иноязычных областях, с полным основанием включаются в состав функциональной парадигмы хинди в качестве обязательных ее компонентов: хинди и урду как две литературные формы единого языка занимают место на вершине «функциональной пирамиды», в основании которой лежит каурави — территориальный диалект Дели—Мератха.

Литературный хинди прошел длительный процесс нормирования, в ходе которого было унифицировано употребление отдельных его элементов, относящихся к различным уровням язы-

ка, и, главное, утверждена его специфика, отличающая его, с одной стороны, от урду, с другой стороны, от региональных языков. В результате многолетних поисков и экспериментов победила тенденция к санскритизации хинди: хинди утверждается как литературная форма, специфика лексической сферы которой достигается широким употреблением санскритизмов. К тому времени, когда Индия обрела независимость, хинди в основном прошел процесс нормирования и формирования функциональных стилей, что в социально-лингвистическом плане означало, что к концу 40-х годов хинди уже был готов к осуществлению многообразных функций литературного языка, способного обслуживать различные сферы жизни общества. Однако реализации возможностей хинди препятствовал недостаток (в ряде областей знания — почти полное отсутствие) терминологии — изъян, который общество стремится устранить интенсивным терминотворчеством и непрекращающимися попытками введения в оборот вновь сконструированных терминов. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в ряде сфер общественной жизни Индии, особенно в тех, где практически невозможно обойтись без терминологии, соответствующей современному уровню знания (точные науки, медицина, ветеринария, юриспруденция и т.д.), по-прежнему используется английский. Сохранению и расширению роли английского языка способствует и субъективный фактор — нежелание индийской элиты отказываться от английского, который, позволяя ей поддерживать и развивать связи с англоязычным миром, одновременно служит своеобразным языковым барьером, ограждающим ее социальные привилегии.

Той сферой, где хинди находит наиболее широкое применение, является сфера образования (народного просвещения). Кроме штатов и одной союзной территории, входящих в хинди-язычный ареал, хинди как основной язык обучения используется также на Андаманских и Никобарских о-вах, где процент хиндиязычного населения весьма высок. Школы, где преподавание ведется на хинди, составляют более половины общей численности школ по стране. В большинстве штатов данного ареала языки малых народов и этнических групп не находят применения в системе образования: в качестве основного и единственного языка обучения здесь используется хинди.

Наряду со школой — сферой, где хинди находит широчайшее применение, является система ликбеза, которая в условиях Индии имеет общегосударственное значение. В стране отмечается значительный рост грамотности. На общегосударственном уровне уже более половины населения страны являются грамотными, хотя абсолютное число неграмотных по-прежнему остается вы-

соким. В большинстве же штатов хиндиязычного ареала уровень грамотности гораздо ниже среднеиндийского.

Несмотря на лингвистически гетерогенный характер хиндиязычного ареала, единственным языком, с помощью которого происходит приобщение населения к азам грамоты, является литературный хинди, хотя это создает значительные трудности в овладении грамотой для носителей региональных языков, а также для представителей малых народов и этнических групп.

На протяжении всего колониального периода истории Индии монопольное положение в вузах страны занимал английский язык, который становился основным средством общения как между преподавателями и слушателями, так и зачастую между студентами.

За годы существования независимой Индии вопрос о языке обучения в вузах рассматривался целым рядом авторитетных комиссий, создававшихся президентом или правительством страны. Однако, несмотря на рекомендации комиссий о переводе обучения в вузах с английского на хинди (или вообще на индийские языки), английский по-прежнему остается основным языком обучения в индийских вузах.

Однако с течением времени хинди тоже начинает находить применение в вузовском обучении, в основном на гуманитарных факультетах. Попытки перевести на хинди естественные и точные науки успеха не имели.

Довольно широкое применение находит хинди в деятельности государственного аппарата тех штатов и союзных территорий, которые образуют хиндиязычный ареал, однако даже здесь он не смог охватить абсолютно все сферы деятельности административного аппарата; многие его подразделения — юридические, технические, финансовые, здравоохранения, экономики, статистики и некоторые другие, особенно в высших эшелонах власти (за исключением законодательных собраний штатов), — по-прежнему функционируют на английском языке.

Широчайшее применение находит хинди в средствах массовой информации, которые в социолингвистическом плане являются сферой сосуществования и одновременно противоборства между хинди и английским.

В прессе решающим в этом противоборстве был период конца 70-х — начала 80-х годов, когда хинди «обошел» наконец английский и по числу, и по суммарному тиражу периодических изданий. Еще более эта тенденция закрепилась с начала 90-х годов.

Однако при всех успехах и достижениях прессы на хинди ее воздействие ограничивается по преимуществу рамками города, индийская деревня, даже находящаяся в пределах хиндиязычно-

го ареала, в подавляющей своей массе остается вне зоны влияния прессы как по причине неграмотности населения, так и из-за того, что язык газеты — литературный хинди далеко не всегда понятен жителям деревни.

Мощным средством воздействия на массы является кинематограф, значительную часть которого составляют фильмы, созданные на хинди. С началом эпохи звукового кино кинематограф превращается в орудие речевого воздействия — средство распространения хинди и одновременно автоматически действующий инструмент языкового нормирования. Нормирующая функция кинематографа становится еще более глубокой, когда экранизируются литературные произведения, получившие широкую известность и популярность среди читателей. Давая роману, рассказу или пьесе второе рождение, кинематограф закрепляет и многократно усиливает его речевое воздействие на зрителя.

В современных условиях, однако, гораздо более универсальным средством массовой информации являются радио и телевидение. Как хинди, так и английский находят применение в деятельности всех радио- и телестанций страны, в какой бы зоне они ни находились. Однако если в иноязычных зонах на хинди в эфир идут, как правило, лишь сводки новостей, то на радио- и телестанциях, расположенных в самом хиндиязычном ареале, основную часть эфирного времени занимают передачи на хинди.

За годы независимого развития Индия накопила богатый опыт решения сложнейших языковых проблем, и изучение этого опыта имеет исключительно важное значение для любой страны, сталкивающейся с аналогичными трудностями. Многоликой и многоязычной стране удалось достичь столь впечатляющих успехов в решении своих социолингвистических проблем потому, что, располагая огромным количеством языков и даже на общегосударственном уровне проводя политику официального билингвизма, в подходе к языковым проблемам она последовательно придерживалась демократических принципов, как-то: предоставление каждому штату права иметь свой собственный, отличный от английского и хинди, официальный язык (ст. 345 Конституции Индии) и вести на нем работу (ст. 210), предоставление любому языковому сообществу страны права сохранять и развивать свой язык (ст. 29), а лингвистическим меньшинствам — права открывать свои собственные учебные заведения и управлять ими (ст. 30), при одновременном запрете дискриминации по мотивам языка как в отношении отдельных лиц, так и учебных заведений (ст. 29, п. 2; ст. 30, п. 2) и т.д.

Заметное место в этом калейдоскопе языковых проблем занимает проблема официального языка, статус которого законо-

дательно закреплен за хинди. Эмпирическим путем найдя оптимальное решение этой проблемы как на общегосударственном, так и на уровне штата, Индия сняла тем самым многие трудности и препоны на своем пути, а хинди из деструктивного со временем превратился в конструктивный фактор, активно способствующий социальному прогрессу и национальной интеграции великой азиатской державы — Республики Индия.

Политика билингвизма в сфере официального языка, отражая и закрепляя сосуществование двух языков-посредников — английского и хинди — во всех жизненно важных сферах жизни индийского общества, применительно к хинди означает лишь то, что утверждение хинди как единого для всей Индии языка-макропосредника (и соответственно единого официального языка) приняло характер вяло протекающего эволюционного процесса. Использование английского во всех основных сферах общественной жизни страны сохранится, по-видимому, еще на многие годы. Во всяком случае, на ближайшее обозримое будущее бесспорным является то, что, постепенно расширяя зону своего функционирования, хинди еще долгие годы будет сосуществовать с английским во всех основных сферах общественной жизни Индии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЗИВАН	— Записки Института востоковедения АН СССР
ИАН СССР	— Известия Академии наук СССР
ИЛ	— Иностранная литература
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
НАА	— Народы Азии и Африки
НПП	— Нагари прачарини патрика
СВ	— Советское востоковедение
УЗИВАН	— Ученые записки Института востоковедения АН СССР
УЗЛУГ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
АА	— American Anthropologist
АЛ	— Anthropological Linguistics
BSO(A)S	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies
CIL	— Contemporary Indian Literature
IJAL	— International Journal of American Linguistics
IL	— Indian Linguistics
JAS	— The Journal of Asian Studies
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society

ЛИТЕРАТУРА

І. На русском языке

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
2. Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
3. Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нация. М., 1973.
4. Баранников А.П. К вопросу о колониальных языках. — ИАН СССР, Отделение общественных наук. М.—Л., 1935.
5. Баранников А.П. Прем-Сагар и его автор. — *Лаллу-гжи Лал*. Прем-Сагар. М.—Л., 1937.
6. Баранников А.П. Проблема прозаического хинди. — ЗИВАН. Т. 7. М.—Л., 1939.
7. Баранников А.П. Хиндустани (урду, хинди). Л., 1934.
8. Баранников П.А. О сложении национального языка хиндустани. — УЗЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 4. Л., 1954.
9. Баранников П.А. Проблемы хинди как национального языка. Л., 1972.
10. Баранников П.А. Хинди и урду: их возникновение, развитие и взаимодействие. — Вопросы социальной лингвистики. М., 1970.
11. Баранников П.А. Языковая ситуация в ареале языка хинди. Л., 1984.
12. Бархударов А.С. Словообразование в хинди. М., 1963.
13. Бескровный В.М. Движение за государственный язык в Индии. — СВ. 1941, № 2.
14. Бескровный В.М. О роли санскрита в развитии новоиндийских языков. — Современные литературные языки стран Азии. М., 1965.
15. Бескровный В.М. Очерки функциональных стилей хинди. М., 1984.
16. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
17. Вопросы культуры речи. Вып. 1—8. М., 1955—1969.
18. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.
19. Ганди К.Л. Языковая политика в современной Индии (перевод с англ.). М., 1982.
20. Гельгаргт Р.Р. О языковой норме. — Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961.
21. Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. Краткий очерк. М., 1967.
22. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

23. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.
24. Дегтярева Т.А. Становление норм литературного языка. М., 1963.
25. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
26. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
27. Дешериев Ю.Д. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
28. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. М., 1977.
29. Дьяков А.М. Английский империализм и национальный вопрос в Индии. М., 1948.
30. Дьяков А.М. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963.
31. Дьяков А.М. Языковая проблема в Индии. — Современные литературные языки стран Азии. М., 1965.
32. Дьяков А.М. Языковая ситуация в Индии. — Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
33. Дьяков А.М., Сахаров И.В. Языковой состав Индии (краткий региональный обзор по данным переписи 1961 г.). — Страны и народы Востока. Вып. XIV. Кн. 3. М., 1972.
34. Егоров В.Н. Формирование кадров аппарата управления в независимой Индии. — Индия: современность и история. М., 1974.
35. Зарубежный Восток: языковая ситуация и языковая политика. Справочник. М., 1986.
36. Зограф Г.А. Вопросы формирования урду. — УЗИВАН. 1958, № 13.
37. Зограф Г.А. Калькуттский хиндустани конца XVIII в. в освещении Г.А.Лебедева. — КСИНА, № 61. М., 1963.
38. Зограф Г.А. Многоязычие в Индии. — Страны и народы Востока. Вып. XIX. Кн. 4. М., 1977.
39. Зограф Г.А. Хиндустани на рубеже XVIII и XIX вв. М., 1961.
40. Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. М., 1960.
41. Индия: современность и история. М., 1974.
42. История Индии в средние века. М., 1968.
43. История индийских литератур (перевод с англ.). М., 1964.
44. Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968.
45. Казаков В.И. Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М., 1967.
46. Калининкова Е.Я. Англоязычная литература Индии. М., 1974.
47. Ключев Б.И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.
48. Ключев Б.И. Хинди как система национального языка. — Индия: современность и история. М., 1974.
49. Ковалев И.М. Судьбы индийских племен. М., 1982.
50. Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты. Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
51. Конституция Индии (русский перевод). М., 1965.
52. Литературная норма и просторечье. М., 1977.

53. Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка. — Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
54. Народы Южной Азии. М., 1963.
55. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.
56. Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.
57. Национальный вопрос в странах Востока. М., 1982.
58. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика. М., 1976.
59. Новая история Индии. М., 1961.
60. Новейшая история Индии. М., 1959.
61. Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972.
62. Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.
63. Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
64. Петров В.В. Население Индии. М., 1965.
65. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык. — Избранные труды. М., 1959.
66. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
67. Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.
68. Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983.
69. Сахаров И.В. Западная Бенгалия. Л., 1977.
70. Сахаров И.В. Краткий очерк этнической географии Индии. — Страны и народы Востока. Вып. XIV. Кн. 3. М., 1972.
71. Сахаров И.В. Население Индии по предварительным данным переписи 1971 г. — Страны и народы Востока. Вып. XIV. Кн. 3. М., 1972.
72. Сгасюк Г.В. Штаты Индии. М., 1981.
73. Седловская А.Н. Малые народы Бихара. М., 1976.
74. Серебряков И.Д. Пенджабская литература. М., 1963.
75. Синха Н.К., Баннерджи А.Г. История Индии (перевод с англ.). М., 1954.
76. Скворцов Л.И. Норма. Литературный язык. Культура речи. — Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
77. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры русской речи. М., 1980.
78. Современные литературные языки стран Азии. М., 1965.
79. Сосина Н. К вопросу о государственном языке в Индийском Союзе. — Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951.
80. Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.
81. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. М., 1978.
82. Степанов Г.В. О двух аспектах понятия языковой нормы. — Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966.
83. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
84. Страны и народы Востока. Вып. V. Индия — страна и народ. М., 1967.
85. Страны и народы Востока. Вып. XII. Индия — страна и народ. Кн. 2. М., 1972.
86. Страны и народы Востока. Вып. XIV. Индия — страна и народ. Кн. 3. М., 1972.

87. Страны и народы Востока. Вып. XIX. Индия — страна и народ. Кн. 4. М., 1977.
88. Типы наддиалектных форм речи. М., 1981.
89. Филин Ф.П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия. — Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
90. Функциональная стратификация языка. М., 1985.
91. Халмурзаев Т.Х. Статус урду в современной Индии и тенденции его развития. Таш., 1979.
92. Халмурзаев Т. Урду в современной Индии (некоторые проблемы). — Востоковедение: языкознание и история. Таш., 1971.
93. Хусейн С.Э. История литературы урду (перевод с хинди). М., 1961.
94. Чаттерджи С.К. Введение в индоарийское языкознание (перевод с англ.). М., 1977.
95. Чаухан Ш. Очерк истории литературы хинди (перевод с хинди). М., 1960.
96. Чельшев Е.П. Литература хинди. Краткий очерк. М., 1968.
97. Чельшев Е.П. Современная поэзия хинди. М., 1965.
98. Чернышев В.А. Движение за народный язык (джанапада андолан): история и современность. — Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977.
99. Чернышев В.А. Диалекты и литературный хинди. М., 1969.
100. Чернышев В.А. Динамика языковой ситуации в Северной Индии (хиндиязычный ареал после 1947 г.). М., 1978.
101. Чернышев В.А. Добровольные организации по изучению и пропаганде хинди. — Индия 1985—1986. Ежегодник. М., 1987.
102. Чернышев В.А. К вопросу о формировании национальных языков в Бихаре (на примере майтхили). — Языковая ситуация в странах Азии и Африки. М., 1967.
103. Чернышев В.А. К проблеме языка-посредника. — Язык и общество. М., 1968.
104. Чернышев В.А. Литература на диалектах и языковая ситуация. — Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.
105. Чернышев В.А. Литература народа-воина и созидателя. — Простор. 1972, № 9.
106. Чернышев В.А. Некоторые черты бомбейского говора хиндустани. — Индийская и иранская филология (вопросы диалектологии). М., 1971.
107. Чернышев В.А. Некоторые черты языкового своеобразия «провинциальных произведений» хинди. — Проблемы индийского романа. М., 1974.
108. Чернышев В.А. Нормирование в хинди. М., 1983 (депонировано).
109. Чернышев В.А. Об одном аспекте языковой ситуации в Северной Индии. — Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1976.
110. Чернышев В.А. О синтаксической вариантности в современном хинди. М., 1981 (депонировано).
111. Чернышев В.А. О специфике языковой ситуации в ареале распространения хинди. — НАА. 1968, № 2.

112. Чернышев В.А. О становлении синтаксической нормы современного хинди. — Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983.
113. Чернышев В.А. От средневековья к современности. — ИЛ. 1972, № 9.
114. Чернышев В.А. Факторы складывания и изменения языковой ситуации. — Проблемы изучения языковой ситуации. М., 1970.
115. Чернышев В.А. Функциональная парадигма современного хинди. — Функциональная стратификация языка. М., 1985.
116. Шаматов А.Н. Классический дакхини (южный хиндустани XVII в.). М., 1974.
117. Шах П. Индийское кино (перевод с англ.). М., 1956.
118. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. М., 1976.
119. Шривастав Р.Н. Что такое хинди? — Языковая ситуация в странах Азии и Африки. М., 1967.
120. Язык и общество. М., 1968.
121. Языковая норма и стилистика. М., 1977.
122. Языковая политика в афро-азиатских странах. М., 1977.
123. Языковая ситуация в странах Азии и Африки. М., 1967.
124. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка. — Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.

II. На языке хинди

125. Абдулхак. Каваид-е урду (Грамматика урду). Аурангабад, 1926.
126. Агарш Саксена. Хинди ке анчалик упаньяс аур унки шилпавидхи (Провинциальные романы хинди и их стилистическое своеобразие). Биканер, 1971.
127. Адж (Бенарес).
128. Амар уджала (Агра).
129. Амбапрасад Суман. Хинди аур уски упабхашаон ка сваруп (Хинди и характер его диалектов). Праяг, 1966.
130. Амбапрасад Суман. Хинди бхаша: атит аур вартаман (Язык хинди: прошлое и настоящее). Агра, 1965.
131. Анга мадхури (Патна).
132. Ангика (Патна).
133. Анджор (Патна).
134. Анувад (Дели).
135. Арьяварарта (Патна).
136. Бальмукунд Гупта смарак грантх. Калькутта, 1950.
137. Банарасидас Чатурведи. Джанападия карья: махатвапурн сахитьяк якша (Работа на благо джананд — важная литературная задача). — Аша (Сасани). Сасани сарвекшан анк. 1972.
138. Банарасидас Чатурведи. Сахитья кшетра мен викандрикаран (Децентрализация в сфере литературы). — Мадхукар. 1944, № 1—10.
139. Банарасидас Чатурведи. Сахитья саммелан аур викандрикаран (Литературная конференция и децентрализация). — Мадхукар. 1944, № 1—10.

140. *Баччан Шривастав*. Бхаратия фильмон ки кахани (Рассказ об индийских фильмах). Дели, 1962.
141. *Брадж бхарати* (Матхура).
142. *Браджратнагас*. Кхари боли хинди сахитъя ка итихас (История литературы на кхари боли хинди). Бенарес, 2009 (1952).
143. *Бхаша* (Дели).
144. *Бходжпури сахитъя ка санкшипт паричай эвам бходжпури как пракашит сахитъя* (Краткое знакомство с бходжпурской литературой и печатные издания на бходжпури). Патна, 1970.
145. *Бхоланатх Тивари*. Хинди бхаша (Язык хинди). Аллахабад, 1966.
146. *Васудэв*. Хинди кахани аур каханикар (Новелла и новеллисты хинди). 2-вр. Варанаси, 1957.
147. *Васудэвшаран Агравал*. Джанападия карьякрам (Программа на благо джанападам). — Мадхукар. 1944, № 1—10.
148. *Васудэвшаран Агравал*. Притхви путр (Дети земли). Агра, 1960.
149. *Вачаспати Упадхья*. Банараси боли ка тулнатмак аур айтихасик вякаран (Сравнительно-историческая грамматика бенаресского говора). — НПП. Бхаг 17, 1993 (1936).
150. *Видэш ке хинди кави* (Зарубежные поэты хинди). Хайдарабад, 1985.
151. *Вилас Гупте*. Адхуник хинди сахитъя ко ахинди лекхакон ка йогдан (Вклад нехиндиязычных писателей в современную литературу хинди). Варанаси, 1973.
152. *Винаймохан Шарма*. Раштрабхаша хинди: самасьяен аур самадхан (Национальный язык хинди: проблемы и решения). Дели, 1965.
153. *Вишванатх Танган*. Аччхи хинди (Образцовый хинди). Ч. I, II. Лакхнау, 1966.
154. *Вишва хинди* (Хинди во всем мире). Нью-Дели, 1983.
155. *Вьятхитхридай*. Хамаре гадьякар (Наши прозаики). Агра, [б.г.].
156. *Гангапрасаг Гупта*. Чхаттисгарх ка сахитъя аур иске сахитьякар (Литература и литераторы Чхаттисгарха). Аллахабад, 1972.
157. *Ганеш Чаубе*. Бходжпури мен пракашит грантх (Публикации на бходжпури). Патна, 1976.
158. *Гендалал Шарма*. Браджбхаша эвам кхари боли ка тульнатмак адхьян (Сравнительное исследование языка брадж и кхари боли). Мератх, 1965.
159. *Гопинатх Тивари*. Айтихасик упаньяс аур упаньяскар (Исторические романы и романисты). Агра, 1958.
160. *Дайник джагаран* (Канпур).
161. *Дживеди смрити анк* (Номер, [посвященный] памяти [Махавир Прасада] Дживеди). — Бхаша. 1964, авг.
162. *Дживеди смрити анк* (Спецномер, [посвященный] памяти [Махавир Прасада] Дживеди). — Сахитъя сандеш. 1964, № 1—2, июль—авг.
163. *Девенгранатх Шарма*. Раштрабхаша хинди: самасьяен аур самадхан (Национальный язык хинди: проблемы и решения). Дели, 1965.
164. *Девигатта Шарма, Кришна Магхок*. Бхарат ки сампарк бхаша (Язык-посредник для Индии). Дели, 1979.
165. *Дивишаран Растауги*. Хинди сахитъя ка вивечанатмак итихас (Аналитическая история литературы хинди). Дели, 1952.

166. *Джаганнатх Прасаг Шарма*. Хинди ки гадья-шайли на विकास (Развитие прозаического стиля хинди). 6-е изд. (испр. и доп.). Каши, 1956.
167. *Джагдиш Чатурведи*. Ачарья Махавир Прасаг Двivedи. — Бхаша. 1962, № 2.
168. Джанапада андолан-анк (Номер, [посвященный] движению за народный язык). — Мадхукар. 1944, № 1—10.
169. Джанападия анк (Номер, [посвященный] джанападам). — Гьяна-тарангини (Баксар). 1985—1986, № 1.
170. Джан-юг (Дели).
171. *Джитенгранатх Чаттерджи*. Ахинди бхашийон ко хинди сикхне ки асувидха (Неудобство в изучении хинди для нехиндиязычного населения). — Шикша. 1960, № 3.
172. *Дуничанд*. Хинди व्याкаран (Грамматика хинди). Хишнарпур, 2007 (1951).
173. *Дхармачанд Сант*. Хинди гадья ка авирбхава аур विकास (Зарождение и развитие прозы хинди). Дели, [б.г.].
174. *Дхирендра Варма*. Брадж бхаша (Язык брадж). Аллахабад, 1954.
175. *Дхирендра Варма*. Хинди бхаша ка итихас (История языка хинди). 4-е изд. Праяг, 1953.
176. *Кайлашчанд Бхатия*. Сан 1947 ке банд ка брадж-сахитья (Литература на брадже после 1947 г.). — Алочана. 1965, № 33.
177. *Камтапрасаг Гуру*. Хинди व्याкаран (Грамматика хинди). Каши, 2009 (1952).
178. *Кантикумар*. Чхаттисгархи боли: व्याкаран аур кош (Диалект чхаттисгархи: грамматика и словарь). Дели, 1969.
179. *Канхайялал Сахаль*. Хинди патрон ке сава сау варш (125 лет прессы на хинди). — Хинди парт-патрикаен. Джайпур, 1948.
180. *Капилагэв Синх*. Браджбхаша бапам кхари боли (Браджбхаша против кхари боли). Агра, 1956.
181. *Кишоригас Вагжейи*. Браджбхаша ка व्याкаран (Грамматика языка брадж). Праяг, 1948.
182. *Кишоригас Вагжейи*. Хинди шабданушасан (Словоуправление в хинди). Каши, 2014 (1958).
183. *Кришнагэв Упадхья*. Бходжпури аур уска сахитья (Бходжпури и литература на нем). Дели, 1957.
184. *Кришнагэв Упадхья*. Бходжпури лок-сахитья ка адхьяян (Исследование бходжпурского фольклора). Варанаси, 1960.
185. *Кришнагэв Упадхья*. Бходжпури сахитья как итихас (История бходжпурской литературы). Варанаси, 1972.
186. *Кришналал Ханс*. Нимари аур уска сахитья (Нимари и литература на нем). Аллахабад, 1960.
187. *Кришнанарайн Прасаг Магадх*. Магахи ка сватантрияйоттар захитья (Литература на магахи после [завоевания] независимости). — Алочана. 1966, № 35.
188. *Лакшми Камаль*. Хинди аур раджастхани мен вайякараник асамантаен (Грамматические различия между хинди и раджастхани). — Бхаша. 1974, № 3.
189. *Лакшми Кумари Чундават*. Раджастхани бхаша ка прашн (Проблема языка раджастхани). — Грантхамаль. Джайпур, 1964.

190. Мадхукар (Тикамгарх).
191. *Махендра Сарал*. Бходжпури фильмон мен лок-сангит: до дришти-кон (Народная музыка в бходжпурских фильмах: два подхода). — Сангит (Лок-сангит анк). № 1. Джан, 1966, с. 81—83.
192. *Махмуд Шерани*. Панджаб мен урду (Урду в Панджабе). Лахор, 1928.
193. *Мотилал Менария*. Раджастхани бхаша аур сахитья (Раджастханский язык и литература). Праяг (Аллахабад), 2008 (1951).
194. *Нагендра*. Бхаша ки саралта ки самасья (Проблема простоты языка). — Шикша. 1963, № 3.
195. *Налини Мохан Саньял*. Бихари бхашаон ки утпатти аур विकास (Зарождение и развитие бихарских языков). Аллахабад, 1942.
196. *Нарендра Бханават*. Раджастхани сахитья: кучч правриттийан (Раджастханская литература: некоторые тенденции). Джайпур, 1965.
197. *Нарендра Бханават*. Раджастхани ка наая сахитья (Новая литература на раджастхани). — Алочана. 1965, № 34.
198. *Панналал Трипатхи*. Ачарья Махавир Прасад Двivedи. — Саптахик Хиндустан. 22.05.1966.
199. Панчаджанья (Лакхнау).
200. Парампара (Джодхпур).
201. *Пракашчандра Гупта*. Хинди сахитья ки джанвади парампара (Демократическая традиция литературы хинди). Аллахабад, 1953.
202. *Премнарайн Танган*. Хинди севи сансар, 1. Хинди-сахитьякар-кош (Мир служителей хинди, т. 1. Словарь литераторов хинди). Лакхнау, 1963.
203. *Премнарайн Танган*. Хинди севи сансар, 2 (Мир служителей хинди, т. 2). Лакхнау, 1965.
204. *Пуранчанд Шривастав*. Наваюг ке бундели лок-гит (Бундельские народные песни новой эпохи). — Ная патх. № 2—6, дек. 1956—январь. 1957.
205. *Пурушоттамлал Менария*. Раджастхани бхаша ки рупрекха аур маньята ка прашн (Очерк языка раджастхани и проблема [его] признания). Бенарес, 1953.
206. *Пурушоттамлал Менария*. Раджастхани сахитья ка итихас (История раджастханской литературы). Джайпур, 1968.
207. *Пханишварнатх Рену*. Майла анчал (Грязное покрывало). 2-е изд. Дели, 1957.
208. *Равишанкар Шукла*. Хариджан севак. — Хинди вало, саодхан. Каши, 2004 (1947).
209. *Раджбахадур Гаур*. Урду ки прагати ка масала (Проблема развития урду). — Джан-юг. 17.09.1978.
210. Раджбхаша вишешанк (Спецномер, [посвященный] национальному языку). — Анувад. Ноябрь 1964—январь. 1965.
211. *Раджендра Синх Гаур*. Хамаре кави (Наши поэты). 5-е изд. Аллахабад, 2013 (1956).
212. *Рай Кришнагас*. Ячарья Махавирпрасад Двivedи аур уска юг-эк прадаршини (Ачарья Махавир Прасад Двivedи и его эпоха: обзорение). — Аджкаль. 1971, т. 26, № 12.
213. *Рамвилас Шарма*. Бхаратенду Харишчандра. Дели, 1966.
214. *Рамвилас Шарма*. Бхаша аур самадж (Язык и общество). Дели, 1961.

215. *Рамвилас Шарма*. Майтхили аур хинди (Майтхили и хинди). — Прагатишил сахитья ки самасьяен. Агра, 1954.
216. *Рамвилас Шарма*. Махавирпрасад Двivedи аур хинди наваджагаран (Махавир Прасад Двivedи и новый подъем хинди). Агра, 1977.
217. *Рамвилас Шарма*. Прагатишил сахитья ки самасьяен (Проблемы прогрессивной литературы). Агра, 1954.
218. *Рамвилас Шарма*. Раштрабхаша ки самасья (Проблема национального языка). Дели, 1965.
219. *Рамгопал*. Сватантрата-пурв хинди ке сангхарш ка итихас (История борьбы за хинди до [завоевания] независимости). Праяг, шак 1886.
220. *Рамгопал Синх Чаухан*. Хинди ке гадьякар аур унки шайлиян (Прозаики хинди и их стили). Агра, 1955.
221. *Рамешвар Прасаг Агравал*. Бундели ка бхашашастрия адхьяан (Лингвистическое исследование бундели). Лакхнау, 1963.
222. *Рамешчандра Мехротра*. Хинди-бхашииен ки манак хинди мен кшетрия ашуддхиен ке пратидарш (Отражение региональных не-правильностей в стандартном хинди). — Бхаша. 1974, № 2.
223. *Рамнарайн Упадхья*. Нимари аур уска лок-сахитья (Нимари и народная литература на нем). Джханси, 1964.
224. *Рамнарайн Упадхья*. Нимари ка прачин татха адхуник сахитья (Древняя и современная литература на нимари). — Алочана. 1966, № 36.
225. *Рампракаш Саксена*. Мадхья Прадеш мен прачалит кучх вартани самбандхи трутийон ка вишлешан (Анализ наиболее распространенных ошибок в произношении учащихся в [штате] Мадхья Прадеш). — Бхаша. 1975, № 3—4.
226. *Рамратан Бхатнагар*. Хинди сахитья ки кахани (Рассказ о литературе хинди). Дели, [б.г.].
227. *Рамчандра Варма*. Аччхи хинди (Образцовый хинди). 9-е изд. Бенарес, 2013 (1956).
228. *Рамчандра Варма*. Хинди прайог (Употребление хинди). 6-е изд. Бенарес, 2011 (1954).
229. *Рамчандра Тивари*. Хинди ка гадья-сахитья (Прозаическая литература хинди). Горакхпур, 1955.
230. *Рамчандра Шукла*. Хинди сахитья ка итихас (История литературы хинди). 2-е изд. Каши, 2012 (1955).
231. *Рамчаран Хаяран Митр*. Бунделькханд ки санскрити аур сахитья (Культура и литература Бунделькханда). Дели, 1969.
232. *Ратнакар Пандэй*. Двivedи юг ки нова четна (Новое мышление эпохи Двivedи). — Аджкаль. 1976, т. 32, № 5.
233. *Рахул Санкритьян*. Матрибхашаон ка прашн (Вопрос о родных языках). — Мадхукар. 1944, № 1—10.
234. *Савитри Шукла*. 1947 ке бад ка чхаттисгархи сахитья (Чхаттисгархская литература после 1947 г.). — Алочана. 1966, № 35.
235. *Сампатти Арьяни*. Магахи лок-сахитья (Магахский фольклор). Гая, 1965.
236. Сангит (Хатхарас).
237. *Санчаян*. Ачарья Двivedи ке нибандхон ка санграх (Избранное. Сборник трудов ачарьи М.Двivedи). Аллахабад, 1950.

238. Саптахик Хиндустан (Дели).
239. *Сатъендра*. Брэдх-сахитъя ка итихас (История литературы на брадж-е). Аллахабад, 1967.
240. *Сатъендра*. Джанапада андолан ка дусра пакша (Другой аспект джанапада андолан). — Мадхукар. 1944, № 1—10.
241. *Ситарам Чатурведи*. Бхаратия аур йоропия шикша ка итихас (История индийского и европейского образования). Каши, 2011 (1955).
242. *Субхашини Шарма*. Сватантриоттар анчалик упаньяс (Провинциальный роман после [завоевания] независимости). Нью-Дели, 1976.
243. *Судхакар Пандэй*. Хинди сахитъя аур сахитъякар (Литература и литераторы хинди). Варанаси, 1956.
244. *Сунити Кумар Чатурджья*. Раджастхани бхаша (Язык раджастхани). Джайпур, 1946.
245. *Трилокинарайн Дикшит*. Авадхи аур иска сахитъя (Авадхи и литература на нем). Дели, 1954.
246. *Трилокинарайн Дикшит*. Сан 1947 ке анантар авадхи сахитъя (Литература на авадхи после 1947 г.). — Алочана. 1966, № 33.
247. *Удайнарайн Тивари*. Бходжпури бхаша аур сахитъя (Бходжпурский язык и литература). Патна, 1954.
248. *Удайнарайн Тивари*. Хинди бхаша ка удгам аур विकास (Зарождение и развитие языка хинди). Праяг, 1961.
249. *Уша Сингаль*. Хинди шикшан: ахинди-бхаши бхаратийон ки прат-хамик шикша ки патхьячарья ки приштхбхуми мен хинди-вакья-виньяс ка чаян аур анусаран (Обучение хинди: выбор и конструирование предложения хинди в процессе начального обучения нехиндиязычных жителей Южной Индии). Бхаша, 1977.
250. *Харгэв Бахри*. Хинди грамин болиян (Деревенские диалекты хинди). Аллахабад, 1968.
251. *Харгэв Бахри*. Хинди: удбхао, विकास аур रूप (Хинди: зарождение, развитие и разновидности). Аллахабад, 1966.
252. Хинди прачар сабха раджат джаянти смрити-грантх (Том, [посвященный] серебряному юбилею «Общества по пропаганде хинди»). Хайдарабад, 1966.
253. Хинди сахитъя ка итихас (История литературы хинди). Каши, 2009 (1952).
254. Хинди севи сансар (Мир служителей хинди). Лакхнау, 1951.
255. Хиндустан (Дели).
256. Хирак джаянти грантх (Том, [посвященный] бриллиантовому юбилею [общ-ва «Нагари прачарини сабхи»]). Бенарес, 2011 (1953).
257. *Чандрабхан Рават*. Хинди бхаша: विकास аур вишлешан (Язык хинди: развитие и изучение). Агра, 2025 (1968).
258. *Чандракант Бали*. Панджаб прантия хинди сахитъя ка итихас (История литературы хинди, [созданной] в штате Панджаб). Дели, 1962.
259. *Чандранатх Мишра Амар*. Майтхили андолан: эк сарвекшан (Движение за [признание] майтхили: обзор). Дарбханга, 1962.
260. *Чинтамани Упадхьяя*. Мальви: эк бхаша-шастрия адхьяян (Мальви: лингвистическое исследование). Джайпур, 1960.

261. *Шакунтала Варма*. Чхаттисгархи лок-дживан аур лок-сахит्या ка адхьян (Исследование народной жизни и чхаттисгархского фольклора). Аллахабад, 1971.
262. *Шанкар Рао Лонгхе*. Свайччхик хинди санстхаен (Добровольные организации хинди). — Вишва хинди. Дели, 1983.
263. *Шанкар Рао Лонгхе*. Раштрабхаша праچار самити, Вардха (Комитет по пропаганде национального языка в Вардхе). — Вишва хинди. Нью-Дели, 1983.
264. *Шивдансинх Чаухан*. Бхаша ка прашн аур бхарат ки экта (Языковой вопрос и единство Индии). — Алочана. 1965, № 34.
265. *Шивдансинх Чаухан*. Джанапада бхашаон ка прашн (Проблема народных языков). — Сахит्या ки самасьяен. Дели, 1959.
266. *Шивдансинх Чаухан*. Сахит्या ки самасьяен (Проблемы литературы). Дели, 1959.
267. *Шивпуджан Сахай*. Хинди сахит्या аур Бихар (Литература хинди и Бихар). Патна, 1960.
268. Шикша (Лакхнау).
269. Шикшан патрика (Дели).
270. *Шитикантх Мишра*. Кхари боли ка андалан (Движение за [утверждение] кхари боли). Каши, 2013 (1956).
271. *Шривьятхитхридай*. Хамаре гадыкар (Наши прозаики). Агра, [б.г.].
272. *Шрипракаш*. Михавир Прасад Двivedи. — Бхаша. 1964, авг.
273. *Шри Рамнарайн Упадхья* абхинадан грантх: мати ки гандх (Запах земли. Том, посвященный юбилею Рамнарайна Упадхья). Харсуд (М.П.), 1974.
274. *Шукагэв Бихари Мишра, Харикришна Вагжейи*. Хинди ки гадыа шайли ка विकास (Развитие прозаического хинди). Лакхнау, 1950.
275. *Шукагэв Синх*. Бходжпури аур хинди ка тульнатмак व्याкаран (Сравнительная грамматика бходжпури и хинди). Аллахабад, 1968.
276. *Шьям Пармар*. Мальви аур иска сахит्या (Мальви и литература на нем). Дели, 1953.
277. *Шьямсунгар Багаль*. Бундели ка пхаг-сахит्या (Песенная поэзия на бундели). Ратх (Хамирпур), 1964.
278. *Шьямсунгаргас*. Хинди бхаша (Язык хинди). Праяг, 1954.
279. *Шьямсунгаргас*. Хинди сахит्या (Литература хинди). 9-е изд. Праяг, 2010 (1953).
280. *Ягьядатта*. Хинди ке упаньяскар (Романисты хинди). Дели, 1951.

III. На английском языке

281. *Abraham A.I.* UPSC Examination «Reform». — The Times of India. 04.01.1980.
282. *Aggarwal C.* The Progress of Education in Free India. Delhi, 1966.
283. The [First] All India Educational Survey. N.Delhi, 1960.
284. The [Second] All India Educational Survey. Panaji, 1967.
285. The [Third] All India Educational Survey. Languages and Media of Instruction in Indian Schools. N.Delhi, 1981.
286. The [Fourth] All India Educational Survey. N.Delhi, 1982.

287. [The Fifth] All India Educational Survey. N.Delhi, 1989.
288. *Ambedkar B.R.* Thoughts on Linguistic States. Aurangabad, 1955.
289. *Amrita Bazar Patrika* (Calcutta).
290. *Bailey T.G.* Studies in North Indian Languages. L., 1938.
291. *Bailey T.G.* Urdu: the Name and the Language. — JRAS. 1930.
292. *Barannikov A.P.* Modern Literary Hindi. — BSOS. 1936, vol. 8, pt. 2—3.
293. *Barns M.* The Indian Press. Liverpool, 1940.
294. *Baruah U.L.* This is All India Radio. N.Delhi, 1983.
295. Bharat year-book (10th ed.). Delhi, 1960.
296. *Bhatnagar R.R.* The Rise and Growth of Hindi Journalism. Allahabad, 1947.
297. *Bhatnagar Y.C.* Dynamics of Bilingualism and Nationality Question: A Case Study of USSR and India. Delhi, 1985.
298. *Bhatnagar Y.C.* Indian Bilingualism: An Overview. — The Indian Bilingualism. Agra, 1977.
299. *Bopegamage A.* Delhi. A Study in Urban Sociology. Bombay, 1957.
300. *Brass P.R.* Language, Religion and Politics in North India. L., 1974.
301. *Bright W.* Linguistic Change in Some South Indian Dialects. — Linguistic Diversity in South Asia. N.Y., 1960.
302. *Bright W.* Sociolinguistics. The Hague—Paris, 1966.
303. *Castle E.B.* Principles of Education for Teachers in India. L., 1969.
304. Census of India 1961. Vol. 1. Part 2-C(ii). Language Tables. Delhi, 1964.
305. Census of India 1971. Census Centenary Monograph № 10. Language Handbook on Mother Tongues. N.Delhi, 1972.
306. Census of India 1971. Series I. Paper 1 of 1971. Provisional Population Tables. Delhi, 1971.
307. Census of India 1971. Series I. Part H-C(i). Social and Cultural Tables. N.Delhi, 1977.
308. Census of India 1971. Series I. Language Monograph. Grammatical Sketches of Indian Languages with Contemporary Vocabulary and Texts. Delhi, 1975.
309. Census of India 1981. Series I. Paper 1 of 1982. Final Population Totals. Delhi, 1982.
310. Census of India 1981. Series I. Paper 3 of 1981. Provisional Population Totals. Workers and Non-Workers. N.Delhi, 1982.
311. Census of India 1981. Series I. Paper 1 of 1987. Households and Household Population by Language Mainly Spoken in the Household. Delhi, 1987.
312. Census of India 1981. Series 18. Rajasthan. Paper 1 of 1981. Supplement. N.Delhi, 1981.
313. Central Institute of Indian Languages. Mysore, 1980.
314. *Chanana D.R.* The Sanskritist and Indian Society. — Enquiry. New Series. Vol. 2, № 2 (Old Series № 2). N.Delhi. 1965.
315. *Chatterjee K.K.* English Education in India: Issues and Opinions. Delhi, 1976.
316. *Chatterji S.K.* Calcutta Hindustani. — A Study of a Jargon Dialect. — Select Papers. Vol. 1. New Delhi, 1972.
317. *Chatterji S.K.* India: Language Problems. — Select Papers. Vol. 1. New Delhi, 1972.

318. *Chatterji S.K.* Languages and Linguistic Problem of India. 3rd ed. L., 1945.
319. *Chatterji S.K.* Languages and Literatures of Modern India. Calcutta, 1963.
320. *Chatterji S.K.* A Note of Dissent. — Report of the Official Language Commission. New Delhi, 1957.
321. *Chatterji S.K.* The Oldest Grammar of Hindustani. — IL. 1935, vol. 5, pt. 4.
322. *Chatterji S.K.* A Roman Alphabet for India. — Select Papers. Vol. 1. N.Delhi, 1972.
323. *Chatterji S.K.* Select Papers. Vol. 1. N.Delhi, 1972.
324. *Chaturvedi M.G., Mohale B.V.* Position of Languages in School Curriculum in India. N.Delhi, 1976.
325. *Chaube S.P.* A Survey of Educational Problems and Experiments in India. Allahabad, 1965.
326. *Chaudhuri N.C.* The Continent of Circe, an Essay on the Peoples of India. L., 1965.
327. *Clair Tisdal N.S.* A Conversation Grammar of the Hindustani Language. L., 1911.
328. *Contractor M.K.* Our Language Problem and Unity of India. Surat, 1982.
329. Current Trends in Linguistics. Vol. 5. The Hague—Paris, 1969.
330. *Das Gupta J.* Language Associations in India. — Language Planning Processes. The Hague, 1977.
331. *Das Gupta J.* Language Conflict and National Development. Berkeley, 1970.
332. *Das Gupta J.* Language Planning in India—Authority and Organization. — Language Planning Processes. The Hague, 1977.
333. *Davidson T.T.L.* Indian Bilingualism and the Evidence of the Census of India 1961. — Lingua. 1969, vol. 22, № 2, 3.
334. *Desai M.P.* The Hindi Prachar Movement. Ahmedabad, 1956.
335. *Dikshit S.S.* Nationalism and Indian Education. Delhi, 1966.
336. Distribution of Languages in States and Union Territories in India. Mysore, 1973.
337. *Dua H.P.* Language Planning in India. N.Delhi, 1985.
338. *Duggal K.S.* Indian Broadcast Media Yearbook. N.Delhi, 1982.
339. *Dvivedi S.* Hindi on Trial. N.Delhi, 1981.
340. The Economic Times (N.Delhi).
341. Education in India 1953—54. Report. N.Delhi, 1956.
342. Education in India 1960—61. Vol. 1. Report. Delhi, 1966.
343. Education in India 1963—64. Education and National Development. Vol. 1. Report. Delhi, 1968.
344. *Ekka F.* Language Loyalty and Maintenance among Kuruxs. — Language Movements in India. Mysore, 1979.
345. *Emeneau M.B.* India as a Linguistic Area. — Language. 1956, vol. 3, № 1.
346. Enquiry (N.Delhi).
347. *Ferguson C.A.* The Language Factor in National Development. — AL. Vol. 4, № 1, Jan. 1962.
348. *Forbes D.* A Grammar of the Hindustani Language. L., 1846.

349. *Forbes D.* The Hindustani Manual. L., 1896.
350. *Fridrich P.* Language and Politics in India. — *Dacdalus*. 1962, vol. 91, № 3.
351. *Gandhi K.* Issues and Choices in Higher Education, a Sociological Analysis. Delhi, 1977.
352. *Gandhi M.K.* Thoughts on National Language. Ahmedabad, 1956.
353. *Garvin P.L.* The Standard Language Problem. — *AL*. 1959, vol. 1, pt. 3.
354. *Ghosh A.K.* The Movement for Linguistic States and the Struggle against Bourgeois Nationalism. — *New Age*, May, 1954.
355. *Gokak V.K.* English in India: Its Present and Future. N.Delhi, 1964.
356. *Gopal R.* Linguistic Affairs of India. Bombay, 1966.
357. *Greaves M.A.* Education in British India, 1698—1947. L., 1967.
358. *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Calcutta, 1904—1927.
359. *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Vol. 1, pt. 1. Introductory. Calcutta, 1927.
360. *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Vol. 5. Indo-Aryan Family. Eastern Group, pt. 2. Specimens of the Bihari and Oriya Languages. Calcutta, 1902.
361. *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Vol. 6. Indo-Aryan Family. Modiate Group. Specimens of the Eastern Hindi Language. Calcutta, 1904.
362. *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Vol. 9. Indo-Aryan Family, Central Group, pt. 1. Specimens of Western Hindi and Panjabi. Calcutta, 1916.
363. *Grierson G.A.* Linguistic Survey of India. Vol. 9. Indo-Aryan Family, Western Group, pt. 2. Specimens of Rajasthani and Gujarati. Calcutta, 1904.
364. *Grierson G.A.* Seven Grammars of the Dialects and Subdialects of the Bihari Language, pt. 1. Introductory. Calcutta, 1887.
365. *Gumperz J.J.* Dialect Differences and Social Stratification in North Indian Village. — *AA*. 1958, vol. 60.
366. *Gumperz J.J.* and *Naim C.M.* Formal and Informal Standards in Hindi Regional Language Area. — *IJAL*. 1960, vol. 26, pt. 3, № 3.
367. *Gumperz J.J.* Hindi-Punjabi Code-Switching in Delhi. — *Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics*. Massachusetts, 1962.
368. *Gumperz J.J.* and *Das Gupta J.* Language, Communication and Control in North India. — *Language in Social Groups*. Princeton, 1971.
369. *Gumperz J.J.* Language Problem in the Rural Development of North India. — *JAS*. 1957, vol. 15, № 2.
370. *Gumperz J.J.* Linguistic and Social Interaction in Two Communities. — *AA*. 1964, vol. 66, № 2.
371. *Gumperz J.J.* Some Desiderata in South Asian Areal Linguistics. — *Studies in Indian Linguistics*. Padna—Annamalainagar, 1968.
372. *Handa R.L.* History of Hindi Language and Literature. Bombay, 1978.
373. *Handa R.L.* Missing Links in Link Language. N.Delhi, 1983.
374. *Harrison S.* India. The Most Dangerous Decades. Princeton, 1960.
375. *Himkar C.M.* Spelling Erros in Hindi: Analysis, Causes and Cures. — *Shiksha*. 1962, № 2.
376. *Hindustan Times* (N. Delhi).

377. *Hoernle R.A.* A Comparative Grammar of the Gaudian Languages. L., 1880.
378. *Hooper J.S.M.* Bible Translation in India, Pakistan and Ceylon. 2nd ed. Oxf., 1963.
379. *Hymes D.* Language in Culture and Society. N.Y., 1964.
380. India, a Reference Annual 1955. Delhi, 1955.
381. India, a Reference Annual 1962. N.Delhi, 1963.
382. India, a Reference Annual 1979. N.Delhi, 1979.
383. India, a Reference Annual 1983. N.Delhi, 1983.
384. India, a Reference Annual 1986. N.Delhi, 1986.
385. India, a Reference Annual 1989. N.Delhi, 1989.
- 385a. India, a Reference Annual 1991. N.Delhi, 1992.
- 385b. India a Reference Annual 1995. N.Delhi, 1996.
386. Indian Express (Delhi).
387. Indian Linguistics (Poona).
388. Indian Literature (Bombay).
389. Indian Literature (N.Delhi).
390. The Indian PEN.
391. Indian Year Book of Education (1947—1961). 1st Year Book. Part 2. States Programmes. N. Delhi, 1968.
392. The International Year Book and Statesmen's Who's Who 1987. Suffolk (England), 1987.
393. *Ishwaran R.* Multilingualism in India. — Studies in Multilingualism. Leiden, 1969.
394. *Jafri Ali Sardar.* Why two literary forms — Urdu and Hindi (a Short Supplementary Note...). — Indian Literature (Bombay). 1953, № 1, c. 30—46.
395. *Jaiswal M.P.* A Linguistic Study of Bundeli (A Dialect of Madhyadesha). Leiden, 1962.
396. *Jayaram N.* Colonial Legacy, Neo-Colonial Dependency. — Mainstream. 1985, vol. 23, № 35, April 27.
397. *Jevoor S.V.* Aims and Objectives of Indian Education. Bombay, 1971.
398. *Jha R.* Failures on Language Front. — The Statesman. 17.09.1987.
399. *Jha R.* The Problem of Maithili. — Indian Literature. (N. Delhi). 1969, vol. 12, № 4.
400. *John V.V.* Education and Language Policy. Bombay, 1969.
401. *Joshi K.C.* The Making of Hindi. — Shiksha. 1961, № 3.
402. Journalism in Modern India. Bombay, 1954.
403. *Kachru B.B.* Code-Mixing as a Verbal Strategy in India. — International Dimensions of Bilingual Education. Wash., 1979.
404. *Kachru B.B.* The Englishization of Hindi: Notes on Language Rivalry and Language Change. — Linguistic Method. The Hague, 1979.
405. *Kachru B.B.* Indian English: A Sociolinguistic Profile of Transplanted Language. — Studies in Language Learning. Urbana, 1976.
406. *Kachru B.B.* The Indianization of English. L., 1982.
407. *Kamat A.R.* The Educational Situation in India. N.Delhi, 1973.
408. *Karve I., Ranadive J.S.* The Social Dynamics of a Growing Town and its Surrounding Area. Poona, 1965.

409. *Kaul J.M.* Problems of National Integration. N.Delhi, 1963.
410. *Kelkar M.G.* Linguistics and Language Planning in India. Poona, 1969.
411. *Kelley G.* The Status of Hindi as Lingua Franca. — Sociolinguistics. The Hague—Paris, 1966.
412. *Kellogg S.H.* A Grammar of the Hindi Language. L., 1875.
413. *Keravalla G.J.* Language Problems and Policies in India and the USSR. Delhi, 1979.
414. *Kochhar S.K.* Pivotal Issues in Indian Education. N.Delhi, 1981.
415. *Kodesia K.* The Problems of Linguistic States in India. Delhi, 1969.
416. *Kripalani K.* Modern Indian Literature. Bombay, 1968.
417. *Krishnamurti Bh.* Bilingualism and Social Dialects in Telugu. — Zbornik radova. 1972.
418. *Kumar K.* Journalism in Bihar. Patna, 1971.
419. *Kumar V.S.* How to Achieve Universal Literacy. — New Age. 02.09.1989.
420. *Kumaramangalam S.M.* India's Language Crisis. Madras, 1965.
421. *Kundu C.L.* Adult Education: Principles, Practice and Prospects. N.Delhi, 1984.
422. Language and Society in India. Simla, 1969.
423. Language Movements in India. Mysore, 1979.
424. Language Problems of Developing Nations. N.Y., 1968.
425. *Lebedeff H.* A Grammar of the Pure and Mixed Dialects Spoken in All the Eastern Countries, Methodically Arranged at Calcutta. L., 1801.
426. *Le Page R.B.* The National Language Question. Linguistic Problems of Newly Independent States. L., 1964.
427. Linguistic Diversity in South Asia. — IJAL. 1960, vol. 26, № 3, pt. 3, paper 13.
428. Linguistic Minorities and Literacy: Language Policy Issues in Developing Countries. B., 1984.
429. Linguistic and English Language Teaching. Poona, 1965.
430. Link (N.Delhi).
431. *Lulla B.P., Murty S.* Essential Problems of Indian Education. Agra, 1971.
432. *Machve P.* Writers Within the Walls of Language. — Asian Review. 1968, vol. 2, № 1, Oct.
433. *Maheshwari H.* History of Rajasthani Literature. N.Delhi, 1980.
434. Mainstream (N.Delhi).
435. *Majumdar A.K.* Problem of Hindi. A Study. Bombay, 1965.
436. *Malaviya H.D.* Village Panchayats in India. N.Delhi, 1956.
437. *Mali M.G.* Adult Education in India. N.Delhi, 1984.
438. Manorama Yearbook 1984. Kottayam, 1984.
- 438a. Manorama Yearbook 1992. Kottayam, 1992.
- 438b. Manorama Yearbook 1993. Kottayam, 1993.
439. Mass Media and Adult Literacy. N.Delhi, 1966.
440. *Mazundar S.N.* Marxism and the Language Problem in India. N.Delhi, 1970.
441. *McCormack W.* Social Dialects in Dharwar Kannada. — Linguistic Diversity in South Asia. N.Y., 1960.
442. *Mehta A., Patwardhan A.* Communal Triangle. Allahabad, 1942.
443. *Mishra J.* The Case of Maithili before Sahitya Akademy. N.Delhi, 1963.
444. *Misra B.G., Dua H.R.* Language Use in Himachal Pradesh. Mysore, 1980.

445. *Misra B.G.* Studies in Bilingualism. (A Study of the Characteristics of Hindi as Written by Speakers of South Indian Languages.) Mysore, 1976.
446. *Mishra J.* A History of Maithili Literature. Vol. 1. Allahabad, 1949.
447. *Mishra J.* A History of Maithili Literature. Vol. 2. Allahabad, 1950.
448. *Mishra J.* History of Maithili Literature. N.Delhi, 1976.
449. *Monier Williams.* A Practical Hindustani Grammar. New Edition. L., 1868.
450. *Mukerji S.N.* Education in India. Baroda, 1957.
451. *Mukherji S.* and *Ishtiaq M.* Dialects of Bihar: Sociolinguistic Study. — Patriot. 18.12.1987.
452. The Nagari Memorial. — Hirak Jayanti Granth. Kashi, 2001 (1953).
453. *Naik J.M.* Policy and Performance in Indian Education 1947—1974. N. Delhi, 1975.
454. *Naipal V.C.* An Area of Darkness. L., 1968.
455. Nalanda Yearbook. Calcutta, 1958.
456. *Narula S.S.* Scientific History of the Hindi Language. Delhi, 1955.
457. *Natarajan J.* History of Indian Journalism. N. Delhi, 1955.
458. National Herald (Lucknow).
459. National Literacy Mission. N. Delhi, 1985.
460. *Nehru J.* Language Problem in India. — CIL. 1963, vol. 3, № 10, Oct.
461. New Age (N.Delhi).
462. On the Formation of the Hindustani Nation and the Problem of its National Language. — Indian Literature. (Bombay), 1953, № 1, c. 1—30.
463. Organiser (Delhi).
464. Pakistan Times (Karachi).
465. *Pandit P.K.* Sanskrit Clusters and Caste Dialects. — IL. 1963, vol. 24.
466. *Panikkar K.M.* Geographical Factors in Indian History. 2nd ed. Bombay, 1959.
467. Patriot (Delhi).
468. *Pattanayak D.P.* Language Curriculum. An Approach to and Structure of Curriculum in Indian Languages. Mysore, 1977.
469. *Pattanayak D.P.* Papers in Indian Sociolinguistics. Mysore, 1978.
470. People's Age (N.Delhi).
471. People's Democracy (Calcutta).
472. *Pietrzyk A.* Problems in Language Planning. The Case of Hindi. — Contemporary India. L., 1964.
473. *Pillai M.S.* Caste Isoglosses in Kinship Terminology. — AL. 1965, vol. 7.
474. *Platts J.T.* A Grammar of the Hindustani or Urdu Language. L., 1874.
475. *Prakash P.* Language and Nationality Politics in India. Madras, 1973.
476. *Prasad N.R.* The Language Issue in India. Delhi, 1972.
477. Press and Advertisers' Year Book. N.Delhi, 1979.
478. Press in India. Pt. 1. New Delhi, 1971.
479. Profiles of Indian Education. Bombay, 1971.
480. Rajya Sabha Proceedings. N.Delhi, 1976.
481. *Ram M.* Hindi against India. The Meaning of DMK. N.Delhi, 1968.
482. *Ramanathan G.* Educational Planning and National Integration. N.Y., 1965.
483. *Ramanujah A.K.* The Structure of Variation. — Structure and Change in Indian Society. N.Y., 1968.

484. *Rangari A.D.* Indian Caste System and Education. N.Delhi, 1984.
485. *Ray P.S.* Language Standardization. The Hague, 1963.
486. Report of the All India Language Conference. Calcutta, 1958.
487. Report of the Commission on the Hill Areas of Assam 1965—1966. Delhi, 1966.
488. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities (1st Report). Delhi, 1959.
489. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities (2nd Report). Delhi, 1960.
490. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities. (3d Report). Delhi, 1961.
491. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities (4th Report). Delhi, 1962.
492. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities (5th Report). Delhi, 1963.
493. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities (6th Report). Delhi, 1965.
494. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities (7th Report). Delhi, 1966.
495. Report of the Commissioner for Linguistic Minorities in India (14th Report for the Period — July 1971 to June 1972). Allahabad, 1972.
496. Report of the Committee on Broadcasting and Information Media. N.Delhi, 1966.
497. Report of the Committee on Emotional Integration. N.Delhi, 1962.
498. Report of the Committee of Parliament on Official Language. N.Delhi, 1959.
499. Report of the Committee on the Medium of Instruction at the University Stage. Delhi, 1948.
500. Report of the Education Commission 1964—1966. N.Delhi, 1967.
501. Report of the Enquiry Committee on Small Newspapers. N.Delhi, 1966.
502. Report of the Official Language Commission 1956. N.Delhi, 1957.
503. Report of the Sanskrit Commission. N.Delhi, 1955.
504. Report of the Secondary Education Commission 1952—1953. N.Delhi, 1955.
505. Report of the Seminar on Literacy. N.Delhi, 1962.
506. Report of the States Reorganisation Commission. N.Delhi, 1955.
507. Report of the University Education Commission. Delhi, 1951.
508. Report of the Uttar Pradesh Language Committee. Lucknow, 1963.
509. *Rice F.A.* Study of the Role of the Second Language in Asia, Africa and Latin America. Wash., 1962.
510. *Sahaya S.N.* The Teaching of English in India. Patha, 1956.
511. *Saihgals* Hindustani Grammar. 15th ed. Simla, 1947.
512. *Saini S.K.* Development of Education in India. Delhi, 1980.
513. *Saksena B.* Evolution of Awadhi. Allahabad, 1937.
514. *Samuel H.* Journalism by Radio. — Journalism in Modern India. Bombay, 1954.
515. *Seetharamu A.S., Usha Devi.* Education in Rural Areas. Constraints and Prospects. Bangalore, 1985.

516. *Shan A.B.* The Great Debate: Language Controversy and University Education. Bombay, 1968.
517. *Shanker U.* Education of Indian Teachers. N.Delhi, 1984.
518. *Sargent J.* Society, Schools and Progress in India. Oxf., 1968.
519. *Sarker A.* Handbook of Languages and Dialects of India. Calcutta, 1964.
520. *Segal R.* The Crisis of India. Middlesex (England), 1965.
521. *Sharma O.D.* Literacy Trends. — The Economical Times. 20.01.1989.
522. *Sharma O.P.* Universal Literacy: A Far Cry. — The Economical Times. 20.02.1989.
523. *Shrimali K.L.* A Search for Values in Indian Education. Delhi, 1971.
524. *Shukla H., Khan V.H.* A Survey of Arabic Words in Middle India. — *Al-lissan al-arabi*. 1984, № 20.
525. *Shukla R.* Language Policy of All India Radio. Allahabad, 1944.
526. *Singh M.P.* A Student's History of Educational Thought. Vol. 1 (Educators). Amritsar, 1957.
527. *Singh V.P.* Spoken («basar») Hindi/Hindustani in Shillong. — Abstracts of the Papers III International Conference on South Asian Languages and Linguistics. Mysore, 1982, Jan.
528. *Sinha A.K.* Mass Media and Rural Development. N.Delhi, 1984.
529. *Siqueira T.N.* The Education in India. 4th ed. Oxf., 1952.
530. *Srinivas M.N.* Social Change in Modern India. N.Delhi, 1966.
531. *Srivastava G.N.* The Language Controversy and the Minorities. Delhi, 1970.
532. *Srivastava R.N.* Indian Bilingualism: Myth and Reality. — *Indian Bilingualism*. Agra, 1977.
533. *Srivastava R.N.* Literacy Education for Minorities: A Case Study from India. — *Linguistic Minorities and Literacy*. B., 1984.
534. *The Statesman* (N.Delhi).
535. *Styler W.E.* Adult Education in India. L., 1966.
536. *The Times of India* (Delhi).
537. *Tiwari U.* A Dialect of Bhojpuri. Allahabad, 1936.
538. *Tiwari U.* The Origin and Development of Bhojpuri. Calcutta, 1958.
539. *University Development in India: Basic Facts and Figures 1970—1971*. N.Delhi, 1974.
540. *Verma B.N.* Contemporary India. L., 1964.
541. *Vyas K.C.* The Development of National Education in India. Bombay, 1954.
542. *Weinreich U.* Functional Aspects of Indian Bilingualism. — *Word*. 1957, vol. 13, № 2.
543. *Weinreich U.* Languages in Contact. Findings and Problems. The Hague, 1964.
544. *White Paper on Indian States*. Delhi, 1950.
545. *Who's Who of Indian Writers*. N.Delhi, 1961.
546. *Who's Who of Indian Writers: 1983*. N.Delhi, 1983.
547. *Yadav S.K.* Non-Formal Education: A New Policy Perspective. N.Delhi, 1986.
548. *Zide N.H.* Munda and Non-Munda Austroasiatic Languages. — *Current Trends in Linguistics*. Vol. 5. The Hague—Paris, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Г л а в а I. Этнолингвистическая ситуация:	
Индия и хиндиязычный ареал.....	11
Этнолингвистическая ситуация и административно- политическое деление Индии.....	11
Об интерпретациях понятия «язык хинди»	22
О формах существования хинди	28
Этнолингвистическая ситуация в хиндиязычном ареале.....	43
Г л а в а II. Языковая политика независимой Индии:	
основные этапы	68
Хинди как объект языковой политики в независимой Индии	69
Урду как объект языковой политики в независимой Индии	83
Нормирование хинди в контексте языковой политики	95
Г л а в а III. Функционально-лингвистическая ситуация в хиндиязычном ареале	110
Хинди в системе образования.....	112
Хинди в высших учебных заведениях Индии	163
Хинди в средствах массовой информации.....	185
Хинди в официальном делопроизводстве.....	211
Заключение	240
Библиографические сокращения	244
Литература.....	245

В.А.Чернышев

ХИНДИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ

Построенная на обширном
источниковедческом материале,
монография В.А.Чернышева
дает полное представление
о предмете исследования —
языке хинди,
который рассматривается здесь
в специфическом,
социолингвистическом ракурсе.

По мнению специалистов,
это фундаментальное исследование
не имеет аналогов
в индологической научной литературе.

Своеобразными этапами
на пути автора к этой работе
стали такие его исследования,
как «Диалекты и литературный хинди» (1969),
«Динамика языковой ситуации
в Северной Индии» (1978) и др.